Немногие возвратившиеся

Эудженио Корти

SHOUT
SHARE
IT

- Корти Эудженио

Корти Эудженио
Немногие возвратившиеся

Корти Эудженио
Немногие возвратившиеся
Записки офицера итальянского
экспедиционного корпуса 1942-1943 гг.

{1} Так помечены ссылки на примечания редакции. Примечания в конце текста

{*1} Так помечены ссылки на подстрочные примечания. Подстрочные примечания в конце текста

Аннотация издательства: Офицер итальянского армейского корпуса Э. Корти - один из немногих, кто выжил после широкомасштабного наступления Советской армии на Восточном фронте в 1942 году. Начиная войну восторженным юнцом, он, участник панического отступления фашистских войск из донского "котла", очень скоро расстается с мальчишеским энтузиазмом, встретившись с ужасами войны: жестоким холодом и голодом, обстрелами, атаками, цинизмом союзников, страхом перед пленом и смертью товарищей. В книге, основанной на личных воспоминаниях автора, воспроизведен один из переломных моментов Второй мировой войны, пережитых противником, обреченным на поражение.

С о д е р ж а н и е

Предисловие Карло Д'Эстэ
От Дона до Арбузова
Арбузов ("Долина Смерти")
От Арбузова до Черткова
Чертково
От Черткова до наших позиций
Из окружения
Послесловие
Примечания

Предисловие Карло Д'Эстэ

Вторая мировая война - один из самых тяжелых периодов в итальянской истории. С 1922 года в стране правил Бенито Муссолини со своей бандой головорезов, и только в июле 43-го он был свергнут и арестован. Итальянцам довелось на себе испытать все ужасы фашистского режима, установленного союзом диктатора Муссолини с нацистской Германией и ее лидером Адольфом Гитлером.

Начиная с последовавшего в 1936 году вторжения в Эфиопию

Муссолини всеми силами старался вернуть дни былого величия Римской империи, которая в свое время потрясла мир военными победами и удивительными достижениями в области культуры. Но дуче не принес Италии желанной славы. Вместо этого он обрек нацию на немыслимые страдания, поскольку установил в стране жесточайшую диктатуру, обрядив ее в новые одежды. Провал проповедуемых Муссолини идей нового итальянского фашизма был совершенно очевидным для большинства итальянцев, желавших только одного - прекращения войны. И хотя новое нефашистское правительство Италии, возглавляемое маршалом Пьетро Бадоглио, объявило, что война будет продолжаться, уже через несколько недель начались секретные переговоры с союзниками.

3 сентября 1943 года 8-я армия Великобритании вступила в Калабрию. Это стало началом освобождения Италии войсками союзников. Пятью днями позже было достигнуто соглашение с союзниками о прекращении военных действий. Капитуляция Италии означала, что итальянское правительство вышло из военного блока "Ось Рим - Берлин" и примкнуло к союзникам. Обозленный Гитлер назвал этот поступок "чистейшей воды предательством" и "величайшим бесстыдством в истории". В Италию было срочно направлено подкрепление, и в течение сорока восьми часов почти 80 процентов страны было оккупировано немецкими войсками.

9 сентября 1943 года 5-я армия Соединенных Штатов заняла Салерно. Италия стала огромным, растянувшимся на тысячи миль полем боя. К декабрю 43-го Северная Италия от Кассино до Калабрии была освобождена войсками союзников. Солдатам не смогли помешать даже ужасные погодные условия осени - зимы 1943 года, и в итоге отчаянное сопротивление немцев было сломлено.

Итальянская кампания длилась более двадцати месяцев. Самые жестокие и кровавые сражения происходили при Салерно, Кассино, Анцио и на реке Рапидо. В них принимали участие отборные немецкие войска под командованием отличавшегося удивительным коварством фельдмаршала Альберта Кессельринга и силы союзников, во главе которых стоял фельдмаршал сэр Гарольд Александер. Союзники намеревались освободить Рим осенью 43-го, но из-за отчаянного сопротивления немцев не сумели воплотить эти планы в жизнь вплоть до 5 июня 1944 года. Вторжение союзнических сил в Нормандию, в результате которого война в Италии сразу отодвинулась на второй план, произошло днем позже - 6 июня 1944 года.

Гитлер поставил свергнутого итальянского диктатора во

главе марионеточного правительства. На этой должности Муссолини продолжал предавать интересы своих соотечественников. Он даже санкционировал казнь собственного пасынка - графа Циано. С сентября 1943-го до мая 1945 года в Италии после Муссолини процветали погромы, рабская покорность, трусость, стихийные вспышки протеста, предательства и массовые убийства. Повсеместно немцы проявили себя как вполне настоящие угнетатели. Они уничтожали итальянских евреев, охотились за партизанами и даже нападали на своих бывших союзников - итальянскую армию. Некоторые части Королевской итальянской армии сражались бок о бок с союзническими войсками до самого конца войны, однако Гитлер интернировал 600 тысяч итальянских солдат в германские трудовые лагеря, а сколько их было безжалостно убито на Эгейском море, в Греции, Албании и Югославии, в точности не знает никто. Более 7 тысяч человек погибли, когда британские бомбардировщики топили немецкие транспорты, перевозившие итальянских солдат в Грецию. Тех, кто сразу покорно не тонул, а пытался плыть к земле, расстреливали немецкие пулеметчики. Немцы успешно расправлялись как с итальянскими военными, так и с мирным населением. Гестапо и СС работали в полную силу. А тем временем Муссолини от всего сердца благодарил германское командование "за доброту к итальянским солдатам".

Преданные собственным правительством, ожесточившиеся итальянские солдаты принимали участие в самых жестоких сражениях на Восточном фронте на стороне гитлеровской Германии. В июне 1941 года Гитлер напал на своего союзника - Советский Союз. Таким образом он начал претворять в жизнь свой знаменитый "План Барбаросса". Гитлер умышленно скрыл свои намерения от Муссолини, опасаясь, что от итальянцев информация может просочиться к русским, сведя, таким образом, на нет эффект неожиданности.

Когда план Барбаросса стал известен Муссолини, тот немедленно отправил по своей собственной инициативе итальянский экспедиционный корпус, состоящий из трех дивизий, насчитывающих в своем составе 60 тысяч человек, в южный сектор Восточного фронта. Очень скоро численность этих войск возросла до 250 тысяч человек, и на Восточном фронте появилась 8-я итальянская армия. Причем Муссолини вовсе не стремился помочь своим союзникам. Он просто хотел поставить Италию в такое положение, чтобы она могла претендовать на изрядную долю военной добычи, как сторона, внесшая весомый вклад в войну против Советского Союза. Муссолини только беспокоился, чтобы экспедиционная армия успела прибыть в

Россию вовремя и приняла участие в военных действиях{*1}.

Итальянские части, воюющие на Восточном фронте, не пользовались уважением своих немецких союзников. Считалось, что 8-ю итальянскую армию можно использовать лишь на вторых ролях. До 1942 года, когда русские бросили в бой четыре армии общей численностью более одного миллиона человек, почти 1000 танков "Т-34" и такое же количество истребителей, а также провели 19 ноября на Южном фронте широкомасштабное зимнее контрнаступление одновременно на двух направлениях, итальянцев использовали главным образом в обороне. В наступательных операциях они не участвовали. Под командованием маршала Георгия Константиновича Жукова наступление Красной армии должно было снять осаду Сталинграда путем окружения 6-й германской армии.

35-й корпус, первым принявший участие в боевых действиях в России в 1941 году, был частью 8-й итальянской армии. Она занимала позиции на шестидесятимильном участке вдоль реки Дон к северо-западу от Сталинграда. Донской фронт не был целью ноябрьского наступления, но 16 декабря 1942 года Красная армия развернула атаку на более широком фронте. Во время второй фазы наступления итальянцев атаковали три советские армии. 8-я армия не могла противостоять этой сокрушительной силе и была довольно легко отброшена. Итальянцы оказались не только неподобающим образом одеты, но им также не хватало танков и противотанковых орудий для защиты. В течение нескольких часов Донской фронт прекратил свое существование. Чтобы избежать гибели или плена, немецкие и итальянские солдаты, попавшие в донской "котел", начали поспешно отступать, отчаянно пытаясь вырваться из окружения. Их бегство стало невероятной одиссеей людей, родившихся на юге и вынужденных путешествовать в условиях суровой русской зимы, когда температура временами опускалась ниже 30 градусов по Цельсию. В отличие от немцев, которых периодически снабжали по воздуху, итальянцев предоставили самим себе. Каждый солдат мог рассчитывать исключительно на собственные силы. Они несли тяжелую поклажу или волокли свои пожитки за собой на самодельных салазках. Большинство итальянцев были обуты в легкие ботинки, рассчитанные на теплую погоду. Многие укутывали ноги соломой и обматывали разорванными на полосы одеялами. Не имеющие соответствующего обмундирования, снабжения и транспорта, итальянцы тащились пешком по замерзшей русской степи, не имея ни малейшей возможности обогреться или хотя бы немного отдохнуть. Когда силы окончательно оставляли их, люди позволяли себе остановиться и

забыться в коротком сне, после чего сразу же шли дальше, оставив на месте короткого привала трупы своих замерзших товарищей и вещи, которые уже не было сил нести.

Русские не оставляли их в покое ни днем ни ночью. Бомбы, снаряды, пули и ужасный мороз уничтожали людей тысячами. Только самым удачливым и стойким удалось пережить двадцать восемь дней тяжелейших испытаний. Лишь в середине января 1943 года последним чудом выжившие солдаты вырвались из русского окружения. Но 8-я итальянская армия прекратила свое существование.

Итальянские историки утверждают, что, кроме тех, кто погиб в боях и во время отступления с Дона, еще 50-60 тысяч итальянских солдат были захвачены в плен русскими и отправлены в лагеря. Из них только 10 300 впоследствии были репатриированы. Считается, что остальные погибли от голода, жестокого обращения и болезней в плену{*2}.

Во время отступления итальянских солдат Красная армия не только покончила с осадой Сталинграда, но также нанесла Германии тяжелейшее поражение, уничтожив 6-ю армию. Победа Красной армии под Сталинградом в январе 1943 года остановила наступление немцев на Советский Союз и стала важнейшим переломным моментом в войне с Германией и Италией, которые теперь были обречены на поражение.

Трагедия несчастной 8-й армии - еще одна грустная страница итальянской истории. Герхард Вайнберг в своем труде "Мир в войне" писал, что Муссолини "не осознавал истинного положения дел в своей стране и в армии. Солдаты сражались в тяжелейших условиях, имея негодное обмундирование и вооружение, почти не получая снабжения. У них не было ясной цели, поэтому отсутствовал и энтузиазм. Старательность, с которой Муссолини растрачивал жизни своих солдат, внесла весомый вклад в дальнейшее ослабление фашистского режима в Италии"{*3}.

Об участии итальянского экспедиционного корпуса в военных действиях в России написано очень немного. Как заметил британский историк Ричард Лэмб, "существующие слова недостаточно выразительны, чтобы достойным образом выразить осуждение Муссолини... за отправку итальянских солдат в Россию, где им пришлось пережить судьбу даже более тяжелую, чем та, что постигла их соотечественников во время наполеоновской кампании 1812 года".

Одним из немногих, переживших трагическое отступление, был Эудженио Корти, молодой офицер, служивший в артиллерийском батальоне дивизии Пасубио 35-го корпуса. По оценке Корти, из всего корпуса в живых осталось лишь около 4

тысяч человек. Во время службы в России Корти начал записи о пережитом на обрывках бумаги. Позже, уже в Италии, находясь на излечении в госпитале, он систематизировал свои записки и создал первый вариант "Немногих возвратившихся". Впоследствии Корти писал, что преследовал только одну цель - "с течением времени ничего не забыть".

Между тем шел 1943 год и война была далека от завершения. Корти довелось своими глазами увидеть еще одну сторону войны - оборону Италии войсками стран "Оси Рим - Берлин" от наступающих британцев, которая длилась вплоть до мая 1945 года. Чтобы рукопись не попала в руки фашистов, Корти положил ее в водонепроницаемый пакет и закопал в укромном месте. Ему повезло. Он снова остался в живых. Уже после увольнения из армии он писал: "Я выкопал рукопись. Она была в весьма жалком состоянии, впрочем, я тоже. Тем не менее я сумел переписать ее, воспользовавшись любезной помощью моих сестер".

Итальянские рассказы о Второй мировой войне, переведенные на английский язык, очень немногочисленны. Что же касается литературы об участии итальянцев в сражениях на Восточном фронте, то ее просто не существует. Видимо, осталось слишком мало очевидцев.

Предлагаемая книга не содержит вопросов военной тактики и стратегии, нет в ней также интриг политиков и высшего военного руководства. "Немногие возвратившиеся" - честная и откровенная история жизни простого солдата. Это важное дополнение к нашим знаниям о величайшем и самом трагическом событии человеческой истории. Книга напоминает "На Западном фронте все спокойно" Эриха Марии Ремарка и "Забытого солдата" Гая Сэджера. Корти пишет о тяжелых испытаниях, выпавших на долю простых солдат, которым не было дела до "высоких идей" или "общего положения на фронтах". Генералы стремятся любой ценой выиграть сражение. Солдат на передовой хочет выжить. Эудженио Корти оказался одним из выживших.

С окончанием войны перестали возникать те крепчайшие связи, которые появляются только между людьми, воюющими плечом к плечу против общего врага. Эти узы столь крепки, что их не может ослабить ничто и никогда{*4}. Довольно часто ветераны испытывают чувство вины перед погибшими и свято чтут их память. Корти посвятил свою книгу тем, "кто был рядом со мной в те суровые дни, кто сражался и страдал рядом со мной, кто так отчаянно надеялся вместе со мной и, в конце концов, навсегда остался там, на бескрайних просторах русской степи".

Для меня лично книга Корти особенно интересна. Мой отец - итальянец, родившийся и выросший в Триесте, был мобилизован

в австрийскую армию и служил во время Первой мировой войны в России в качестве командира роты. Когда в 1917 году Россия капитулировала, его подразделение оказалось одним из многих, брошенных в весьма затруднительном положении. Он и его люди сумели вернуться домой только благодаря тому, что мой отец одновременно являлся еще и казначеем и имел в своем распоряжении некоторую сумму денег, которые и были истрачены по пути. Хотя времена изменились, горькая история, описанная Эудженио Корти, имела достаточно много общего с тем, что довелось пережить моему отцу. Насколько мне известно, опыт моего отца был значительно менее тяжелым, но тем не менее достаточно неприятным. Он не любил об этом рассказывать. Книги Эудженио Корти стали заметным явлением в послевоенной итальянской литературе. Думаю, что самый лучший способ представить этого автора миру - предложить познакомиться с его книгой "Немногие возвратившиеся".

Эти страницы руками моей матери я передаю Мадонне моего народа Мадонне лесов.

Пусть они хранят тех, кто был рядом со мной в те суровые дни, кто сражался и страдал рядом со мной, кто так отчаянно надеялся вместе со мной и, в конце концов, навсегда остался там, на бескрайних просторах русской степи.

От Дона до Арбузова

И молись, чтобы полет твой проходил не зимой.

Марк, 13: 18

Глава 1.

19 декабря

В этих записках повествуется о конце 35-го армейского корпуса, одного из трех корпусов итальянской армии, воевавших в России{*5}, который до начала лета 1942 года был единственным итальянским корпусом на русском фронте{*6}. Та же судьба впоследствии постигла и два других корпуса, а также некоторые немецкие части, находившиеся вместе с нами на этом участке фронта.

* * *

До начала декабря жизнь на берегах Дона казалась нам вполне терпимой. Даже когда великая русская река полностью замерзла, жизнь продолжала идти своим чередом. Периодически то там, то здесь возникали вялые перестрелки, временами включалась артиллерия, по ночам противник иногда устраивал внезапные вылазки.

Но к середине декабря разрозненные ночные атаки стали значительно интенсивнее, зачастую переходя в короткие яростные баталии. Мы начали понимать, что русские готовят

массированное наступление.

35-й армейский корпус располагался на берегу реки. Он состоял из следующих подразделений: 298-я немецкая дивизия на левом фланге, Пасубио в центре и Торино - на правом фланге{1} {*7}. Мы, офицеры, знали, что участок, занимаемый Пасубио, имеет длину 35 километров, и считали, что так же обстоят дела и у двух других дивизий.

30-я армейская артиллерийская бригада, в которой я служил, состояла из трех батальонов (60, 61 и 62). У нас были старые орудия 105/32, повидавшие еще Первую мировую войну, а также достаточно современные орудия: 149/40 и 210/22.

В то время я был главным офицером наблюдения{2} 61-го артиллерийского батальона 80-го пехотного полка Пасубио в местечке Абросимово на Дону. Наши предположения о готовящемся наступлении русских постоянно находили подтверждение. Изрядно потрепанная белорусская дивизия, расположенная напротив нас, внезапно была заменена свежей частью, состоящей сплошь из новобранцев - узбеков и татар. Очень скоро в нашем расположении появились и первые перебежчики. Они в один голос говорили о готовящемся грандиозном наступлении{3}. Это были маленькие узкоглазые человечки с желтыми морщинистыми лицами. Потомки монголов из Золотой Орды Чингисхана, они с трудом подчинялись жесточайшей дисциплине, которой требовали их русские командиры. На допросе один из дезертиров рассказал, в доказательство продемонстрировав шрамы, что "товарищ офицер" обычно, вместо того чтобы окликнуть солдата по имени, подходил и хлестал его по лицу. Они были плохо одеты и вооружены, видимо, их считали не чем иным, как пушечным мясом, то есть материалом, не обладающим какой бы то ни было ценностью. У них даже не было гимнастерок, поэтому многие, чтобы защитить себя от холода, запихивали под подкладку шинелей сено. Перспектива попасть в плен к таким людям вряд ли могла показаться привлекательной.

Впоследствии мы получили команду из штаба быть наготове. Однако, несмотря на явно превосходящие нас по численности силы противника, никто и не думал о соответствующем подкреплении. На помощь прибыл только сборный немецкий батальон и несколько измученных чернорубашечников. Было очевидно, что у высшего командования отсутствуют резервы. К тому времени они уже сгинули в горниле Сталинграда.

В местах, где наши линии укреплений отклонялись от берега реки, несколько вражеских рот ночью переправились через Дон и окопались в низинах на ничейной земле.

Наши 81-миллиметровые минометы били по ним часами, но, к нашему немалому удивлению, ответный огонь ни разу не был открыт. Не могло не ужасать отношение русского командования к своим солдатам. Казалось, их жизнь не имела никакой ценности. Один из дезертиров рассказывал, как после полного уничтожения личного состава одной из рот ее тут же сменила другая, занявшая те же самые окопы в снегу.

В такой обстановке на рассвете 16 декабря 1942 года началось великое наступление русских войск.

В этой книге я не намерен рассказывать о последующем сражении. Об этой наступательной операции русских написано много. Скажу только одно: вечером 19 декабря дивизия Пасубио при участии чернорубашечников и ряда немецких частей все еще оборонялась, хотя мы и отступили на несколько километров. И только через несколько часов мы получили приказ немецкого командования отходить на Мешков{4} и попытаться спасти то, что осталось. Приказ нас очень удивил. Поскольку в дивизии совсем не было топлива, он означал, что вся техника должна быть брошена.

Глава 2.

19 декабря

Мой 61-й батальон начал движение около трех часов пополудни. Зимой в этих широтах световой день длится всего восемь часов, поэтому хотя было довольно рано, но уже начинало темнеть.

Наших скудных запасов дизельного топлива и бензина могло бы хватить не больше чем на 10-20 километров. Но все равно не было надежды завести имевшиеся в нашем распоряжении грузовики (626-е "фиаты" и омки), поскольку они были рассчитаны на работу на дизельном топливе при температуре не ниже 20 градусов по Цельсию. В то же время тракторы (старые добрые "павези") имели бензиновые двигатели и завелись практически сразу же, огласив окрестности оглушительным ревом и треском.

Через некоторое время мы оставили попытки вдохнуть жизнь в мертвые грузовики и выступили пешком. Впереди шествовал майор Беллини. За нашей весьма разномастной колонной шли солдаты из трех батарей, которым не нашлось места на немногочисленных оставшихся в наличии транспортных средствах. Они двигались в строю вместе со своими офицерами. Многие, невзирая на чины и звания, были закутаны в одеяла.

Мы ничего не уничтожили, повинуясь категорическому запрету майора Беллини. Конечно, бросать имущество и вполне исправную технику было очень жалко. Мы не знали, что ждет нас

впереди и сумеем ли мы когда-нибудь сюда вернуться... Довольно скоро мы осознали, что испытания только начинаются.

Мы молча двигались по заснеженной дороге. Немногочисленные деревья, молчаливые свидетели самых драматических моментов нашей жизни, казались абсолютно черными на фоне белого снега. Морозный воздух обжигал обветренные лица. Вокруг не было слышно песен, а из труб, задорно торчащих над землянками, не поднимался голубоватый дымок. Мы покидали обжитые, ставшие такими привычными места.

* * *

Майор Беллини поставил меня замыкающим в группе, сопровождающей командование. Это, несомненно, было знаком доверия, хотя он меня не порадовал. Дело в том, что с самого начала марша я чувствовал нарастающую боль в правом бедре. Я знал, что, если она усилится, через несколько часов я не смогу идти (так уже было несколько месяцев назад во время охоты с друзьями).

Находясь в довольно затруднительном положении, я зато почувствовал и в должной мере оценил трогательную преданность своих солдат. Не тех, которые входили в группы наблюдения и связи, действовавшие под моим командованием на Дону. Все они были новобранцами, только что приехавшими из Италии и сразу же угодившими в бой. Нет, я говорю о ветеранах 2-й батареи, с которыми нам довелось многое пережить вместе{5}.

Получилось так: я подошел к капралу Джимонди, с которым мы уже много лет вместе воевали, и рассказал о своей проблеме. И не скрыл, что дело может кончиться тем, что у меня на некоторое время отнимется нога. Он сбросил со спины тяжелый мешок с провизией и ответил:

- Signor tenente{*8}, я вас не оставлю. Если мы выберемся из этой передряги, то вместе. Если же нет... что ж, тогда тоже вместе.

Парень не отходил от меня в течение многих часов, до тех пор пока я не почувствовал, что могу идти без затруднений.

Позже место рядом со мной занял капрал Джузеппини. Этот резкий, даже, пожалуй, грубоватый мужчина средних лет, командир орудийного расчета, с тревогой следил за моим состоянием и успокоился только тогда, когда убедился, что со мной все в порядке. Старый верный Джузеппини... как много нам пришлось повидать вместе.

* * *

В кромешной тьме на обледеневшей дороге, ведущей в

Мешков через Малеванное и Медово, собралась огромная колонна людей. Нас были тысячи. Темные фигуры тянулись по белой дороге, которая вилась через бесконечную заснеженную степь.

В толпе людей можно было заметить несколько саней, которые тянули русские лошади (обычно в каждые сани впрягали по две лошадки), всевозможные самодельные тележки и немало мотоциклов.

* * *

На перекрестке майор приказал колонне повернуть направо по направлению к позициям 62-го батальона, с тем чтобы впоследствии по возможности соединиться с ним. Но оказалось, что 62-й уже ушел, бросив свои 12 орудий. Это был первый случай паники, с которым я столкнулся во время отступления.

Мы заметили, что на затворах большинства из 12 брошенных орудий ударники находились в боевом положении. Подивившись чужому легкомыслию, мы потратили некоторое время на то, чтобы извлечь их и забросить подальше в снег.

Вернувшись на дорогу, мы вскоре увидели одно из орудий нашей 2-й батареи. Очевидно, при движении по скользкой дороге его занесло, и орудие съехало в кювет. Под колесами бесформенной грудой темных тряпок на ослепительно белом снегу лежал человек. Совместными усилиями мы вытащили орудие обратно на дорогу, и тягач затарахтел дальше.

Мы снова влились в бесконечную колонну людей и машин, тянущуюся на юг.

* * *

Примерно через полчаса после начала марша мы вошли в Житрейд, маленькую деревушку, где ранее располагались наши тыловые службы. Теперь она была покинута. Высокое кирпичное сооружение, единственное среди покосившихся бревенчатых, крытых соломой изб, горело, окрашивая ночное небо багрово-красным заревом. Периодически в пламени что-то взрывалось, и тогда ввысь над полыхающим костром вырывались яркие огненные столбы. Это был наш склад боеприпасов, который перед отходом подожгли, чтобы не оставлять врагу. Когда мы проходили мимо, раздалось подряд несколько мощных взрывов, видимо, огонь добрался до ящиков с гранатами. Большинство из нас инстинктивно втянули головы в плечи и пригнулись. Те, кто были ближе к огню, попадали в снег.

Находясь в Житрейде, мы начали понимать: то, что мы делаем, вряд ли можно назвать отступлением. Это самое настоящее бегство. Вокруг виднелась в панике брошенная техника, сани, ящики с самым разнообразным содержимым. Повсюду валялись мешки, одеяла, инструменты, предметы

одежды, всевозможное оружие, включая вполне пригодные для использования пулеметы, разобранные минометы. Такую безрадостную картину мы наблюдали на протяжении многих километров.

В Житрейде сходилось несколько дорог с разных направлений, а на юг вела только одна. И она была буквально забита людьми.

До сих пор мы двигались в относительном порядке в колоннах по трое, впереди каждой шел офицер, замыкали строй три батареи, в которых нам, офицерам, с трудом, но тоже удалось навести порядок. Но теперь все смешалось. К нам примкнули пехотинцы из других подразделений, незнакомые чернорубашечники. Некоторые из них участвовали в боях на Дону, где потеряли всех своих товарищей.

Мы продолжали двигаться вперед, упрямо пытаясь поддерживать порядок. Так продолжалось до двух часов ночи. Но перед Медовом нас остановил поток людей, идущих в обратном направлении. Дорога впереди оказалась перерезанной врагом.

Но все по порядку... Строя, как такового, уже не существовало. Майор Беллини больше не останавливался каждые полкилометра, как делал это раньше, чтобы проверить, идут ли солдаты по трое. Несколько офицеров, в том числе и я, шли вслед за ним во главе колонны. Рядом со мной шагали преданные Джимонди и Джузеппини.

Всю дорогу меня не покидало чувство тревоги. Сумеем ли мы выйти из окружения? Или окажемся в ловушке? Правда, остальные офицеры считали, что последнее нам не грозит. А солдатам вообще не разъяснили обстановку. Поэтому одни шли спокойно, слепо полагаясь на отцов-командиров, другие уже начинали паниковать. Лично я придерживался довольно пессимистической точки зрения на наше будущее, но даже она оказалась неимоверно далекой от ужасающей действительности, которая нас поджидала впереди.

Только значительно позже я сумел понять, как развивались события. На протяжении трех дней русские вели массированное наступление на широком участке примерно в 40 километрах к западу от Пасубио через фронт 2-го армейского корпуса, где располагались дивизии Равенна и Козерия. С востока к ним присоединились дополнительные силы, прорвавшие фронт 3-й румынской армии в 100 километрах от нас{6}. Перед русскими стояла задача замкнуть кольцо. За линией фронта румынской армии лежал Сталинград, окруженный еще с 23 ноября крупнейшими силами врага. А далее им предстояло разобраться с немецкими войсками на Кавказе, которые теперь оказались в

крайне невыгодной позиции. Таким образом, речь шла не просто о тяжелой ситуации, сложившейся на отдельном участке фронта. Весь Южный фронт разваливался на части.

* * *

А мы шли дальше.

Несколько раз на перекрестках нам удалось заметить маленькие деревянные указатели с надписью Bellini. Стрелки указывали, как попасть на уже оставленные нами позиции. Часто указатели были сбиты и валялись рядом с торчащими из снега столбиками. А вокруг раскинулась заснеженная степь, которой не было видно конца. Одинокие деревья растопырили свои голые, покрытые льдом ветки, ставшие очень хрупкими на ужасном морозе. Где-то вдали вспыхивали и гасли огни.

Я шепотом молился. Господь должен быть на нашей стороне, особенно в годину тяжелых испытаний. Я просил его о помощи и всем сердцем на нее надеялся.

* * *

Мы шли уже много часов. Позади осталось Малеванное. Стоял жесточайший мороз, думаю, что столбик термометра опустился до 20 градусов ниже нуля. Но мы пока переносили непривычную для нас погоду относительно неплохо.

Я перемолвился несколькими фразами с майором Беллини и младшим лейтенантом Занотти, адъютантом командующего. Последний был недоучившимся студентом-химиком, призванным на фронт из Миланского университета. Как и мне, ему исполнился двадцать один год. Занотти, типичный мальчик из благополучной семьи, нес свой спальный мешок одной рукой на манер чемодана и с истинно миланской учтивостью проинформировал всех о своей уверенности в том, что в самом ближайшем будущем мы будем в безопасности. В беседе принял участие наш офицер-картограф Палациано, а также врач лейтенант Кандела, младшие лейтенанты Лугареци и Карлетти из 2-й батареи и Марио Беллини. Майор, проживший восемь лет в Сомали, считал русский мороз совершенно непереносимым. Но он этого не показывал, всеми силами старался поднять моральный дух своих подчиненных, постоянно шутил и посмеивался над опасностью. Одному Богу известно, как тяжело ему приходилось. Мы знали, что, находясь на позициях, он старался лишний раз не покидать своего убежища, будучи не в состоянии выносить мороз.

* * *

Тем временем жалкие остатки топлива, которые мы сумели раздобыть, подошли к концу. И транспортные средства, принадлежавшие нашей бригаде, одно за другим замирали на

обочине дороги. Вместе с грузом. К сожалению, мы их оставили на дороге немало. Хватало здесь и орудий, брошенных нашими артиллеристами. Огромные 149/40 и 210/22 (должен сказать, это очень современные орудия) вместе с тягачами замерли без движения. Толпа обтекала их как досадные препятствия.

У меня буквально разрывалось сердце, когда я смотрел на современную технику, разом превратившуюся в груды металла. Сколько сил и средств затрачено на нее! Как тяжело она досталась моей родной Италии! А теперь приходится все бросать, чтобы выполнить полученный ранее приказ.

Нередко встречались телеги с сидевшими в них пехотинцами. Их лошади были настолько измучены, что не могли сделать больше ни шагу. В огромных влажных глазах этих умных животных отражалась почти человеческая грусть.

* * *

Я узнал, что капрал Тамбурини остался на одном из брошенных грузовиков. Я хорошо знал этого человека. Несколькими часами раньше ему переломало ноги съехавшим в кювет орудием. Оказавшись в одиночестве на грузовике, в баке которого не было ни капли топлива, этот несчастный некоторое время наблюдал за спешащими мимо людьми. Вспомнив о маленьких желтолицых узбеках, в руки которых ему предстояло попасть, он начал плакать и молить проходящих мимо соотечественников, чтобы они не оставляли его одного, но на него не обратили внимания. К сожалению, я узнал об этом несколькими днями позже, причем от тех самых людей, которые бросили бедолагу.

* * *

Мы продолжали свой бесконечный путь в ночи. Каждый час колонна, как этого требовали правила, останавливалась на десятиминутный привал. Многие из нас без сил валились в снег.

Во время одной из таких передышек Занотти уснул - и это при минус двадцати градусах, да еще и в снегу! Но он не спал всю предыдущую ночь и был измотан той всепоглощающей, отнимающей разум усталостью, которая знакома лишь тем, кто был на фронте.

* * *

Перед самым Медовом в нашу колонну влилась большая группа немцев, пришедших по одной из проселочных дорог. Вскоре поток людей четко разделился на две параллельные струи: справа шли люди в темной итальянской форме, слева двигались немцы в своих весьма громоздких светлых одеждах. Причем обувь последних была подбита толстым войлоком.

Разница между нами была очевидна каждому. Между прочим,

у немцев было топливо и достаточно большое количество транспортных средств. Все орудия имели тягачи (иногда русские) с изрядным запасом топлива. К тому же у них было много саней и телег, каждую из которых тянули две или даже три лошади. В такие повозки помещалось восемь - десять человек. Это давало возможность солдатам отдыхать по очереди на санях. Кроме того, они ничего не несли на себе, даже оружия. Но если падающий с ног от изнеможения итальянский солдат делал попытку забраться на немецкие сани, его незамедлительно сгоняли прочь.

Но все это были еще цветочки, настоящие испытания ждали нас впереди.

А тем временем число наших грузовиков продолжало неуклонно уменьшаться. Те, которые еще кое-как двигались, были увешаны гроздьями людей. Причем на каждом из них среди одетых в темное итальянских солдат обязательно виднелся одетый в светлые одежды немец. Что поделаешь, итальянцы - добрые люди. Монументальные "бреды", тянущие за собой стасорокадевятки и двухсотдесятки, были сплошь облеплены людьми. Солдаты сидели на капоте, на крыше кабины, на самом орудии - в общем, везде, где можно было за что-то зацепиться. Зачастую свое место приходилось отстаивать в драке, потому что на каждое было слишком много претендентов. От усталости люди едва держались на ногах. Некоторые больше не могли идти. Как-то я увидел темную фигуру, лежащую в снегу на обочине дороги. Руки и ноги несчастного дергались в конвульсиях. В этот момент колонна остановилась. С помощью нескольких солдат мне удалось поднять беднягу и привести его в чувство. Затем я попросил немецких солдат, сидящих в находящемся поблизости грузовике, взять его с собой. Те не отказали, Я тогда еще не знал немцев так хорошо, как знаю сейчас, поэтому счел такое поведение вполне естественным.

Часом позже я заметил солдата в бреду. Дошедший до последней стадии изнеможения пехотинец сидел в снегу на обочине и бормотал нечто невразумительное о зеленых полях и журчащих ручьях. Я попытался остановить один из проезжавших мимо немецких грузовиков, но наши доблестные союзники или делали вид, что не замечают моих сигналов, или отмахивались. Так продолжилось мое знакомство с немцами.

В конце концов, показалась итальянская "бреда" с двухсотдесяткой на буксире. Мы с трудом погрузили упирающегося парня. Прежде чем ехать дальше, водитель сообщил, что ему нетрудно взять еще одного солдата - одним больше, одним меньше... разницы никакой. Но бензина в баке хватит только на 8-9 километров, и потом все равно придется

шагать пешком. Но больше я ничего не мог сделать.

* * *

Мы шли дальше.

Нога все еще продолжала беспокоить меня. Я шагал по дороге и с грустью размышлял о собственной судьбе. За что мне все это? Если бы паралич развился, я бы с первого момента был обречен. Неужели Провидение хочет дать мне почувствовать на собственном опыте, что человеческая жизнь в полном смысле этого слова всегда висит на волоске?

Услышав о моих трудностях, майор предложил мне занять место на одном из грузовиков. Но уже давно перевалило за полночь, осталось позади Медово, мы повернули направо, а ни одного итальянского грузовика так и не появилось.

Сразу за деревней располагались биваком чернорубашечники одного из батальонов М{*9}, по-моему, Таглименто. Здесь же я увидел последние средства транспорта, принадлежавшие моей бригаде, - "павези".

Через некоторое время колонна в очередной раз остановилась. Я был вынужден отправиться на поклон к маленькому немецкому лейтенанту с орлиным носом, в ведении которого находился трактор, тянущий трейлер, нагруженный бочками с бензином, и противотанковое орудие. Мы говорили по-французски. Это единственный язык, кроме хорошо знакомого немцам языка насилия, который они понимают. В результате я получил место в машине для себя и еще одного солдата, который не мог идти.

Прежде чем мы снова тронулись в путь, к нам подсел еще один итальянский лейтенант, а затем попытались присоединиться еще несколько, но немцы проявили бдительность и всех отогнали. Мы поехали дальше. Но через каждые несколько метров делали остановки. Сидеть без движения было очень холодно. Первым не выдержал солдат, за ним слез и пошел пешком лейтенант. На их места нашлось много желающих, но немцы больше никого не пустили.

Вперед. Остановка. Снова вперед. Остановка. И так до бесконечности.

В деревне за Медовом, кажется, это было Карасеево, мы остановились надолго. С трейлера выгружали бензин, требовавшийся для заправки грузовиков. Я воспользовался остановкой и подошел к большому костру, окруженному людской толпой. Оказывается, жгли склад продовольствия. Хотя бы таким образом, но я получил возможность немного согреться. Наконец-то!

Затем я вернулся к трейлеру, и мы продолжили путь.

Теперь по дороге все чаще попадались тела замерзших в пути солдат. Сперва мне не хотелось верить своим глазам. Должно быть, я ошибся и на дороге лежат вовсе не люди, а кучки брошенного кем-то тряпья. Но при ближайшем рассмотрении всякий раз оказывалось, что на снегу лежали все-таки люди, превращенные страшным морозом в глыбы льда. Их лица были искажены смертной мукой. Застывшие глаза смотрели в черное небо.

Мы двигались дальше.

Тянущаяся по широкой дороге колонна была все так же четко разделена на итальянскую и немецкую.

Неожиданно нам начали попадаться сначала отдельные люди, а потом небольшие группы, спешащие в обратном направлении. Вскоре идущих навстречу стало так много, что мы были вынуждены остановиться. Я спрыгнул с трейлера и обратился за разъяснениями к бегущим навстречу офицерам. Они поспешно и с некоторым смущением рассказали, что дорога впереди перерезана уже несколько часов назад. Было около двух часов ночи 20 декабря.

Распрощавшись с проявившим ко мне гостеприимство немецким младшим лейтенантом, я побрел обратно в деревню. Очень тихо, чтобы не услышали солдаты, я передал майору Беллини печальные новости. Затем я отправился в битком набитую избу, чтобы погреться.

Насколько нам было известно, русским никогда не удавалось выйти из немецкого окружения.

Глава 3.

20 декабря

Всего через несколько минут поступил приказ 30-й артиллерийской бригаде строиться. Остатки 60-го батальона присоединились к 61-му.

Я слышал голоса майора Беллини и капитана Россито, командира 1-й батареи, но не торопился выйти из теплой избы и присоединиться к ним. Должен признаться, что я отчаянно устал и, кроме того, меня страшила перспектива вновь оказаться на морозе, пробирающем до костей. Когда же я все-таки выполз на воздух, оказалось, что батальон ушел. Люди, торопливо шагающие по обледенелой дороге, были мне незнакомы.

Я громко крикнул. Голос мой разнесся очень далеко в морозной ночи, но ответа не последовало. Я остался один. Следовало как можно скорее догнать батальон.

Я присоединился к мрачной колонне, которая, оставив дорогу на Мешков слева, повернула на юг к выходу из деревни и двинулась по направлению к Поповке. Появилась информация,

что на этом направлении немцы планируют прорыв.

Вдруг я заметил транспортные средства, принадлежащие артиллеристам Пасубио. Несколько тягачей с натугой волокли орудия. За ними тянулись люди. Я вспрыгнул на подножку одного из тягачей и таким образом преодолел семь или восемь километров, отделяющих меня от Поповки.

* * *

Занимался новый зимний день.

Вокруг нас была только бесконечная заснеженная степь, а над головами такое же бесконечное свинцово-голубое небо.

В деревне я встретил нескольких знакомых ребят из 80-го пехотного полка. Лейтенант Корреале (в далекой мирной жизни преподаватель философии) настолько устал, что с трудом передвигал ноги. К тому же он сильно охрип и совсем не мог говорить, лишь сипел. Он сказал мне, что, если ему прикажут снова идти вперед, он умрет.

Больше я его никогда не видел.

А пока, глядя на его усталое обветренное лицо, я вспоминал долгие беседы, которые мы вели с ним и майором Пассини долгими зимними вечерами в офицерской столовой в Абросимове на Дону. С мальчишеской горячностью мы всячески превозносили мастерство и храбрость итальянских солдат. Майор, бывший намного старше и опытнее нас, добродушно усмехался и спокойно объяснял, что мы не правы.

Сидя за отдельным маленьким столиком, младший лейтенант Бернаби бросал на нас негодующие взгляды. Было поздно, все офицеры уже поели и разошлись, а мы продолжали оживленно беседовать, не собираясь покидать помещение. Дело в том, что младший лейтенант Бернаби, недавно прибывший из Италии, спал в этой комнате, когда все уходили. А звание младшего лейтенанта получил всего два месяца назад.

А затем начались тяжелые бои. Однажды лунной ночью Бернаби отправился на санях в роту. Он был очень доволен, потому что должен был принять под командование отделение. И погиб. Майор Пассини тоже погиб. И еще многих людей из того батальона уже нет в живых.

Теперь я считал, что самое худшее позади. Я наткнулся на Корреале, который, прихрамывая, бродил вокруг в поисках своих солдат. Большинство из них были рекрутами с Сицилии, только что прибывшими на фронт, и при любом удобном случае старались улизнуть подальше. Очевидно, майор в своих оценках все-таки был прав.

Некоторые вещи лучше забыть.

Здесь же были капитан Ланциани и младший лейтенант

Фаброцини, бойкий неаполитанец. Как и Корреале, капитан Ланциани прихрамывал.

Мы остановились.

* * *

В самом разгаре дня немцы на 8 или 9 тяжелых броневиках отправились куда-то в восточном направлении. Они должны были прорвать окружение. Во всяком случае, мы так считали.

За ними двигались фургоны с пожитками, а дальше шли две колонны итальянских солдат. Черные ленты, извивающиеся по ослепительно белому снегу. Огромное пространство вокруг Поповки теперь кишело людьми, причем со стороны Медова подходили все новые колонны. Я держался рядом с Фаброцини, офицером, командующим в Абросимове остатками взвода разведчиков. Нам пришлось многое пережить вместе, и ладили мы хорошо.

Мы остановились на гребне очень длинного холма. Там немцы выполняли какие-то сложные маневры, рассчитанные на то, чтобы обмануть противника. Но не было похоже, что они планируют идти на прорыв.

* * *

Фаброцини, несколько его разведчиков и я ждали сидя на снегу и лязгая зубами от холода. За нашими спинами уныло чернели покосившиеся избы Поповки. Впереди, казалось до самого горизонта, простирались бесконечные заснеженные равнины. Нигде не было видно ни одного признака жизни.

* * *

Я решил, что должен немедленно встать и начать двигаться, иначе рискую замерзнуть насмерть.

Пытаясь согреться, я принялся быстро ходить взад-вперед и в конце концов неожиданно наткнулся на своего командира - майора Беллини, стоящего в окружении нескольких офицеров бригады.

Холод становился невыносимым. Оставалось только удивляться, что все мы еще живы. В ожидании прорыва нам было совершенно необходимо найти хотя бы какое-нибудь убежище.

Капитан Россито - весьма упитанный краснолицый мужчина - отправился куда-то в темноту, заявив, что присмотрел для нас всех отличное убежище в большом стогу сена. Мы довольно долго ждали, но он все не возвращался. В конце концов майор решительно направился обратно в деревню, мы потянулись за ним.

Мы больше не видели капитана Россито. Позже я слышал, что он нашел в брошенном немецком грузовике бутылку коньяку и, ничего не соображая от холода, в несколько глотков осушил ее до

дна. Поэтому он так и не узнал, что мы ушли из Поповки.

* * *

Мы вошли в какую-то избу, откуда слышалась итальянская речь. И действительно, там оказалась большая группа чернорубашечников.

Неожиданно вокруг загремели взрывы. Враг открыл огонь по колонне.

Было очевидно, что, раз русские стреляют из минометов, они находятся где-то поблизости. Но где? На этот вопрос не мог ответить никто.

Должен признаться, в тот момент нас это не особенно интересовало. Мы настолько окоченели, что возможность хотя бы немного согреться занимала нас значительно больше, чем все враги на свете.

К сожалению, мое пребывание в теплой избе оказалось слишком коротким. Майор приказал мне отправиться на поиски полковника Касасса, командира 80-го пехотного полка, чтобы получить инструкции.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и снова идти на мороз.

* * *

Мне показалось, что прошло много часов, прежде чем я наконец выяснил, что полковник обосновался где-то на холме к западу от нас. Мы там уже были и явились свидетелями полнейшей неразберихи. Множество солдат из самых разных частей бестолково толпились в одном месте, не зная, что делать.

Уже давно перевалило за полдень. Я заметил, что некоторые части снова покидают деревню.

Встреченные мною по дороге старшие офицеры-чернорубашечники сообщили, что прорыв теперь уже неминуем.

Решив, что получил достаточно информации, я направился в избу, где меня ждали товарищи и майор Беллини. В 200 метрах от нее я заметил русский танк. Раньше его там не было.

Оказалось, что он появился в деревне несколькими часами ранее и очень быстро был подбит немцами. Его экипаж состоял из одного совсем молодого мальчика, почти ребенка. Выбравшись из танка, он попытался вести огонь, но был расстрелян превосходящими силами противника.

Позже капрал Джузеппини рассказал, что этот танк возник совершенно внезапно. За ним в некотором отдалении следовало еще два или три. Его неожиданное появление на медовской дороге, по которой двигались колонны немецких и итальянских солдат, привело к настоящей панике. Тем более, что он пер напролом, круша все на своем пути и поливая уцелевших людей

огнем из автоматов. Джузеппини клялся, что видел не менее пяти сотен погибших. Правда, организаторы этой кровавой бойни не надолго пережили своих жертв.

Я не мог не восхищаться аккуратностью и четкой организацией немцев. Даже в царившем повсюду хаосе они сумели обеспечить противотанковую оборону деревни.

Вернувшись к майору, я добросовестно сообщил ему все, что мне удалось узнать. Он сразу же решил, что мы должны вместе найти импровизированный "гарнизонный командный пункт", местоположение которого мне удалось разузнать. Таким образом, мне пришлось окончательно распрощаться с надеждой спокойно отдохнуть в тепле.

Беспокоило то, что накануне я набрал полные ботинки снега и теперь мои носки совершенно промокли. Несколько дней назад я сменил туфли на ботинки, но не успел обзавестись длинными носками, гетрами или хотя бы бинтами. Опасность простудиться становилась все более реальной.

Мы так и не добрались до так называемого "гарнизона". По дороге мы встретили нескольких знакомых майору старших офицеров с группами солдат и вскоре оказались среди своих.

Темнело.

* * *

Накануне вечером мы ничего не ели. Нам удалось проглотить только несколько глотков ледяной воды.

Сейчас, в наступивших сумерках, везде горели огромные костры, выбрасывая в ночное небо столбы черного дыма. Немцы жгли все, что не могли взять с собой. Между кострами на почерневшем от копоти снегу медленно остывали трупы убитых лошадей. Их пристреливали, чтобы не оставлять русским.

* * *

От мрачных мыслей меня отвлек младший лейтенант Дзоило Цорци, который, широко улыбаясь, подошел ко мне. Я был очень рад его видеть. Он, как и я, был из Вероны и за месяцы пребывания на русском фронте успел стать моим лучшим другом. Главный офицер наблюдения и связи 60-го батальона, Цорци вместе со мной проходил обучение в Монкальери. Так же как Марио Беллини, Антонини и я, Цорци прибыл в Россию в июне.

Когда началось отступление, он со своими людьми - остатками 1-й батареи 80-го пехотного полка - находился в деревне Монастырщино, расположенной неподалеку от Абросимова в окружении секуляризированных монастырей.

Судя по его рассказам, им удалось ускользнуть в последний момент. Орды узбеков долгое время преследовали их по пятам.

С тех пор как четыре дня назад начался бой, я ничего не

слышал о Цорци. Поэтому мы оба были счастливы увидеться снова. Хотя при таком морозе страшно лишний раз раскрыть рот, мы долго не могли наговориться. А тем временем колонны вновь начали строиться.

* * *

На землю опустилась ночь. Стало еще холоднее. Чтобы не превратиться в ледяной столб, приходилось постоянно двигаться.

Сначала Цорци и я ходили взад-вперед рядом с нашей колонной, потом принялись прыгать и хлопать себя ладонями по плечам в тщетной попытке согреться. Конечно, это было утомительно, но помогало не замерзнуть насмерть.

Я видел, как страдал майор Беллини. Он хуже, чем кто бы то ни было из нас, переносил мороз. Со мной он разговаривал довольно сухо. Создавалось впечатление, что я виноват в том, что ему пришлось покинуть теплое помещение. Если бы я не выяснил местонахождение "гарнизонного штаба", мы бы так и сидели в избе.

А тем временем столбик термометра продолжал опускаться.

Какая температура была той ночью, по-моему, не знает никто. Для каждого из нас мороз превратился в личного врага, безжалостного убийцу, подкрадывающегося одновременно со всех сторон. Он заставлял нас испытывать ужасные страдания, медленно и неустанно высасывая из нас жизнь. Ему некуда было спешить, он знал, что мы никуда не денемся, и наслаждался своей безраздельной властью.

Как часто впоследствии мне доводилось испытывать такие же ощущения...

* * *

Изредка мы позволяли себе на несколько минут присесть, но очень скоро вскакивали и снова начинали двигаться. Даже самая короткая передышка приводила к тому, что ноги теряли чувствительность.

Время шло.

Здесь же стояла машина генерала. Наш майор периодически подходил к ней и обменивался несколькими словами с сидящими внутри.

А вокруг нас кипела жизнь. Колонна за колонной строились и уходили в разных направлениях.

* * *

Около 9 часов вечера откуда-то начали прибывать многочисленные грузовики, орудия, повозки. Вслед за ними - пешие солдаты. Это оказалась дивизия Торино.

Колонна остановилась рядом с нами. Я слышал разговоры о том, что дивизия сначала пыталась выйти по другой дороге в юго-

восточном направлении, но наткнулась на противника. Теперь мы должны были объединиться и двигаться вместе на юго-запад.

Немцы потребовали у дивизии Торино тысячу литров бензина, обещая взамен танковую поддержку. Это означало, что дивизия лишится всех запасов горючего. Тем не менее настоятельную просьбу немцев удовлетворили.

Таким образом, в одной точке сошлись следующие дивизии: Пасубио, Торино, отдельные подразделения из Равенны и Селеры, 298-я немецкая дивизия, лишившаяся командования и большей части личного состава, но имеющая восемь или девять танков. Дивизия Пасубио приняла участие в самых тяжелых боях на Дону. Еще два легиона чернорубашечников (батальоны М) Таглименто и Монтебелло, но изрядно потрепанные.

Сколько нас, итальянцев, оказалось в окружении?

По самым грубым подсчетам - не менее 30 тысяч.

От пронизывающего холода невозможно было ни спрятаться, ни скрыться. Помощи ждать было неоткуда. Мы пытались, как могли, защитить сами себя.

Глава 4.

21 декабря

Когда мы наконец тронулись в путь, наступила полночь. Громада колонны растянулась на километры, но движение было упорядоченным: слева шли люди, метрах в восьмидесяти справа от них двигалась техника, в середине - сани, повозки, лошади. Немцы возглавляли колонну.

Приходилось постоянно следить за порядком, не давать солдатам обгонять друг друга в стремлении оказаться поближе к голове колонны, то есть под непосредственной защитой немцев. К сожалению, таков был менталитет итальянцев. Неспособные навести порядок в собственных рядах, они сразу же потеряли уверенность в своих силах. К тому же в нашем распоряжении не было никакого автоматического оружия. У нас осталось лишь несколько пулеметов. В то время как автоматы (превосходное оружие, но, к несчастью, слишком тяжелое, чтобы в сложившихся условиях нести его на себе), а также ручные пулеметы (крайне ненадежное оружие, постоянно дававшее осечки при низких температурах) были брошены. Таким образом, мы были вооружены только винтовками и мушкетами. У некоторых офицеров были также пистолеты. Кроме пистолета, у меня была русская полуавтоматическая винтовка с телескопическим прицелом.

Той ночью я отметил первый в своей практике случай отказа младшего по званию выполнить мой приказ. Один из сержантов моего батальона (раньше я его не знал) отказался вернуться на

свое место в строю. Я был совершенно уверен в необходимости поддерживать строгую дисциплину, поскольку любой беспорядок в создавшихся условиях мог привести к ужасающим последствиям, поэтому я собрался пристрелить беднягу, как это и предписывалось инструкциями. Остановило меня только то, что сержант казался совершенно невменяемым и явно не соображал, что творит. Поэтому я лишь записал его имя и решил, выйдя из окружения, позаботиться о том, чтобы он предстал перед судом военного трибунала и ответил за неподчинение приказу. Но этот сержант так и не вышел из окружения.

Мы шли дальше.

По пути я мысленно возносил страстную молитву всемогущему Господу, упрашивая его дать мне силы и мужество.

Ночь была очень темной, хоть глаз выколи.

Дорога плавно спускалась по склону холма к невидимой во тьме долине. То здесь, то там кромешную темноту прорезали яркие вспышки сигнальных огней.

За всяким спуском обычно следует подъем. На самом его крутом начальном участке большинство транспортных средств пришлось бросить. Правда, это касалось только итальянской техники. Мощные немецкие "катерпиллеры" без труда преодолели крутой подъем. Нам они не помогали. Впрочем, даже если бы помощь была предложена, ничего уже не могло измениться. У нас кончился бензин.

Подъем, так же как и спуск, длился много часов.

Когда мы шли, было не очень холодно.

Если верить слухам, к рассвету мы должны были выйти из "котла".

* * *

Занимался мрачный зимний рассвет. Мы снова видели окружающие нас бесконечные заснеженные поля.

После завершения изнурительного подъема мы вошли в небольшую деревню, состоявшую из нескольких десятков приземистых изб. Называлась она Поздняково. Вокруг нее немцы расположили прямо на снегу мощные противотанковые орудия, в деревне на перекрестке стояли танки.

Прошел слух, что мы уже на свободе, но, к сожалению, он оказался ложным. Более того, очень быстро выяснилось, что мы не только все еще находимся на вражеской территории, но к тому же попали на еще более опасный ее участок, вблизи которого сосредоточены танки.

Оставалось лишь в отчаянии скрипеть зубами.

Было 6 часов утра 21 декабря.

Мы остановились. В то же время хвостовая часть нашей

итальянской колонны продолжала подъем и теперь активно напирала на нас сзади.

Снова начались шум и неразбериха. Офицеры хриплыми голосами выкрикивали приказы, рядовой состав лениво делал вид, что ничего не слышит. Мало-помалу переминающиеся с ноги на ногу солдаты, подталкиваемые постоянно подходившими сзади, покинули строй и вяло потянулись к видневшимся невдалеке избам.

Люди были убеждены, что линия фронта располагается где-то поблизости.

Тогда мы еще не знали, что постоянной, четко выраженной линии вообще не существовало. Перед нами находились только сильно выдвинувшиеся вперед вражеские пехотные дивизии, а также контролировавшие все проходимые дороги моторизованные бригады. Мы двигались в их тыл.

Солдаты постепенно разбредались по окрестностям. Причем некоторые группы уходили довольно далеко. Очевидно, они не понимали, насколько опасно в такой обстановке удаляться от своей части. Ведь в любой момент могли появиться русские танки.

Как же так получилось, что никто не взял дело в свои руки? Почему такому множеству людей позволили слепо двигаться навстречу собственной гибели?

Признаюсь, нас сильно угнетала бескрайность окружающего пейзажа. По сравнению с необозримыми горизонтами расстилающейся со всех сторон степи человек казался ничтожной козявкой. Поневоле в души проникало чувство фатальной неизбежности происходящего. Мы тупо переставляли ноги и вяло размышляли о бессмысленности и бесперспективности всяческой борьбы.

Мне пришлось с огромным усилием взять себя в руки. Такое нарушение порядка абсолютно недопустимо! Надо что-то делать! Немного поразмыслив, я принял решение и начал трудиться, как маленький упрямый муравей. С помощью лейтенанта Маккарио из 2-го батальона 80-го пехотного полка Пасубио и еще нескольких офицеров мы начали собирать людей и формировать части.

* * *

Кое-что у нас получилось. Люди были настолько сбиты с толку, что готовы были повиноваться любому, кто в состоянии отдать им четкий приказ.

А народ все прибывал...

Я оказался в удивительно парадоксальной ситуации. Если бы только на моем месте оказался энергичный старший офицер! Но

старшие офицеры казались безучастными к происходящему. Позже я понял, что холод подстегивает к действию только молодежь вроде меня. У людей старшего возраста он парализует всяческую инициативу. К счастью, нам удалось справиться, и более или менее организованные группы людей двинулись в деревню.

* * *

Мне сказали, что на другом склоне холма среди разрушенных домов генерал собирает людей. Мы сразу же направились туда и через некоторое время присоединились к войску.

Со всех сторон к нам подходили новые и новые итальянцы.

В конце концов генерал приказал нам выйти из Позднякова, пройти километр на юго-восток и "готовиться к прорыву".

Выяснилось, что с нами четыре генерала: Х, Росси из Торино, Капицци из Равенны и еще один, которого называли Бозелли.

Через некоторое время имя Бозелли уже никто не называл, так же как и никакое другое вместо него.

Я не могу вспомнить, кто именно тогда командовал передвижениями войск.

* * *

Формирование нового воинского подразделения, точнее, ожидание его формирования, поскольку мы снова ничего не делали, только ждали, производилось на обширном и пологом склоне холма, плавно спускающемся вниз к долине.

Мы видели, что в долине были немцы. Они куда-то маршировали организованной колонной, охраняемой с флангов танками.

Я делал все, что мог, чтобы навести порядок в наших рядах. Но вряд ли можно ожидать от людей, не привыкших к дисциплине в повседневной жизни, что они станут подчиняться приказам лишь потому, что волею судьбы оказались одетыми в военную форму.

Карабинеры (а их у нас было несколько дюжин) изо всех сил старались помочь нам, офицерам, но, к сожалению, без толку. Люди явно не желали шагать в организованном строю. Мы еще не успели толком начать движения, когда по идущим впереди солдатам ударили первые пули. Строй моментально смешался, люди побежали. А по нашим ребятам продолжали стрелять, причем совершенно непонятно откуда.

Мы не оставили вражескую стрельбу без ответа. Солдаты яростно палили наугад.

А тем временем вражеский огонь приобрел прицельный характер, пули все чаще достигали цели, одна из них даже просвистела совсем рядом с моей головой. Видимо, мои

отчаянные жесты, призванные навести хотя бы минимальный порядок, привлекли внимание вражеских снайперов, во мне узнали офицера.

В конце концов толпа итальянских солдат разделилась на небольшие людские ручейки, которые хлынули в долину. Было видно, что среди них имеются раненые.

А затем мне довелось стать очевидцем одного из самых страшных зрелищ за все время отступления. Я увидел, как итальянцы убивали итальянцев.

Группы разведчиков, которые были посланы нашими офицерами осмотреть местность, по возвращении были по ошибке обстреляны своими же товарищами. В возникшей беспорядочной перестрелке друзья убивали друг друга.

Я сорвал голос, пытаясь остановить кровопролитие. В суматохе я потерял шапку, которую тут же затоптали.

Предпринимать что-нибудь еще было бессмысленно. Мы перестали быть армией. Я больше не командовал солдатами. Меня окружали существа, не способные контролировать свои поступки. Они подчинялись одному только животному инстинкту самосохранения.

* * *

Последняя попытка восстановить порядок... Я вспомнил, что возле деревни видел два или три 75/27 орудия, брошенных 8-й артиллерийской бригадой в рабочем состоянии. Я бросился наперерез и остановил трактор, который ничего не тянул на буксире. Нам было совершенно необходимо доставить сюда хотя бы одно из оставленных орудий.

На тракторе находилось несколько раненых. С отчаянием в глазах они принялись упрашивать меня не заставлять их ехать за орудием. Я заставил.

У меня не было шапки, голову защищал лишь вязаный шлем. Но выбирать не приходилось, и я, в чем был, побежал вниз по склону, расталкивая бестолково мечущуюся толпу.

Достигнув дороги, по которой недавно прошли немцы, я увидел неаполитанца Адальберто Пеличчиа, младшего лейтенанта из 201-го артиллерийского полка. Он стоял прямо на дороге возле трактора, имевшего на буксире противотанковое орудие, и выглядел вполне спокойным. Я был рад его встретить. Мы были знакомы довольно давно, но уже больше года не виделись. Радость от встречи была взаимной, и мы с удовольствием поприветствовали друг друга.

Насколько я понял, он был здесь уже не один день вместе с несколькими взводами итальянцев и немцев. Он обрисовал мне сложившуюся ситуацию так, как понимал ее сам. Русские

находились всего лишь в 20 километрах отсюда, если не меньше. За ними - немцы, "а еще дальше - свобода". С помощью своих танков немцы организовали для нас коридор и пока его удерживают, несмотря на давление со стороны русских. Из этого напрашивался один вывод: еще несколько часов пути - и наши мучения закончатся.

От Пеличчиа я отошел воспрянув духом, хотя и несколько озадаченный.

Офицеры всех рангов безуспешно пытались навести порядок среди солдат.

* * *

Задумавшись, я медленно шел по утоптанному снегу. Сзади послышался шум моторов, и я увидел, что меня догоняют итальянские грузовики с солдатами. Вслед за ними показался "гуцци", в котором, кроме водителя, сидел только один солдат! Без возражений, даже обращаясь весьма уважительно, меня посадили в машину.

Залезая в грузовик, я и не предполагал, какая невероятная гонка меня ждет. Водитель, очевидно, был одержим мыслью убраться как можно дальше, причем любой ценой. Он гнал машину так, что мы рисковали в любой момент перевернуться или кого-нибудь задавить. С большим трудом мне удалось слегка притормозить потерявшего от страха голову солдата, но ненадолго.

Нас начали обстреливать из минометов. Я никак не мог определить, откуда летели снаряды. Но, судя по частоте разрывов, я понял, что ведет огонь лишь одно орудие. Скорее всего, оно было установлено на одной из окружающих долину возвышенностей, с которой хорошо просматривалась местность, поскольку явно било прицельно по точкам, куда стекались воедино людские реки и ручейки.

Теперь уже ничто не могло остановить нашего водителя. Ежесекундно рискуя жизнью, он несся по заснеженной скользкой дороге.

Мы благополучно миновали зону минометного обстрела. На присыпанной снегом дороге не всегда можно было заметить глубокие ямы. Поэтому нам пришлось несколько раз вылезать и выталкивать застрявшее транспортное средство. Я с тревогой присматривался к своим случайным попутчикам и не мог определить: они тряслись в лихорадке или от страха.

Между тем дорога пошла на подъем, который становился все круче и круче. В какой-то момент наша машина остановилась. Недолго думая водитель выскочил из кабины и буквально взлетел на проезжавший мимо грузовик. Мы увидели, как он

благополучно распластался на брезенте, и растерянно посмотрели друг на друга. Ни я, ни мой попутчик не умели водить машину. Дальше пришлось идти пешком.

Глава 5.

21 декабря

Памятуя рассказ Пеличчиа, я был уверен, что через несколько часов уже буду в безопасности.

По дороге мне все чаще попадались распростертые в снегу фигуры. Эти люди были все еще живы, но настолько устали, что не могли двигаться дальше. С завистью и отчаянием они смотрели на нас. Ведь мы пока были на ногах и могли идти.

Я, как мог, пытался ободрить упавших, помочь им подняться и идти дальше. Мы ведь так близко к концу пути! Осталось совсем немного!

* * *

Бесконечная заснеженная равнина.

Чужая земля.

Небольшие ручейки, состоящие из людей и транспортных средств, в конце концов слились в один поток, который тек по безмолвному полю куда-то вдаль. Причем ни его начала, ни конца не было видно.

* * *

В снегу застряли сани, перевозившие раненых. Возница тщетно пытался сдвинуть их с места. Но лошади слишком измучились. Одна из них, похоже, находилась при последнем издыхании. Она стояла в оцепенении, вся покрытая коркой льда, и только тяжело вздымающиеся бока свидетельствовали о том, что она еще жива. В ее грустных, затянутых мутной пеленой глазах светилось понимание. Другая лошадь еще могла двигаться. Она даже делала попытки стронуть с места тяжело нагруженные сани, но сил у нее осталось чересчур мало.

Я прошел мимо, стараясь не думать о несчастных раненых людях, которым предстояло в самом ближайшем будущем замерзнуть на обочине дороги. Я шел один, кутаясь в одеяло. Пожалуй, размеры колонны изменились. Она несколько "похудела".

К полудню я добрался до Тихо-Журавской, симпатичной деревушки, в центре которой находилась очень красивая церквушка, хотя ее тоже превратили в склад, как и все церкви, которые мне довелось видеть в России. Деревня расположилась у подножия невысокого холма.

Войдя в деревню, я первым делом увидел грузовик с ранеными, который пробил деревянное ограждение дороги и упал на ледяную поверхность замерзшего ручья. Очевидно, причиной

происшествия был взрыв мины. Чуть поодаль на небольшой площадке стояли еще два или три грузовика с ранеными, тоже брошенные.

Один из раненых сумел выбраться и теперь медленно ковылял к дороге, протягивая к нам руки и взывая о помощи. Оставшиеся на грузовиках хранили молчание. Я стиснул зубы и прошел мимо.

* * *

Я сделал короткую остановку у колодца, рядом с которым стоял журавль, сколоченный из тонких стволов. Очень хотелось пить. Но подошедший вслед немец велел мне убираться вон, потому что ему надо напоить лошадь.

Я двинулся дальше к выходу из деревни.

Через некоторое время я прошел мимо немецкого лейтенанта, который неожиданно заорал мне по-итальянски:

- На санях могут ехать только раненые! Никакого багажа!

Мне оставалось лишь удивиться и идти дальше. Но, выйдя из деревни, я сразу понял, что имел в виду немец. Я увидел сани, доверху нагруженные ящиками, тюками и мешками, на которых сидели два солдата, судя по всему, выходцы с юга Италии. В них с первого взгляда можно было узнать нищих обитателей трущоб, которые в мирной жизни не имели ничего и теперь волею случая стали обладателями хоть какого-то имущества. Они не согласились бы расстаться с ним ни за что на свете.

А в это время на обочине дороги сидели измученные люди без сил и молча ожидали смерти. Я заставил возницу остановиться и резко отругал его, услышав в ответ пожелание заниматься своими делами и не лезть в чужие. Тогда я пошел к саням, стянул с них какой-то тяжеленный мешок и бросил его в снег. Возница набросился на меня с кулаками. Отшвырнув меня в сторону, он вернул мешок на место и снова забрался на сани. Я невольно взялся за пистолет. Неужели я должен его пристрелить? Все существующие правила, так же как и мое собственное чувство долга, говорили, что я обязан применить оружие. Но я уже видел слишком много мертвых итальянцев и не мог заставить себя собственноручно увеличить их число. И потом, за что я должен убивать несчастного, в жизни не видевшего ничего хорошего?.. Уверенный, что скоро мы все будем в безопасности, я решил не стрелять. Но когда закончится наш бесконечный путь, я дождусь и проверю, погрузили ли на эти сани раненых, а если нет, то обязательно передам южан властям.

Судя по затравленным взглядам парней, они отлично поняли, что я хотел стрелять. Видимо, они сознавали и то, что не успеют применить оружие сами, все равно я выстрелю быстрее, поэтому

даже не делали попыток схватиться за винтовки. Но я отпустил их с миром, о чем впоследствии неоднократно пожалел.

К несчастью, до наших позиций было вовсе не несколько часов пути, а дни... недели... Больше я никогда не видел те сани и тех солдат. Все-таки я обязан был применить оружие, даже если бы при этом злополучного возницу пришлось погрузить на сани в качестве первого раненого. Я до сих пор уверен, что именно из многочисленных проявлений слабостей, таких, как моя, сложилась гибельная неразбериха, в которой мы оказались.

На обочине лежал полузамерзший умирающий немец. Немецкие сани и грузовики проезжали мимо, но никто не остановился.

Мы шли дальше.

Я всматривался в даль до боли в глазах. Голова колонны исчезала где-то за гребнем холма. Я искренне надеялся, что на другой стороне находятся наши позиции. Но когда мы тоже оказались на противоположном склоне, выяснилось, что перед нами расстилается только ровный, пологий спуск, вслед за которым виднеется очередной подъем. Американские горки! В тот день мы поднимались наверх и опускались вниз шесть или семь раз.

* * *

К вечеру я почувствовал сильную усталость. Мне еще повезло, что часть пути удалось проехать на машине, скрючившись на переднем бампере. Но через некоторое время машина остановилась, пристроившись в хвост длинной веренице всевозможных транспортных средств. Я спрыгнул и снова пошел пешком.

Перед замершей колонной машин молча толпились люди. По обеим сторонам дороги стояло два немецких противотанковых орудия. Местность впереди казалась безжизненной. Всюду, насколько хватало глаз, простиралась белая пустыня.

* * *

Вдали слышался шум боя. Немцы объяснили, почему мы не можем идти дальше. Впереди шло танковое сражение. Вражеские танки перерезали путь колонне, и теперь немецкие танки пытаются восстановить коридор.

Через полчаса снова воцарилась тишина. Нам разрешили двигаться дальше.

* * *

Пронесся слух, что где-то рядом наши захватили деревушку.

Теперь мы шли по краю лесного массива. Несколько солдат без видимой причины произвели несколько выстрелов в сторону леса. Их примеру последовали другие, и через несколько минут

уже довольно много людей увлеченно палили в ни в чем не повинные деревья. Было совершенно очевидно, что в лесу никого нет.

Как я ни старался, прекратить бессмысленную пальбу оказалось не в моей власти. Солдаты не желали понимать, что таким образом могут привлечь к себе внимание противника. Случайно затесавшийся в наши ряды немецкий солдат что-то возмущенно кричал, но на него не обратили внимания.

К сожалению, вынужден признать, что перед нами были уже не солдаты, а беспорядочная толпа испуганных, полностью деморализованных людей. Они руководствовались только собственными инстинктами и не желали прислушиваться к голосу разума. Они стремились лишь к одному - выбраться из ловушки и были готовы достичь этой цели любой ценой. Они были согласны на все, только бы вырваться из белого безмолвия и снова оказаться в привычной обстановке среди друзей.

Конечно, строгий порядок мог бы облегчить достижение общей цели. Но это понимали лишь офицеры. Многие из нас честно пытались установить дисциплину. Но даже ценой собственной жизни мы не имели возможности в тех условиях предотвратить беспорядки. Как запретишь человеку, который уже много дней ничего не ел, искать хоть какую-нибудь пищу? Разве можно осуждать окоченевшего солдата, если он ищет теплый угол для ночлега? И как объяснишь человеку, который бегает взад-вперед вдоль колонны и размахивает руками, задевая при этом окружающих, тщетно стараясь согреться, что надо спокойно идти в строю, а если колонна остановилась, то стоять на месте? Невозможно...

В наших несчастьях все винили немцев. Это из-за них у нас не было горючего. К тому же они, в отличие от нас, имели и топливо, и еду, да и обмундирование у них было не в пример лучше нашего.

Как тут не чувствовать неприязнь?

* * *

За лесом снова начиналась бесконечная заснеженная равнина. Дорога неожиданно стала шире. Судя по утрамбованному снегу, здесь прошли танки. Здесь мы увидели огромное количество противотанковых орудий, причем рядом с массивными немецкими расположились маленькие итальянские. Они ожидали приближения вражеских танков почти оттуда, откуда мы только что пришли и откуда до сих пор подтягивались люди.

Мы шли дальше. Становилось темно.

* * *

Вся техника снова остановилась. Ждали темноты, чтобы преодолеть простреливаемый невидимыми русскими участок дороги. Я присел на грязезащитное крыло грузовика с ранеными.

Состояние, в котором я находился, пожалуй, уже нельзя было назвать усталостью. Это было нечто большее. Все мы держались на ногах лишь благодаря огромному нервному напряжению.

Мы еще не знали (я узнал об этом только несколькими днями позже, да и то без подробностей), что за нами, в районе деревни Поздняково, где мы останавливались на рассвете, последние боеспособные части дивизии Торино были атакованы вражескими танками и пехотой и разбиты.

* * *

Темнело. Техника все еще продолжала стоять, но люди один за одним двинулись вперед. Они осторожно спускались в низину и начинали подниматься на следующий склон. Судя по слухам, именно там находилась невидимая пока деревня, оставшаяся в руках наших солдат. Причем уже за пределами окруженной территории.

По обеим сторонам от нас то и дело слышались автоматные очереди. Ночное небо периодически озарялось яркими вспышками. А я все еще сидел на месте. Ко мне, сильно хромая, приблизился очень молоденький пехотинец, на вид совсем мальчик. На его ноги, замотанные в грязные обрывки одеял, было страшно смотреть. Кажется, он опирался на палку.

Мальчик плакал, твердил, что ему очень больно, и просил пустить его на грузовик. Лейтенант, в ведении которого находился этот транспорт, сказал, что ни одного свободного места нет. Тогда пехотинец принялся умолять меня уступить ему мое место, дав возможность хотя бы немного отдохнуть. Я пытался ему объяснить, что это бесполезно, что, если грузовик тронется, он все равно не сможет удержаться, но мальчишка не слышал голоса рассудка.

Понимаю, что я повел себя крайне эгоистично, но не уступил место пареньку. Надо полагать, моя душа, так же как и тело, замерзла и потеряла чувствительность. Некоторое время я следил за удаляющейся прихрамывающей фигуркой, чувствуя угрызения совести, но потом отвернулся и решил думать о другом.

* * *

Оставаясь без движения, можно было очень быстро замерзнуть. Так и получилось. Вскоре я почувствовал, что мои промокшие ноги превращаются в куски льда. Тогда я решительно спрыгнул на снег и снова пошел пешком. Солдат, пристроившийся на другом крыле, присоединился ко мне. Он сказал, что его зовут Карнаги. По пути выяснилось, что он хорошо

знает здешние места, поскольку неоднократно бывал здесь по заданию своего командира. Он незамедлительно изложил свою версию происходящего, из которой следовало, что еще до рассвета мы обязательно будем в безопасности.

Не стоит пересказывать нашу беседу, если обмен краткими репликами вообще можно назвать беседой. Я не спал уже две ночи, наступала третья. В течение двух с половиной дней у меня не было ни крошки во рту. Но самым страшным все-таки был холод. Я замерз и устал так, что с трудом соображал.

У подножия холма на дороге я увидел еще двоих замерзших солдат, на которых никто не обратил внимания. Людская река текла мимо, безразлично огибая неожиданное препятствие. Я сумел пристроить одного из двоих на сани с ранеными, второй так и остался на дороге.

Неожиданно нас догнал мой друг Марио Беллини. Он везде безуспешно искал младшего лейтенанта Тривса. Последний прибыл из Италии только несколько дней назад, и Беллини было поручено присматривать за неопытным парнишкой. Час назад они потеряли друг друга в толпе. Забегая вперед, скажу, что они так и не нашли друг друга.

* * *

Вместе с Карнаги мы медленно шли вверх по склону. Вскоре мы вошли в деревню. На ее окраине стояли массивные деревянные строения, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга. Немцы, возглавлявшие колонну, остановились.

Я подошел к одному из офицеров, представился и попросил его обрисовать обстановку. Тот отвечал лениво и явно нехотя, медленно цедил слова сквозь зубы. (С тех пор я никогда не обращался к немецким офицерам, если без этого можно было обойтись.) Он сказал, что вокруг деревни русские, нам предстоит прорываться или в том направлении, в каком мы двигались раньше, или немного отклонившись вправо. Но можно рассчитывать, что сопротивление врага будет минимальным. А где линия фронта? Где-то здесь.

Получив информацию, я вернулся к Карнаги, сидевшему в группе солдат. Минуты казались часами. Мороз был нестерпимым. Нервное напряжение тоже. Чтобы хоть немного расслабиться, мы изредка перебрасывались ничего не значащими словами.

* * *

С гребня расположенного неподалеку небольшого холма застрочил пулемет. Русский пулеметчик усердно поливал огненными очередями темноту во всех направлениях. Русские, как и немцы, неэкономно расходуют патроны.

Один из немецких танков, выстроившихся на краю дороги, выстрелил в направлении, откуда доносились очереди. Последовала пауза, после чего пулемет заговорил снова. Еще один выстрел, снова пауза - и новая очередь. Так продолжалось несколько раз, в конце концов, из танка прекратили огонь, чтобы не расходовать зря снаряды.

По-моему, немцы стреляли бронебойными снарядами, которые взрывались в земле и не причинили никакого вреда храброму пулеметчику.

Неожиданно на склоне, откуда мы только что пришли и по которому еще поднимались наши солдаты, мы увидели белые вспышки, осветившие бегущих друг к другу людей, и услышали громкие крики: "Ура!.. Ура!", "Савойя!"{*10}. Вскоре крики прекратились. А в деревне то там, то здесь начали рваться снаряды. Нас это не слишком обеспокоило. К минометным обстрелам мы уже успели привыкнуть.

В конце концов, мы с Карнаги решили поискать хотя бы какое-нибудь укрытие. Терпеть жуткий холод больше не было никакой возможности. Прикрывавшие лица шлемы возле носа и губ полностью обледенели, превратившись в холодные маски. Нам необходимо было немного поспать, лучше, конечно, в помещении, но, если не получится, для этой цели сгодился бы и стог сена.

Выяснилось, что все мало-мальски пригодные помещения уже заняты немцами, которые не пускали нас внутрь, угрожая оружием. Вскоре я потерял Карнаги из виду.

Не знаю, как долго я бродил от хижины к хижине, но через некоторое время встретил трех офицеров, снабдивших меня информацией, которой я немедленно и безоговорочно поверил, потому что в душе опасался чего-то подобного. Мне сказали, что немцы готовятся прорываться из окружения, бросив своих итальянских союзников на произвол судьбы.

Я решил не спать, чтобы ничего не пропустить, и принялся снова бродить по деревне. Меня окружали непрезентабельные деревенские дома: одни сильно смахивали на конюшни, другие более походили на человеческое жилье. Некоторые горели. В тусклом свете костров я заметил неглубокий окоп, в котором, тесно прижавшись друг к другу, сидели итальянцы. Должно быть, таким образом они старались согреться. Один из солдат, втиснувшийся с краю, оказался мне знакомым. Он показал на группу людей, построившихся в отдалении, и сказал, что это один из легионов чернорубашечников, которые готовятся к прорыву вместе с немцами.

Таким образом, я был не одинок в мысли, что немцы

планируют прорыв, не поставив в известность итальянские части. Я посоветовал ему быть начеку, глядеть в оба и предупредить других. Некоторое время я еще походил по деревне, встречая каких-то людей. Но они меня ни о чем не спрашивали, я тоже не лез с советами. В конце концов, я набрел на горящую избу и устроился поближе к огню.

Наступило 22 декабря.

* * *

Вокруг горели дома. Я не единожды обжегся, но, по крайней мере, хотя бы немного согрелся.

В эти страшные дни я понял, какая тесная связь существует между жизнью и теплом. Мне даже удалось снять ботинки, слегка подсушить носки и согреть ноги! Но, хотя у меня закрывались глаза от усталости, я не мог позволить себе уснуть. Следовало наблюдать за передвижениями немцев, чтобы не пропустить момент, когда они уйдут и бросят нас на произвол судьбы. Наверное, на мгновение я все-таки забылся, и перед моим мысленным взором вихрем пронеслись лица друзей, знакомых, моих солдат. Я знал, что некоторых уже нет на этом свете, другие попали в плен (какая судьба их ждет?), а кто-то сейчас, как и я, идет в этой же бесконечной колонне. Суждено ли нам когда-нибудь встретиться?

Вообще-то в душе я был рад, что меня только что перевели из 2-й батареи и назначили офицером наблюдения и связи. Под моим командованием находились новые, малознакомые мне солдаты. Если бы я остался в своем старом подразделении, вместе со "стариками", то ни за что не позволил бы им нарушить порядок, не допустил бы, чтобы те, кто мог идти, бросили более слабых умирать. Я бы потребовал, чтобы люди в обязательном порядке несли все свое личное оружие, и они бы, безусловно, подчинились. То есть трудностей на мою долю выпало бы значительно больше...

Устыдившись этой эгоистичной мысли, я почувствовал, как по щекам потекли слезы. Это был первый и последний раз, когда я плакал.

* * *

Проведя около часа в благодатном тепле, я снова натянул ботинки и встал. Я не сомневался, что немцы уже ушли. Поэтому я решительно направился к подножию холма, туда, где я видел марширующих чернорубашечников. И сам начал собирать людей. В деревне встретились люди из самых разных частей. Я хотел организовать их и повести следом за немцами, которые, скорее всего, уже прорвались и вышли из "котла". Всего собралось около пяти сотен человек. Мне активно помогал младший лейтенант

Фаброцини, ранее бывший командиром разведчиков в Абросимове, а также несколько сержантов, охотно откликнувшихся на мой призыв. Мы готовились выступить по тому же маршруту, о котором предыдущим вечером говорил немецкий офицер.

Насколько я помню, я приказал одному из сержантов построить подразделение, как будто мы находимся в казармах. Его громкие строевые команды звучали, мягко говоря, странно, принимая во внимание окружающую обстановку. Но я старался не обращать внимания на подобные несуразности. Затем я произнес краткую, но страстную речь (причем я видел, что она произвела впечатление), и мы приготовились начать движение. Мы намеревались прорвать любые вражеские заслоны, если случится так, что враги уже перерезали коридор.

Тогда я еще не знал, что немцы никуда не прорвались, и я собирался вести людей к самому сердцу врага.

Но вмешалось Провидение, очередной раз доказав, что человек предполагает, а располагает вовсе не он, а высшая сила. "И все мы только ничтожные и послушные орудия в ее руках". Эту фразу я впоследствии твердил себе постоянно.

Фаброцини начал спорить. Он не желал соглашаться с намеченным мной маршрутом. Я отлично понимал, что, если солдаты будут и дальше наблюдать за нашей перепалкой, они перестанут нам верить. Но Фаброцини проявил совершенно непонятное упорство и продолжал настаивать, что мы обязаны избрать совершенно другой маршрут.

Так прошло довольно много времени, причем без всякого толку. А потом появился незнакомый итальянский майор и предложил предоставить собранную мной роту в распоряжение генерала, поскольку в данный момент идет процесс формирования командования. Я не очень понял, что это означает, но не стал возражать. В итоге с трудом собранные нами люди снова смешались с неорганизованной толпой.

* * *

Мне очень хотелось прибиться к какому-нибудь берегу. Вместе с несколькими офицерами мы зашли в полуразрушенную хижину, покинутую немцами. Мы вполне могли использовать ее в качестве лазарета.

Но вскоре я в очередной раз убедился в ненужности любых инициатив. Все мои предложения оказывались не чем иным, как сотрясением воздуха. Поэтому я замолчал и покинул хижину.

Было темно. Майор сказал, что теперь наша основная задача спрятаться, поскольку враг находится вокруг нас. И следующие несколько часов я провел помогая группам людей найти

подходящее укрытие.

Арбузов ("Долина Смерти")

Глава 6.

22-24 декабря

Следующие три дня мне предстояло запомнить навсегда. Это были самые страшные дни в моей жизни.

Мы находились возле деревни Арбузов. Впоследствии те немногие солдаты 35-го армейского корпуса, которым удалось выжить, назвали это страшное место "Долиной смерти".

В Италии о нем почти никто не слышал. Но именно здесь нам пришлось в полной мере почувствовать и понять, какой это ужас - война.

Только мы, выжившие в той кровавой мясорубке, могли рассказать о "Долине смерти". Сначала, в фашистской Италии, эти рассказы велись испуганным шепотом. Затем, когда страна начала разваливаться на части, они уже потеряли былую актуальность, стали менее интересными. Такова человеческая природа: под влиянием обстоятельств незначительные события могут оказаться у всех на устах, а имеющие первостепенную важность забыться.

По этой причине я и решил написать эту книгу. Хочу, чтобы все знали о том, на какие жертвы вы шли, мои дорогие братья. Хочу, чтобы о вашей страшной гибели, мои любимые соотечественники, не забыли, чтобы вас помнили и чтили потомки. Надеюсь, что меня услышат, хотя мой голос слаб, а в душе пустота.

* * *

Наступил день, ему на смену пришел вечер. У нас не было никакой еды. Между тем люди прибывали тысячами. Все новые и новые колонны входили в деревню, и хотя она была довольно большой, но вскоре оказалась переполненной. Все избы, за исключением отведенной под лазарет, были предназначены для немцев. Даже нашим генералам пришлось ютиться в своих холодных автомобилях.

* * *

Арбузов находится в большой низине, имеющей овальные очертания и расположенной между двумя склонами холмов. У подножия одного из них, по-моему северного, - большой массив стоящих довольно близко друг к другу изб. Немного дальше, на склоне и к востоку от него, ютятся многочисленные лачуги, причем сначала они как бы жмутся друг к другу, а затем расстояние между ними постепенно увеличивается, словно кто-то их в беспорядке разбросал. На другой стороне, к западу, длинный ряд изб тянется вдоль дороги. Он поднимается вместе ней вверх

по склону, и там, на аккуратной, ровной площадке, стоит небольшой массив домов. Еще один ряд жилых построек тянется в южном направлении и образует широкую параболу, одна ветвь которой пересекает низину, а другая вытянулась вдоль подножия противоположного склона в направлении к большому массиву, но немного не доходит до него, поскольку их разделяет болото.

Зимой болото - заснеженная ледяная пустыня, окруженная зарослями камыша, покачивающегося на ветру. Эта картина болезненно усилила чувства безысходного отчаяния и одиночества.

Диспозиция была следующей: большой массив и часть главной улицы, так же как и один склон, захватили мы. Вся остальная часть деревни находилась в руках врага. Их пехота расположилась внизу в камышах, а тяжелые орудия выше, очевидно за вершиной холма.

К нашему счастью, в самый первый день силы врага были невелики. Но численность войск противника постоянно увеличивалась, и на головы несчастных итальянцев, прятавшихся в многочисленных щелях и воронках, постоянно сыпались снаряды, убивая людей сотнями. Тех же, кто бродил от дома к дому, пытаясь найти более надежное убежище, весьма ловко подстреливали автоматчики.

Немцы создавали линию обороны, правда, она находилась у них в зачаточном состоянии. Чего они ждали? Почему мы даже не делали попыток прорваться на свободную территорию? Да и где она?

Немцы объясняли, что очень скоро подойдут бронетанковые соединения, которые очистят дорогу.

* * *

После того как я провел все утро, помогая людям найти укрытия, я решил немного отдохнуть. Я не спал уже три ночи и опасался, что могу не выдержать такой нагрузки. Я медленно ходил по деревне, отыскивая хоть какой-нибудь угол, но тщетно. Немцы заняли все и бдительно охраняли свои владения. Такое положение было следствием и в то же время одной из главных причин нашей вопиющей неорганизованности.

В конце концов я забрел в дальний конец деревни.

* * *

Здесь находилась хижина, выделенная нам под лазарет. В ней было всего две комнаты и небольшой хлев, который каким-то чудом оказался пустым.

Я вошел в хлев. Со мной было несколько солдат, но запомнил я только одного из них - Нейна, добровольца из Неаполя. Устроившись на соломе напротив входа, я поставил свою русскую

полуавтоматическую винтовку у стены так, чтобы ее было легко достать, укрылся одеялом, которое от мороза стало жестким, и приготовился спать. Еще я снял ботинки и носки, причем последние, как обычно, оказались мокрыми.

В полутьме было видно, что пришедшие вместе со мной солдаты тоже устраиваются на отдых.

Прошло семь или восемь минут. Никто не спал. Неожиданно дверь распахнулась и в проеме появился солдат с винтовкой, направленной на нас. Судя по одежде, итальянец. Он громко выкрикивал ругательства с ярко выраженным южным акцентом, обзывал нас трусами и предателями и требовал, чтобы мы немедленно сдались.

Я не знал, что это за тип и откуда он взялся, и никак не мог решить, что предпринять. Неожиданно раздался выстрел, и лежавший рядом со мной солдат громко завопил: "Mamma mia! Mamma mia!"

Дверь захлопнулась. Судя по раздавшимся за ней звукам, этот псих или предатель - уж не знаю, кем был ворвавшийся к нам солдат - перезаряжал винтовку. Значит, он собирался снова стрелять. Я схватил свою винтовку, перекатился немного в сторону, чтобы укрыться за оказавшимся здесь ящиком, и приготовился дать отпор.

Почему-то именно в тот момент я остро ощутил, как неприятно, когда голые ноги лежат на замерзшей соломе.

Перепуганные солдаты распластались рядом, некоторые старались спрятаться за меня. Один из них крикнул: "Ладно, мы сдаемся!" - но я велел ему заткнуться. Дверь слегка приоткрылась. Зачем? Чтобы в образовавшуюся щель протиснуть дуло винтовки? Не знаю, да к тому же еще было очень плохо видно. Помню, что я нажал на спуск, но выстрела не последовало. К сожалению, такое часто случается с военными трофеями. Но сейчас момент был уж очень неподходящий. Я быстро перезарядил винтовку и стал ждать. Снаружи послышался какой-то шум. Внезапно дверь снова распахнулась. На этот раз оружие меня не подвело. Я хотел выстрелить мимо нападавшего, чтобы заставить его сдаться. У меня не было сомнений, что этот парень стрелял в нас несколько минут назад.

Но человек дернулся в сторону, и пуля попала ему в спину. Он со стоном упал. Взглянув на его лицо, я понял, что он явно не в себе. К несчастью, слишком у многих солдат в адских условиях первым не выдерживал рассудок.

Мы осторожно подняли раненого и перенесли его в лазарет, где находились в тот момент несколько итальянских и немецких солдат, причем вполне здоровых. За нами медленно плелся

солдат, которого ранил наш нападавший. Пуля попала бедолаге в голову. Его лицо было залито кровью.

Раненный в спину солдат все время судорожно сжимал мою руку и, как заведенный, повторял: "Не оставляйте меня, signor tenente, прошу вас, не оставляйте!" Я спросил, он ли стрелял в нас, и если да, то почему, но он не ответил.

Я послал за доктором, но его не смогли найти.

Раненного в спину снова подняли и потащили в расположенный неподалеку немецкий лазарет.

Мы довольно долго спорили с немецким доктором, совершенно не понимая друг друга, в итоге нашего раненого наспех перевязали, даже не обработав при этом рану. Немец сообщил, что у него нет никаких дезинфицирующих препаратов. На второго раненого немец демонстративно отказался даже смотреть.

Нам оставалось только удалиться восвояси.

* * *

Было совсем темно. От усталости я валился с ног. Но ужасный день еще не закончился.

В единственной теплой комнатке в итальянском лазарете стояла одна кровать. Я собирался положить на нее раненого. Но когда мы вошли, оказалось, что спальное место занято двумя или тремя немецкими солдатами. Я вежливо попросил их освободить кровать для раненого. Реакции не последовало. Я повысил голос. Эффект - тот же.

Тогда я схватил одного из них за руку, сдернул его с кровати, рывком поставил на ноги и оттолкнул к стене. Немец молчал. Я попытался проделать то же самое с другим лежебокой, но тот оказался значительно менее покладистым. Он сорвал с пояса гранату и весьма выразительно продемонстрировал, как бросает ее прямо мне в голову. Остальные немцы, находящиеся в помещении, схватились за оружие. У меня в руках появился пистолет.

Несколько мгновений никто не шевелился. Итальянцы трусливо попятились к выходу. Лишь один из них остался рядом со мной. Он лихорадочно шептал мне на ухо, что я не знаю, какими чудовищами могут быть немцы, и молил не связываться с ними.

Мне чудом удалось выйти из безнадежного положения живым. Ничего другого не придумав, я воскликнул на ломаном русском языке:

- Я - офицер и джентльмен! И не стану марать руки! Я буду говорить с вашими офицерами!

Похоже, они поняли только слово джентльмен, которое и

произвело на них впечатление. Естественно, я поговорил с офицерами, но ничего не добился.

В итоге мы устроили раненого на скамье в другой комнате. Там было очень холодно и к тому же немилосердно дуло из проломов в стенах. В одно из мгновений, когда несчастный пришел в сознание, он отдал мне свой бумажник, умоляя, чтобы я переслал эту вещь его семье, конечно, если мне суждено выжить. Еще он просил передать его близким, что он умер с мыслями о них и о Боге.

Я всячески пытался подбодрить раненого. Но когда я снова спросил его, он ли стрелял в нас, тот снова не ответил. Мне так никогда и не довелось получить ответ на этот мучивший меня вопрос.

Второго раненого мы устроили здесь же, прикрыв дыру в его черепе носком. Другого перевязочного материала у нас не было.

* * *

Мы вышли на улицу, в темноте слышались автоматные очереди. Мне казалось, что я вот-вот умру от усталости.

Где-то там в темном небе была обитель Господа. А я, маленький и ничтожный, стоял на грешной земле. Было очень холодно. Мне так хотелось остаться человеком!

Я вернулся в промерзший хлев. Все-таки следовало немного поспать. Вздохнув, я заполз под одеяло, которое теперь напоминало на ощупь листовую сталь.

Глава 7.

22-24 декабря

Через несколько часов меня разбудил солдат. Он настойчиво тряс меня за плечо и повторял:

- Signor tenente, вставайте, немцы и итальянцы готовятся уходить! Они уже строятся.

Было, должно быть, около полуночи. Я с огромной неохотой сел. Опять идти на этот убийственный мороз? Конечно, и в нашем хлеву температура была ниже нуля, но здесь, по крайней мере, не приходилось каждую минуту думать о том, что вот-вот замерзнешь до смерти.

Мои носки и ботинки совершенно заледенели. Надевать их было нестерпимой мукой. Сделав над собой титаническое усилие, я все-таки встал и принялся будить остальных. Несколько человек отправились вслед за мной, но большинство осталось на месте. По-моему, эти люди уже отказались от борьбы.

На улице везде лежали люди, и с первого взгляда было непонятно, кто из них еще жив. На утоптанном снегу возле лазарета майор собирал людей. На небольшой площадке столпилось около половины роты. Нас тоже включили во вновь

сформированное подразделение. Но это вовсе не означало, что оно куда-то пойдет.

На краю деревни мы заметили нечто вроде естественно образовавшейся траншеи (вероятно, это было старое русло ручья), которая тянулась по краю долины. Майор приказал нам занять ее. Справа и слева немцы возводили оборонительные сооружения. У них было очень много автоматического оружия. А у нас - только обычные винтовки и мушкеты да еще моя трофейная русская полуавтоматическая винтовка.

* * *

Ночь придавила землю своей тяжестью. Несколько голых деревьев, чудом уцелевших возле нашего окопа, тянули свои тонкие, обледеневшие ветви к небу. Но мы не считали их товарищами по несчастью. Такой ночью у каждого живого существа достаточно собственных забот, и ему нет никакого дела до других страждущих.

На некоторое время я замер без движения, внимательно всматриваясь во тьму. Следовало осмотреться. Там впереди, в густых камышах, засели солдаты противника. Судя по всему, их было очень много и они были прекрасно вооружены. Мне показалось, что автоматные очереди русских теперь раздавались ближе. Справа и слева изредка огрызались немецкие автоматы.

Я решил проверить, как обстоят дела на нашей линии, в каком состоянии солдаты и офицеры. Пройдя вдоль траншеи, я сделал слишком опечалившее меня открытие. Люди остались только в непосредственной близости от меня. Все остальные бравые вояки разбежались кто куда.

Я старался изо всех сил: выбрал для каждого наиболее выгодную позицию, проверил боезапас. И здесь меня ждало еще одно крайне неприятное открытие: лишь очень немногие имели полные обоймы, то есть шесть патронов. Запасных не было ни у кого. А что такое шесть патронов?!

Я снова прошелся вдоль линии, велел каждому быть наготове и не стрелять без настоящей уверенности, что попадешь в цель. Затем я вернулся на место, завернулся в одеяло и уселся на снег. Мороз был ужасным. Даже сидя в окопе, приходилось все время шевелить ногами, чтобы не отморозить их.

К тому времени у нас уже было огромное количество обмороженных. Многие солдаты заменяли обувь кусками одеял или меха, привязывая их к ногам веревками.

У меня было очень большое желание последовать примеру большинства и спрятаться куда-нибудь подальше, пока не поздно. Но мне удалось его преодолеть. Кроме того, хотя я еще и не осознавал этого, но несколько часов сна в промерзшем хлеву

восстановили мои силы.

Продолжая держать ушки на макушке, чтобы не пропустить ничего важного, я начал потихоньку молиться. Видимо, Бог оставил мои молитвы без внимания.

Насколько ненужными теперь казались многие вещи, которым в мирной жизни я придавал первостепенное значение! Учеба, к примеру... Какая глупая потеря времени!

Истинным был только Бог и еще любовь матери. Именно тогда, в кромешной тьме предрассветных часов, в ожидании вражеской атаки, а значит, скорее всего, гибели, я постиг истинную ценность многого.

Время тянулось медленно. Ничего особенного не происходило.

Иногда я переставал шептать молитвы и начинал активно топать ногами, подпрыгивать и похлопывать себя руками, чтобы окончательно не замерзнуть. У меня было ощущение, что я не смогу просуществовать еще час на таком морозе. А полчаса? Конечно нет. Это же так долго!

Так проходили долгие часы. Мысленным взором я видел залитые солнцем сады Ривьеры. Как там тепло! Тепло! Какая это невероятная, удивительная, восхитительная вещь - тепло! Господи, помоги мне когда-нибудь ощутить его снова!

На наших позициях никто не стрелял. Дезориентированные нашим молчанием, враги постепенно подходили ближе. Очень медленно, но приближались.

Прямо перед нашей траншеей располагалась естественная земляная складка, узкий проход, куда майор отправил нескольких парией на разведку. Они очень быстро вернулись. Подбежав к нашей траншее, задыхаясь, сообщили, что русские совсем рядом.

Я взглянул на немцев, расположившихся справа. Они выглядели, как всегда, спокойными и совершенно бесстрастными. Натянув поверх шлемов огромные белые капюшоны, немцы неподвижно застыли возле своих пулеметов. Слева была такая же картина.

Немецкие войска хорошо питались, спали в тепле, каждые несколько часов сменяли друг друга. Были отлично обмундированы и вооружены. А дисциплина и организация - вообще выше всяких похвал.

* * *

Небо начало светлеть. Русские всегда атакуют на рассвете. Они неизобретательны и однообразны, как и их пейзажи. Из опыта мы знали, что они почти никогда не отступают от установленного однажды порядка.

Все ополчилось против нас. Мороз совершенно осатанел. Такого холода нам еще не доводилось ощущать. К тому же неотвратимо приближался враг, причем именно на занимаемом нами участке линии обороны. Кажется, на нас обрушится вся ярость будущей атаки.

Я еще раз прошел вдоль нашей траншеи. Людей осталось еще меньше. Видимо, немцы решили справиться с ситуацией по-своему. Они послали двух автоматчиков занять позиции за нашими спинами, причем на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому горе тем, кто попытается покинуть поле боя.

Я невесело усмехнулся, вспомнив пропагандистские рассказы о советских комиссарах, держащих бойцов на мушке.

Минуты казались годами. Мы чувствовали, что атака неизбежна и вот-вот начнется, а она все не начиналась. Измученные солдаты молча сидели в траншее. Некоторые из них повернулись спинами к врагу. Периодически в траншею залетали шальные пули, но, похоже, это никого не волновало.

Люди больше не пытались укрыться от смерти. Я был рядом, но не мог сказать им ничего ободряющего. У нас оставалось по шесть патронов на человека. Какая разница, умереть сейчас или на несколько мгновений позже?!

* * *

Светало. В деревне началось движение. Люди ходили между избами, собирались небольшими группами и что-то обсуждали. Я заметил нескольких знакомых итальянцев и среди них полковника Матиотти - командира 30-й бригады. Что они собирались делать? И что теперь будет с нами? Вообще-то нас с минуты на минуту атакуют превосходящие силы противника, поэтому нас вряд ли должно интересовать происходящее за нашими спинами. Я взял в руки свою винтовку. Оказалось, что в стволе застряла гильза, и я даже не представлял, как ее вытащить. Я со злостью отшвырнул злосчастную железяку в сторону. Сейчас она представляла большую опасность для меня, чем для врага. Придется воевать с одним только пистолетом. Все равно больше ничего нет.

* * *

Пожалуй, пришло время уничтожить мой дневник. Никакого другого имущества у меня с собой не было.

На его страницах я записывал свои критические размышления о немцах. И мне активно не нравилась мысль, что мои записи может кто-то использовать для организации пропагандистской кампании. Поэтому я со вздохом извлек из кармана три тетрадки, которые с самого первого дня своего пребывания на русском фронте заполнял впечатлениями о войне.

Но делать нечего, и я разорвал их на куски, которые затем закопал в снег. После чего неожиданно для самого себя решил снять мои офицерские звезды. Я вспомнил рассказы о пехотных офицерах, идущих в бой без знаков отличия, об изощренных пытках, которым подвергают пленных итальянских офицеров большевики.

Если мне суждено попасть живым в руки врага, буду притворяться простым солдатом, решил я. Хотя, скорее всего, это бесполезно. В отличие от соотечественников я все еще носил длинную офицерскую шинель (когда к нам в батальон привезли короткие, подбитые мехом полушубки, я был в разведке на Дону и не получил новое обмундирование). Кроме того, я продолжал носить ремень с кобурой. Таким образом, во мне слишком легко узнавался офицер даже без звезд. Тем не менее я снял их, с трудом шевеля онемевшими на холоде пальцами.

Я провел на войне уже достаточно много времени, но до сих пор мне ни разу не приходило в голову, что я могу пойти на такое кощунство. Только близость опасности толкнула меня на воистину ужасный шаг, и память об этом проступке навсегда останется со мной. В том случае - а, увы, будут и другие - мною руководила непреодолимая сила, называемая инстинктом самосохранения.

Позже я искренне раскаялся и решил, что если попаду в плен, то немедленно сам объявлю всем о том, что я офицер, а майор Беллини подтвердит. Но это было плохим утешением. Моя память хранит все, даже те факты, которые хотелось бы забыть.

А тогда, чтобы завершить выполнение моего трусливого плана по спасению своей шкуры, я разорвал все свои документы. Помимо этого, я уничтожил или закопал священные реликвии, которые всегда носил с собой, - их мне дала мама перед отъездом на войну. Мне было страшно представить, что они могут попасть в руки большевиков.

* * *

Затем, еще раз проверив пистолет, я уселся на снег в ожидании атаки противника. Мысль о смерти меня уже не слишком пугала.

Хотя это было не совсем так. Что-то в глубине моей души яростно протестовало против перспективы близкого конца. Я пытался представить себя хладным трупом, медленно остывающим на снегу, но не мог. Даже удивительно, как крепко человек цепляется за жизнь. В прошлом мне неоднократно казалось, что мысль о смерти меня не особенно тревожит. Но всякий раз, когда я смотрел костлявой в лицо, выяснялось, что мне отчаянно хочется жить. Я много анализировал Собственные

мысли и чувства, часто наблюдал за поведением других людей и пришел к выводу, что даже самые отчаянные смельчаки, совершающие безрассудные поступки, всегда надеются остаться в живых. Жажда жизни неизменно остается в душе, ее невозможно оттуда изгнать.

Я это чувствовал.

Я старался не думать о смерти, настроить себя на безразличие ко всему окружающему, но не мог.

* * *

В пылу сражения человек играет со смертью в грандиозную игру, ставка в которой - жизнь. Если смерть внезапно настигла его - что ж, значит, проиграл. Если же костлявая подходит медленно, наступает, теснит к краю могилы, даже самый волевой человек не сможет остаться к этому равнодушным, безразличным...

В какой-то момент я подумал, что Бога не могут не тронуть горячие молитвы моей матери. Эта мысль принесла мне некоторое успокоение.

* * *

Светало. Неожиданно меня охватила ярость. Меня ужасно злили немцы, относившиеся к нам как к слугам, раздражали собственные соотечественники. Подумать только, уже семь часов мы сидим в траншее на жесточайшем морозе и ни один из них не подумал о том, чтобы сменить нас! Я выбрался из траншеи и, не обращая внимания на немецких автоматчиков, побежал искать полковника. Он, наверное, ждет, пока мы насмерть замерзнем?!

Я нашел его достаточно быстро. Он пообещал немедленно взять ситуацию под контроль. Но когда я вернулся к траншее, итальянских солдат там уже не было. Их отпустили немцы, которые стояли там же, рядом со своими орудиями. Я отсутствовал не более четырех минут.

Глава 8.

22-24 декабря

Тем временем итальянские солдаты снова начали собираться вместе. Я подумал, что они планируют атаку на каком-то конкретном участке, чтобы расчистить проход, но выяснилось, что люди готовятся к штыковой атаке одновременно во всех направлениях с целью расширить вражеское кольцо. В условиях, когда немало людей собиралось на крайне ограниченном пространстве, любой обстрел заканчивался слишком большими потерями.

Очень скоро намеченные планы были претворены в жизнь.

* * *

Шагая по деревне, я наткнулся на небольшую группу "старых"

артиллеристов - vecchi - из 2-й батареи. Среди них был Гвидо Риволта из Пейны - деревушки, расположенной совсем рядом с моей. Риволта считал себя моим paesano, а это много значит для итальянских солдат. Увидев меня, он улыбнулся своей немного странной улыбкой, которая всегда казалась вымученной, хотя в действительности не была такой. Продолжая неестественно улыбаться, Риволта сообщил, что у него есть сухое печенье, которым он может со мной поделиться. "Кроме того, - добавил он, - я уже перекусил". Я отлично понимал, что он голодает так же, как и все остальные, но тем не менее с благодарностью принял великодушное предложение.

Риволта не успел достать галеты из кармана. Как раз в это время мимо нас прошла большая группа солдат. Они двигались в северо-восточном направлении к склону. Немедленно позабыв о своих недавних переживаниях, я присоединился к ним. Таков наш итальянский темперамент.

Я все еще был преисполнен решимости сражаться, выполнить свой солдатский долг... Надолго ее не хватило...

Мои vecchi последовали за мной. По дороге я подобрал бесхозный мушкет. На снегу было разбросано довольно много итальянского оружия. С грустью вынужден признать, что принадлежало оно не только погибшим. Мы прошли через узкую ложбину, на выходе из которой обнаружили несколько трупов. Судя по всему, смерть настигла людей недавно...

Впереди слышался шум сражения. Мы прошли еще немного, вышли на открытое пространство и очутились под вражеским огнем. Крича и смеясь, мы побежали вперед. Кто-то рядом со мной вскрикнул и упал.

Что это было? Быть может, снайпер - cecchino - разглядел мою длинную офицерскую шинель? Или огонь вели по всей нашей группе?

Неожиданно я почувствовал слабый удар где-то возле затылка. Я слегка наклонил голову - было такое ощущение, что мне дали подзатыльник, - но не остановился. Наша группа, - кстати, в ней были еще и другие офицеры, смешалась с другими бегущими.

Добравшись до небольшой впадины, я присел на корточки, стянул шлем и принялся его рассматривать. Надо же было выяснить, что меня ударило. Я нашел две маленькие дырочки, оставленные пулей, простреливший шлем. Ощупав шею и затылок, я не обнаружил ничего, кроме небольшой царапины. Оставалось только вознести благодарственную молитву Мадонне.

Гвидо Риволта все время бежал вслед за мной. Сейчас он тоже был рядом. Верный друг полулежал на снегу и с доброй

улыбкой смотрел на меня. Он достал из кармана сухую галету и вложил мне в руку. Я отломил половинку щедрого дара и вернул Риволте. Мы жевали жесткий сухарь, а вокруг свистели пули.

* * *

Штыковая атака... Этот день я никогда не забуду.

В ней приняли участие далеко не все. Даже наоборот, большинство наших солдат остались в деревне. Они бестолково толпились между избами, шарахаясь от вражеского огня.

Несмотря на это, враг был отброшен, и к вечеру того же дня вся долина, в которой находился Арбузов, была в наших руках. Это был последний всплеск героизма итальянцев. В тот день погибли лучшие сыны нашего народа. И это не краснобайство, а констатация факта.

Мы с Риволтой снова побежали вперед. Кругом царила ужасная неразбериха, и вскоре я потерял своего односельчанина из виду. Больше мы никогда не встречались. И только потом я понял, что этот благородный человек разделил со мной свой последний кусок хлеба.

* * *

Я обратил внимание на удивительно точную стрельбу русских снайперов: повсюду вокруг виднелись многочисленные мертвые тела. Я считал себя хорошим стрелком, в юности довольно часто выигрывал соревнования по стрельбе, поэтому и решил стать итальянским снайпером - cecchino. Недолго думая я растянулся на снегу за небольшим пригорком и начал высматривать врага. В целях не было недостатка, но все они были слишком далеко, да к тому же еще и двигались. Затем мне удалось поймать одну фигуру в перекрестье прицела, и я нажал на спуск, после чего тут же сменил позицию. Как бы мне сейчас пригодилась моя русская винтовка с телескопическим прицелом! Ведь русские снайперы использовали точно такие же!

* * *

С вершины холма я спустился к восточной окраине Арбузова. По обеим сторонам дороги, уходящей в неизвестном направлении, стояли избы. И везде лежали мертвые тела. Итальянцы... русские... итальянцы... снова итальянцы... Со всех сторон раздавались громкие крики раненых. Два солдата, наверное санитары, поспешно уводили и уносили тех, которых на первый взгляд еще можно было спасти, в лазарет. Остальные ждали своего конца скорчившись на снегу.

Я шел вперед. Мимо со свистом пролетали пули. По пути я увидел немецкий миномет, поминутно выплевывающий смертоносные снаряды. Он был установлен под прикрытием полуразрушенной хижины. Вокруг него суетились немцы, одетые в свои громоздкие грязно-белые балахоны. Со всех сторон горели избы. Но пламя показалось мне каким-то вялым, совсем не угрожающим. Вероятно, оно тоже замерзло.

* * *

Я снова занял позицию за пригорком среди мертвых тел и принялся вести прицельный огонь по врагу. Вокруг угрожающе свистели пули. Я поднял лежащий на снегу шлем; он был выкрашен в коричневый цвет. Дело в том, что, в отличие от немецких головных уборов, наши не имели белых пятен. Я заметил небольшую дырочку от пули в том месте, которое должно было прикрывать лоб прежнего владельца, и мне расхотелось его надевать. Поколебавшись, я все-таки надел его задом наперед, но через несколько секунд выбросил.

Все это время я продолжал следить за перемещениями врагов между избами. Вот появилась отличная цель! Я тщательно прицелился и выстрелил. Попал? Не знаю. Во всяком случае, цель исчезла.

Я решил пройти еще немного вперед. Выбирая новую позицию, я несколько раз перебегал дорогу. Ни одна из пуль меня не задела.

Немного в стороне от дороги я увидел группу из четырех или пяти итальянских солдат, прячущихся за весьма ненадежным укрытием припорошенным снегом стогом сена. Вокруг них лежали многочисленные мертвые тела. Пригнувшись, я снова пересек дорогу и упал на снег возле них. Парни испуганно смотрели на меня. Один из них сказал: "Вас хранит Провидение, signor tenente! Метрах в сорока впереди засел русский пулеметчик. Сюда никто не смог приблизиться, хотя многие пытались... - И он показал на застывшие вокруг в причудливых позах трупы. - Уж не знаю, как вам удалось..."

Я огляделся. Действительно, русский пулеметчик неплохо

поработал. Что же делать? Нам очень нужен был миномет. Я подумал о немецком, установленном немного дальше. Но посылать туда солдата бесполезно. Немцы не станут с ним разговаривать. Да и в любом случае им вряд ли понравится идея стать мишенью для русского пулемета... Но все равно что-то надо было предпринять. Сколько можно сидеть сложа руки! Я снова встал и осторожно направился в сторону дороги, прячась за любыми укрытиями, в том числе за трупами. Провидение снова смилостивилось надо мной. Я благополучно преодолел простреливаемый участок и остался цел.

* * *

Оказавшись в относительной безопасности, я поспешил к немецким минометчикам. Но когда я приблизился, оказалось, что немцы как раз объясняют другим итальянцам, что у них кончились боеприпасы. А те снаряды, которые валялись рядом на снегу, не годятся, они другого калибра и, вероятно, оставлены здесь русскими. Следовало срочно найти снаряды, но минометчики явно не спешили этим заниматься. Я решил идти лично к немецкому командующему, штаб которого разместился в деревне, и немедленно отправился в путь.

* * *

Между избами стояло довольно много людей. В основном это были немцы, спокойно ожидавшие окончания атаки. Ближе к дороге можно было увидеть множество трупов. В деревне возле избы, где находился немецкий штаб, я наткнулся на итальянского полковника и объяснил ему положение дел с боеприпасами. Через некоторое время я убедился, что сани, нагруженные снарядами, отбыли в том направлении, откуда я только что пришел.

Вокруг немецкого штаба собралось много итальянцев. Среди них были раненые и обмороженные, поминутно со всех сторон доносились громкие стоны. Несколько солдат собирали разбросанное на снегу оружие и боеприпасы. Я положил в карман несколько полных обойм и повернул обратно, намереваясь вернуться на поле боя.

Но сражение шло не только на том участке, где я не так давно был. Укрывшись за одной из изб, я мог наблюдать за удивительным действом, развернувшимся на противоположном краю долины. Там шла яростная атака. Немцы и итальянцы наступали, а им навстречу, откуда-то из снежной белизны, один за другим выходили русские солдаты с поднятыми руками. Поразительный, волнующий спектакль. Немцы, стоявшие рядом со мной, наблюдали за событиями совершенно бесстрастно. Я пошел своей дорогой.

В узком проходе между двумя избами поставили 20-

миллиметровое немецкое орудие для огневой поддержки солдатам, ведущим штыковую атаку на противоположном краю долины. Там, где сейчас сдавались русские. Но когда открыли огонь, кто-то сообразил, что таким образом немцы стреляют в итальянцев. Раздались крики. Необходимо было немедленно приказать немецким солдатам прекратить огонь. Но когда я подбежал, солдаты уже не стреляли. На меня они посмотрели с явной неприязнью. Я пошел дальше.

В немецкий штаб периодически приводили русских пленных. Их сопровождали наши солдаты.

Раненых вели или несли в перевязочные пункты. Я обратил внимание на одного, который брел за врачебной помощью в сопровождении своего друга. За раненым тянулся кровавый след, казавшийся необыкновенно ярким на фоне белого снега. Я остановил парней и поинтересовался, что случилось. Пуля, разорвав кровеносные сосуды, застряла в мышце руки. Несчастный потерял много крови, и сейчас она продолжала вытекать из раны на белый снег капля за каплей. Вместе с кровью уходила и жизнь. Выругавшись, я извлек свой грязный носовой платок и как можно туже перетянул парнишке руку. Затем я приказал ребятам поторопиться и тщательно вымыл окровавленные руки снегом.

Платок у меня был единственным. Теперь пришлось оторвать кусок подкладки и приспособить получившуюся тряпку вместо носового платка.

Вскоре я повстречался еще с одним своим соотечественником, с которым мы когда-то учились на офицерских курсах. Звали его Сандро Негрини. Это был очень высокий, нескладный и удивительно смешливый парень. В гордом одиночестве он сидел на пороге избы. Негрини сказал, что прибыл из Италии только несколько дней назад.

- И сразу попал в такую переделку! - посочувствовал я. - Хочешь пойти в атаку?

- Ради бога! - ответил он. - Я только что оттуда. У меня не осталось ни одного патрона. - В руках он держал рамку, наполненную воском и медом. Между прочим, эта штука неплохо отбивает аппетит. Хочешь попробовать?

Мы еще немного поболтали, я съел необыкновенно вкусного меда и попрощался с приятелем. Больше мы не виделись.

В том месте, где стоял немецкий миномет, бой шел вовсю. Штыковая атака, очевидно, достигла своей высшей точки. Было видно, что враг повсюду отступает и сдается.

Я шел дальше.

Долина была усыпана мертвыми телами, главным образом

моих соотечественников, поскольку только наши солдаты могли идти со штыками на пулеметы и автоматы.

Как я уже сказал, штыковую атаку проводили итальянские солдаты, немцы поддерживали нас артиллерийским огнем и обеспечивали танковые удары в ключевых пунктах. Нашего командования к тому времени уже не существовало.

Я также упоминал, что среди наших войск находились три или четыре генерала, но они полностью устранились от руководства, и мы были вынуждены по всем вопросам обращаться к немецкому командованию. Наши генералы безвылазно сидели в немецком штабе, превратившись в сторонних наблюдателей.

Я был всего лишь младшим офицером, но мои понятия офицерской чести не позволяли мне смириться с таким положением дел. Но еще больше меня возмущала наша вопиющая неорганизованность. Вернувшись на поле боя, я сразу понял, что принесу гораздо больше пользы в качестве командира, чем в роли снайпера. Наши офицеры и солдаты находились в явной растерянности, не имея ни малейшего представления о том, что им делать и в каком направлении атаковать. Они вполне обоснованно тревожились, поскольку атака приняла беспорядочный характер. Получилось так, что, хотя значительные силы русских отступили, кое-где они закрепились и держались до сих пор. В результате на территории, которую мы уже резонно считали своей, возникли отдельные очаги сопротивления врага. Огонь велся хаотично во всех направлениях, и не сразу можно было понять, где наши, а где враги. Я решил на время свернуть снайперскую деятельность и вернуться в немецкий штаб, чтобы уточнить планы и цели атаки.

Обратно я бежал мимо горящих и разрушенных изб. Заглянув в одну из них, я заметил мешок с семечками и насыпал несколько горстей в карманы. Все равно больше есть было нечего.

Итальянский полковник (если я правильно помню, это был лейтенант-полковник Росси - артиллерист из Пасубио) выслушал меня и отправился к немцам за инструкциями. Они ответили, что атакующие подразделения должны продвинуться чем дальше, тем лучше. На моем участке передовые отряды сейчас вели бой на склоне холма, растянувшись от его вершины до подножия. Посоветовавшись, мы с полковником Росси решили остановиться и закрепиться на этой линии.

В нескольких сотнях метров от немецкого штаба я заметил большую группу итальянских солдат, сбившихся в кучу в канаве. Издалека мне не было видно, что там происходит, поэтому я решил до возвращения на поле боя выяснить, в чем дело.

Они рассказали следующее: прямо перед ними находилась

наиболее заросшая камышами и другой растительностью часть долины. Атаковать в том направлении было невозможно, и русские все еще скрывались где-то в камышах и весьма успешно отстреливались, оставаясь при этом невидимыми. На участке справа наши солдаты (я еще раньше видел, что они взяли много пленных) снова поднялись на дальний склон и теперь оказались почти что на его вершине. В то же время на участке слева атака все еще развивалась (именно в ней я принимал участие).

Приподняв голову, я попробовал разглядеть прячущихся в камышовых зарослях вражеских солдат, и моментально метрах в трех передо мной выросли снежные столбики, а мою физиономию запорошило снегом. Если бы стрелявший взял несколькими сантиметрами выше, он бы убил меня. Направление было выбрано абсолютно верно.

Мне снова повезло, оставалось только в очередной раз вознести благодарственную молитву Мадонне. Я вслепую выпалил несколько раз в направлении камышей (разумеется, напрасно, поскольку врага не было видно) и отправился восвояси.

Вернувшись на поле боя, я передал офицерам и солдатам полученные мной инструкции. Люди начали закрепляться на новой линии. Была середина дня. Почти везде атаки уже прекратились, но тем не менее повсюду то и дело слышались выстрелы. Я снова пошел в деревню.

Я уже говорил, что долина казалась полностью покрытой лежащими в самых немыслимых позах телами. Некоторые еще шевелились, подавали признаки жизни. К сожалению, не приходилось сомневаться, что смерть подавляющего большинства раненых - вопрос нескольких часов. У нас не было ни возможностей, ни сил, чтобы оказать помощь всем, кому она была жизненно необходима.

Я знал, что в деревне организовали несколько перевязочных пунктов, и кинулся туда. Картину, представшую перед моими глазами, трудно описать словами. Хижина делилась на два помещения, бывшие комнату и сени. Теперь они были настолько переполнены людьми, что туда невозможно было войти. Раненые лежали друг на друге, формируя страшные штабеля. Их стоны и крики слышались на улице.

Когда один из двух солдат, посвятивших себя уходу за ранеными, пытался кого-нибудь напоить, чтобы хотя бы таким, единственно доступным ему способом немного облегчить страдания несчастных, ему приходилось наступать на лежащих. Но самое ужасное все-таки было не в избе. Снаружи положение оказалось еще хуже. Здесь на снегу, устланном тонким слоем соломы, мучилось несколько сотен раненых. Многие из них

застыли в тех позах, в каких умиравших поспешно бросили вытащившие их из боя товарищи. Они скрючились и распластались не вплотную друг к другу, так что между ними можно было свободно ходить.

Эти люди лежали молча, некоторые из них были прикрыты обрывками одеял, которые на морозе уже успели застыть и стали холодными и жесткими, как металлические листы. Температура воздуха опустилась ниже 20 градусов по Цельсию. У многих даже одеял не было, они из последних сил кутались в шинели. Среди раненых виднелось довольно много трупов. Раны этих людей, казавшиеся ужасными, были небрежно забинтованы поверх одежды, поэтому многие не выдерживали неравной битвы с холодом, голодом и потерей крови. Надо сказать, что оставшиеся на улице мертвые и живые не слишком отличались друг от друга. И те и другие были молчаливыми и неподвижными. Здесь работал только один доктор, который старался как мог, но человеческие силы не беспредельны...

Я слышал, что доктор сам был дважды ранен осколками вражеских снарядов, когда выполнял ампутации обычной опасной бритвой.

* * *

Еще один перевязочный пункт расположился в уединенном месте на склоне над Арбузовом. Огромное пространство, устланное соломой, на которой аккуратными рядами лежали бесчисленные раненые... От ледяного ветра их стеной закрывала копна сена длиной не менее 80 метров. По другую сторону от копны тоже лежали раненые, но их было немного. Обжигающий ледяной ветер усиливал муки несчастных.

Эти люди оказались в несколько лучшем положении, чем находившиеся внизу в деревне.

Над Арбузовом поднялось тусклое зимнее солнце и скупо осветило картину человеческих страданий и разрухи.

Глава 9.

22-24 декабря

Я очень страдал от голода. Заметив, что люди ходят по избам, явно что-то в них разыскивая, я решил тоже походить вокруг и поискать что-нибудь съедобное.

Пересекая замерзшее болото, я наткнулся на траншею, забитую вражескими трупами. По-моему, все они были европейцами. Не знаю почему, но мне показалось, что эти люди сознавали неизбежность гибели. Сраженные пулями, они падали, понимая, что пришло их время и нет смысла сопротивляться неотвратимому.

У дороги тоже лежали трупы врагов. Морозное зимнее солнце

освещало их своими бледными лучами, но не согревало.

Одного из мертвых вражеских солдат я запомнил. Очень худенький и совсем молодой парнишка раскинулся на снегу. За спиной у него висела котомка. Он лежал, прижавшись щекой к холодному мерзлому снегу, возле уголка рта погибшего виднелась аккуратная дырочка, через которую, видимо, вытекла кровь несчастного. Я с грустью подумал, что где-то далеко, в русской избе, старая мать, должно быть, молит Бога о том, чтобы он сохранил жизнь ее единственного сына... Я пошел дальше.

По пути я видел много мертвых тел, еще недавно бывших русскими солдатами. Теперь они постепенно превращались в глыбы льда. Многие из них были босыми, потому что итальянцы, успевшие побывать здесь раньше меня, стянули ставшие ненужными этим людям сапоги.

По дороге меня догнал солдат на русской лошади. Он остановился и сообщил, что, по информации немцев, бронетанковые части на подходе и войдут в Арбузов не позднее чем через полчаса. Не поверив собственным ушам, я попросил солдата повторить сказанное. Но он снова прокричал то же самое и добавил, что едет из немецкого штаба.

Я страшно обрадовался: очевидно, череда разочарований, преследовавшая меня в последние дни, еще не отучила ликовать преждевременно. Я поверил в подход бронетанковых частей, потому что мне очень хотелось в это верить.

Я уже почти пересек долину и приближался к избам, когда увидел итальянского лейтенанта, в одиночестве сидящего на снегу на обочине дороги. При моем приближении он слегка взмахнул рукой, что должно было означать приветствие.

Его лицо украшала грустная, растерянная улыбка. Я поднял руку в ответном приветствии.

- Я вас знаю? Кто вы? - поинтересовался я.

Он представился и назвал свою часть. Оказалось, что он, как и я, служит во 2-м батальоне. И тут я вспомнил, что не так давно уже видел этого юного младшего лейтенанта.

- Знаете, - неуверенно пробормотал он, продолжая улыбаться, - они в меня попали...

- Куда?

- В живот.

- Пуля прошла навылет?

- Нет...

Я не знал, что ответить. Через несколько часов этот парень умрет...

- Не волнуйтесь, - преувеличенно бодро заверил я, - раны в живот теперь отлично лечат.

- Я знаю.

- И кроме того, говорят, что танки на подходе.

- Уже слышал, - проговорил раненый. - Лучше бы им поторопиться, иначе я... - Он потряс головой и улыбнулся еще шире.

Не найдя нужных слов, я смущенно попрощался и поспешил дальше. Раненый лейтенант остался на дороге. Он сидел молча, только все время оглядывался.

Возле первой избы стоял рыжий, веснушчатый солдат внушительной комплекции. Наставив'пистолет на нескольких нерешительно переминавшихся с ноги на ногу итальянцев, он громко требовал, чтобы они шли туда, куда он указывал: вверх по склону. "Меня здесь поставил офицер, - доверительно сообщил солдат. - Он дал мне пистолет и приказал всех отправлять наверх. Там будут возводиться оборонительные сооружения". Затем он попросил меня подменить его ненадолго, потому что ему нужно срочно найти что-нибудь поесть. Я согласился.

Заметив лежащее на снегу оружие, я остановил проходящих мимо солдат и приказал отнести его к возводившимся оборонительным сооружениям. Но наших солдат уже было бессмысленно направлять туда, где в любую минуту мог начаться бой. Скрывшись из виду, они моментально разбегались.

Не помню, когда вновь рядом со мной возник рыжеволосый здоровяк. Но, только увидев его, я сжал в руке пистолет и шагнул в ближайшую избу. Мне тоже необходимо было найти хотя бы какую-нибудь еду.

Зрелище, представшее передо мной, было ужасным. На полу в комнате в большой луже постепенно густеющей крови лежал огромный старик с длинной седой бородой. В сенях испуганно жались к стене люди. Среди них - три или четыре женщины и, по-моему, шестеро детей. Обращенные ко мне худенькие, бледные лица русских ребятишек казались мертвенно-бледными. За столом, где стояло несколько разнокалиберных мисок, сидел солдат и невозмутимо поедал вареную картошку. Увидев меня, он приветственно взмахнул рукой:

- Заходите, signor tenente, здесь есть еда.

- Не бойтесь, - на ломаном русском языке обратился я к насмерть перепуганным русским, убирая пистолет, - я вам ничего не сделаю. Мне только нужна какая-нибудь еда. - После чего я несколько раз поднес руку к раскрытому рту в надежде, что так меня лучше поймут.

Завидев на столе чугунок, в котором лежали крупные картофелины, я, не в силах совладать с собой, почти не пережевывая, проглотил пять или шесть штук. Женщины и дети

следили за мной, широко раскрыв глаза. Вздохнув, я отодвинул чугунок в сторону.

Как восхитительно тепло в этом убогом доме! Я немного помедлил, стремясь в полной мере насладиться изумительными мгновениями... Затем, как мог, объяснил женщинам, чтобы они доели остатки сами, иначе придут солдаты и заберут все подчистую, и снова вышел на мороз.

Я бы все отдал за возможность немного поспать в этой теплой избе, но, к несчастью, она находилась слишком далеко от места расположения наших главных сил. Мало ли что может случиться: ночью .подойдут обещанные танки или же противник организует внезапную атаку, тогда я окажусь отрезанным от своих.

Вокруг собирались немцы. К ним лучше не соваться. Я двинулся в сторону деревни.

* * *

А тем временем русские, вынужденные отойти с ранее занимаемых ими позиций, вели постоянный обстрел Арбузова и окрестностей, где скопилось множество немецких и итальянских солдат.

Нас обстреливали минометы, все существующие виды артиллерийского оружия и "катюши". Погибших уже не считали.

Именно в Арбузове мы близко познакомились со всеобщим кошмаром, названным ласковым женским именем Катюша. Шестнадцать 130-миллиметровых снарядов один за другим сыпались на наши головы. Заслышав звук летящих снарядов, все бросались плашмя наземь. За пронзительным свистом следовали взрывы. "Катюши" предпочитали стрелять по большим скоплениям людей. Когда обстрел прекращался, мы вскакивали и сломя голову бросались прочь, стремясь убежать подальше от страшного места. А на снегу оставались трупы - пять, шесть, семь... как повезет.

Тем вечером я тоже попал под вражеский обстрел и находился среди тех, кто сначала лежал, вжимаясь в холодный снег, а потом бежал, спасаясь от гибельных снарядов.

Я присоединился к нашим главным силам, ожидавшим подхода танков. Но те явно не спешили.

Меня часто удивляло, почему взрывы ручных гранат сопровождаются таким воистину оглушительным звуком, более громким, чем взрыв любого другого снаряда.

* * *

Наступивший вечер принес событие, встреченное радостными криками. В небе над нашими головами появилось несколько немецких трехмоторных самолетов, сбросивших на парашютах ящики с боеприпасами и бочки с горючим. Затем они в знак

приветствия сделали несколько кругов над долиной и скрылись из виду.

Значит, мы не были брошены на произвол судьбы! Значит, кто-то помнит и думает о нас! Наверняка немцы поддерживают радиосвязь с высшим командованием. И рано или поздно долгожданные танки придут.

Наступила ночь.

Я снова встретился со своими друзьями: Цорци, Антонини, Беллини. Они поведали мне, что наш обожаемый майор Беллини{*11} куда-то исчез. Погиб? Попал в плен? Этого не знал никто. Последний раз его видели 21 декабря, как раз накануне того тяжкого дня, когда солдаты начали стрелять друг в друга.

Бедный, бедный майор! Никогда не забуду, как прошедшим летом, не сказав мне ни слова, он защитил меня от ожидавшего меня сурового наказания - почтовый цензор подал рапорт о моих антинемецких настроениях. А после того, как опасность миновала, майор вызвал меня к себе и здорово отругал, порекомендовав впредь воздерживаться от резких высказываний в адрес немцев в своих письмах домой.

Мысленным взором я и сейчас вижу его таким, каким он был в первые дни отступления: высокий, в меховом тулупе и сером вязаном шлеме, с накинутым на плечи одеялом, с неизменной тросточкой в руке. Ко мне он всегда обращался по-отечески ласково: "Oh, ragazzo..." Если бы он мог вернуться хотя бы на день!..

В тот день мы недосчитались еще многих: младшего лейтенанта Сильви, тосканца из 3-й батареи, капитана Россито, командира 1-й батареи... Скорбному списку, казалось, не будет конца. Оставалось только гадать: где они, наши друзья? И еще каждый из нас в те минуты думал, что рано или поздно придет и его черед...

Я искал место, где можно немного поспать. С утра мне не удалось отдохнуть, и я чувствовал себя совершенно разбитым.

Возле хлева, используемого в качестве лазарета (еще один крошечный лазарет в непосредственной близости от немецкого штаба), я увидел, что люди вокруг меня поспешно падают на землю и прикрывают головы руками. Вслед за этим я услышал свист летящих снарядов "катюш". Разумеется, я тоже рухнул в снег. Под такой обстрел я попал впервые. Шестнадцать снарядов ложились на линии протяженностью около 200 метров. До меня доносился звук далекого взрыва, затем ближе, еще ближе... Последние были уже совсем рядом, земля вокруг содрогнулась, словно в преддверии страшного природного катаклизма. Казалось, взрывам не будет конца. Было так страшно, что я уже

мысленно поручил свою душу Господу.

Я поднялся с земли невредимым.

Снаряды "катюш" при взрыве образовывали вокруг себя золотистую светящуюся сферу, словно на землю падали гигантские капли неведомого расплавленного вещества. По этому признаку их можно было отличить от любых других снарядов.

Глава 10.

22-24 декабря

В конце концов я лег на снег около избы, где размещался немецкий штаб, и попытался уснуть. Цорци и Антонини тоже не нашли места в помещении и присоединились ко мне. Антонини лег рядом со мной. Но очень скоро мы поняли, что в такой мороз невозможно оставаться неподвижными. Холод был совершенно невыносимым. А некстати поднявшийся ветер удвоил наши мучения. Почувствовав, что больше не могу терпеть, я встал и отправился искать хотя бы отдаленное подобие убежища.

* * *

И снова я пробирался между многочисленными трупами. Но тогда я им даже позавидовал. Превратившись в бесчувственные глыбы льда, эти люди больше не ощущали холода. Припомнив, что я не так давно видел очень привлекательную копну сена, ставшую неплохой защитой для многочисленных раненых, я направился туда. Может быть, там удастся найти место для ночлега.

* * *

В небольшом стоге сена у дороги спали немцы. Рядом оставалось достаточно места, и я вполне мог устроиться на ночлег. Но не рискнул беспокоить грозных союзников. Тут же здоровенный немец бранился с группой итальянских солдат из-за лошади. Сначала итальянцы вроде бы одержали верх, но немец призвал на помощь своих соотечественников, и они отобрали лошадь, заявив, что это немецкая порода. Я не знал, что сказать огорченным итальянцам. Спорная животина принадлежала к породе, называемой normanno. Она чаще встречается в Северной Европе, чем в Италии. Вообще, наши отношения с немцами были сложными.

Наконец, я добрался до вожделенного стога сена и с удобствами устроился на ночлег, при этом не потревожив лежащих здесь же бесчисленных раненых. Я постелил немного сена на снег, снял обувь и носки, засунул их внутрь ботинок и, чтобы не украли, прикрыл сверху сеном, затем лег, укрылся одеялом и сверху насыпал сена для тепла. В таком положении холод казался терпимым, и я попытался заснуть.

Небо над головой было хмурым. Его свинцово-серую,

недобрую гладь изредка освещали яркие вспышки, которые, вместе с доносившимся со всех сторон грохотом взрывов, не давали забыть о том, что идет война.

В нескольких метрах от места моего ночлега беспокойно фыркали лошади, впряженные в пустые сани. Временами они переступали с ноги на ногу, а иногда застывали в полной неподвижности, словно живые памятники терзаемой морозом живой плоти. Неожиданно одна из лошадей сделала несколько шагов ко мне и начала шумно жевать сено, под которым я прятался от холода.

Чтобы отогнать гостью прочь, я пихнул кулаком ее припорошенную снегом коричневую морду и сгреб на себя еще больше сена. Но морда незамедлительно возникла на том же месте и вернулась к прерванному занятию. Я снова стукнул ее кулаком. Никакого эффекта. Так повторилось несколько раз. Лошадь хотела есть. Даже если она и ощущала боль от моих ударов, чувство голода оказалось явно сильнее. В конце концов я кряхтя встал и оттолкнул сани на несколько метров дальше. Затем лег и моментально уснул. Правда, ненадолго. Очень скоро я проснулся, громко клацая зубами от холода. Настырная лошадь вернулась и сжевала мое одеяло из сена. Охваченный яростью, я едва не пристрелил зловредное животное. Остановила меня только мысль, что лошадь еще может принести пользу при перевозке раненых.

Оказалось, что копна сена привлекла внимание многих. Сюда постепенно стягивалось все больше солдат, привлеченных возможностью устроиться на ночлег. Несколько человек забрались на верхушку копны и теперь сбрасывали сено вниз. Площадь, покрытая распростертыми телами, быстро увеличивалась в размерах.

Я лежал на краю длинного ряда раненых. Место рядом со мной, между двумя ранеными, казалось свободным. Я знал, что там был человек, просто под слоем сена его не видно. Но вновь прибывшие об этом не подозревали и, заметив свободный уголок, немедленно пытались его занять и падали на спрятавшегося раненого. Тот громко стонал и ругался. Это маленькое происшествие повторилось за ночь несколько раз.

Один раз стоявшая без упряжи лошадь тоже решила, по примеру подруги, подойти к копне, чтобы поужинать. Однако, чтобы добраться до вожделенной еды, ей пришлось пройтись по лежащим на земле людям. Лошади это не понравилось. Спящим на снегу тоже.

Ледяной ветер усилился. Теперь со всех сторон слышалось его грозное, утробное завывание. А затем, в довершение ко всему,

пошел снег. Говорят, что, когда идет снег, мороз ослабевает. Но это неправда. Было так холодно, что далеко не все, кто зарылся в сено в надежде поспать, сумели проснуться. Я вспомнил о раненых, лежащих на снегу возле другого лазарета, расположенного внизу, в деревне. Там ничто не могло защитить их от пронизывающего ветра. У них даже сена почти не было, а его жалкие остатки несчастные люди стелили под себя. Я решил, что обязан хоть как-то позаботиться о замерзающих внизу людях. Наверное, надо взять нескольких солдат и сходить в деревню, отнести туда сена, чтобы раненые могли укрыться. Только я никак не мог заставить себя встать, надеть носки, превратившиеся в отвратительные комочки льда, и промерзшие ботинки. Все еще пребывая в нерешительности, я заметил подошедших Цорци, Антонини и еще нескольких офицеров из 30-й бригады. Они тоже искали укрытия от ветра. Я предложил Цорци вместе со мной отнести раненым сена. Он ответил, что смертельно устал и вряд ли способен на такой героический поступок.

Мы зарылись в сено и приготовились спать.

* * *

Но уснуть я не мог. Мне не давали покоя тревожные мысли, довольно часто посещавшие меня последнее время. Они заставляли полностью переосмыслить мои жизненные позиции, по-новому взглянуть на многие привычные вещи. Хватит забивать голову размышлениями о необходимости помогать другим. Следует посмотреть правде в глаза. Наше отступление - это вовсе не планомерный отход на заранее подготовленные позиции. Это паническое бегство, отчаянная попытка избежать массовой бойни.

Как следует пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что нужно позаботиться прежде всего о спасении собственной шкуры.

Мне вспомнился восторженный энтузиазм, мальчишеская страсть, руководившие мной в самом начале моей военной службы. Все это было до начала отступления. Достаточно сказать, что меня дважды представляли к наградам{7}. Если бы отступление началось двумя неделями позже, я бы получил эти медали. Даже странно вспоминать, насколько тогда я был уверен в себе. А ведь прошло всего лишь несколько дней... С самого начала военной кампании я был непоколебимо убежден в необходимости достойно выполнить свой долг. Именно это убеждение заставило меня несколько раз при различных обстоятельствах рисковать жизнью.

А теперь, лежа на снегу, я был вынужден признать, что существует нечто более сильное, чем смерть. Уже много людей погибло. Они умирали один за другим: десять... сто... тысяча...

Человек может умереть только один раз. Он не может умирать бесконечно... Конечно, если он человек.

* * *

Я не собираюсь оправдываться и отлично понимаю, что той ночью мной владел эгоизм. Кстати, после решения позаботиться о себе мне почему-то стало труднее молиться. Но тем не менее я уверен, что выжил в Арбузове лишь благодаря этому, пусть и эгоистичному решению. И впоследствии, когда мы были уже далеко, я полностью искупил свою вину и спас много человеческих жизней.

Все происходит так, как угодно Провидению, которое в дни великих испытаний ведет людей за руки, словно они малые дети.

В конце концов, я заснул.

Через несколько часов я снова проснулся. Зубы привычно стучали, и я весь дрожал от холода. Окружавшие меня товарищи, хотя и были до крайности усталыми, тоже не могли больше спать. Я разговорился с лежавшим рядом со мной солдатом, беспокойно ворочавшимся на колючей постели. Он оказался довольно образованным парнем. А поскольку он счел меня простым солдатом, мы беседовали на равных, и оба получили удовольствие от беседы.

Ледяной ветер свистел в непроглядной тьме над головами. Зимняя ночь казалась бесконечной. Я снова уснул.

Перед рассветом меня разбудил громкий вопль: "Русские!.. Идут русские!" Все здоровые солдаты - а таких за ночь подошло сюда около сотни вскочили на ноги и бестолково заметались. Я начал быстро обуваться. Один из четырех носков куда-то запропастился, и я, чертыхаясь, натянул три оставшихся (когда я впоследствии рассмотрел их внимательнее, оказалось, что они все разные и все не мои). К тому же носки были без пяток, поэтому, натянув ботинки, я почувствовал, как мои несчастные пятки прикоснулись к заледеневшей внутренней поверхности ботинок, и содрогнулся. Кое-как обувшись, я взял мушкет и попытался разобраться, что происходит. По дороге я вспомнил о двух гранатах, которые предусмотрительно положил в карманы, и проверил их наличие. Они были в порядке.

В конце концов я понял, что тревога оказалась ложной.

Было темно. Я направился вниз, в деревню. Серые фигуры бродили между избами, вповалку скорчились на снегу. Живые и мертвые ждали рассвета. И он не замедлил явиться. Я поспешил к лазарету, вокруг которого лежали раненые. Мысль о них не давала мне ночью покоя.

* * *

Лежащих людей, укрытых одеялами, шинелями и

непонятным тряпьем, теперь покрывал слой выпавшего за ночь снега. В некоторых местах он был уже нарушен, потому что люди под ним шевелились, некоторые даже вставали. Но кое-где он остался девственно чистым и никем не потревоженным. Произошло именно то, чего я опасался. За ночь многие раненые замерзли, превратившись в безжизненные льдышки.

Я сбросил снег с одного из людей и приподнял одеяло. На меня смотрело чуть тронутое желтизной мертвое лицо. Я вспомнил этого человека! Он был ранен в живот. Парня наспех перебинтовали, но тот, кто оказывал ему первую помощь, даже не позаботился поправить на бедолаге одежды. Его живот и сейчас был голым. Не в силах пошевелиться, несчастный замерз...

Я принялся стаскивать одеяла и шинели с трупов, чтобы укрыть живых. К сожалению, топчущиеся здесь же солдаты не стремились прийти на помощь, несмотря на мой вполне определенный приказ. И только после того, как я пригрозил пистолетом, солдаты нехотя подчинились.

Мне пришло в голову, что трупы можно раздеть. Должен признаться, меня очень привлекали меховые полушубки, в которые многие из них были одеты. Сам я не успел получить такой же. Замечу, что раздевать замороженные трупы занятие не для слабонервных. Но я, увы, так и не смог оставить себе теплую одежду. Когда замерзающие раненые увидели в моих руках вожделенные полушубки, со всех сторон раздались крики, протянулись руки. Кто-то даже пополз ко мне, издавая громкие стоны.

Затем я решил, что следует получше организовать процесс раздачи питьевой воды. Несколько солдат проявили инициативу и уже носили воду страждущим. Я подключил к делу еще людей, через очень короткое время проблема с питьевой водой была полностью решена.

Я тоже разносил воду лежачим, стараясь напоить каждого из маленькой металлической кружки. Она была настолько холодной, что губы прилипали к металлу. Повсюду мечущиеся в бреду люди требовали дать им воды. Я останавливался возле каждого и осторожно поил полумертвых солдат. Кроме того, я всем говорил, что колонны танков и прочей техники уже на подходе, что совсем скоро подойдут грузовики и заберут всех в госпиталь.

Как они ждали! Как искренне они надеялись! Сколько их умерло с этой надеждой в сердце! Но техника так никогда и не подошла.

Напоследок я собрал валявшуюся на снегу солому и укрыл ею раненых. После чего снова отправился в деревню.

Глава 11.

22-24 декабря

Тяжелые орудия противника снова начали обстрел.

Я смутно помню то утро. Кажется, я долго бродил по деревне. Сначала я искал что-нибудь поесть, затем прятался от обстрела. Поднявшись по склону, я, к немалому удивлению, обнаружил брошенную "альфа-ромео", принадлежащую генералу Х. Внутри я нашел баночку совершенно замороженных мясных консервов, которую тут же с кем-то разделил, правда, не помню с кем.

Сверху мне было хорошо видно, как внизу в деревне немцы периодически строились в колонны, которые через некоторое время распадались, и никто никуда не двигался. Что же происходит?

Помаявшись без какой бы то ни было информации, я подошел к одному из немцев с вопросом, когда придут танки. Его ответ был кратким, но чересчур понятным: "Нет бензина".

В тот день я был очевидцем необыкновенно упорной и очень успешной атаки "катюш". Каждые двадцать - тридцать минут раздавался характерный свист, за которым следовали взрывы.

Многие избы в Арбузове горели. И так продолжалось весь день.

Только к вечеру мы получили небольшую передышку. Несколько раз в небе над нашими головами появлялись немецкие самолеты, сбрасывавшие на парашютах всевозможные припасы. Каждый самолет сбрасывал по шесть тюков, имевших форму снаряда, затем делал круг над долиной и улетал. Мы жадно следили за чужеземными "птицами". Их очертания и окраска казались странными, чужими. Равно как и форменная одежда немецких солдат. Но, по крайней мере, они приносили с собой какую-то надежду, поэтому мы восторженно приветствовали их появление и всегда с нетерпением ждали. Немцы выпускали им навстречу сигнальные ракеты, но, я думаю, больше, чтобы выразить свою радость, чем по необходимости. Кроме припасов, с самолетов сбрасывали бочки с горючим.

Каждый из нас втайне мечтал о том, чтобы над нашими головами появился хотя бы один итальянский самолет. Нам так хотелось, чтобы кто-нибудь вспомнил и о нас. Но действительность была к нам удивительно жестокой. И до самого Черткова мы не видели в небе ни одного нашего самолета.

В тот вечер немецкие самолеты прилетали часто. Но к сожалению, не все парашюты раскрылись, и некоторые посылки камнем падали на землю. Те, в которых находились боеприпасы, взрывались.

Один из таких "подарков" упал на территории, где расположились итальянцы. Последовал взрыв, сопровождавшийся

гигантским столбом дыма. Прошел слух, что убит генерал и все наши полковники. Впоследствии оказалось, что при взрыве действительно погиб полковник и несколько старших офицеров.

* * *

Я снова повстречался с Марио Беллини, моим приятелем из Ассиси. С самого начала отступления он не снимал темно-зеленый вязаный шлем, украшенный кисточкой такого же цвета. Почему-то именно эта кисточка напомнила мне о беззаботных лыжных прогулках. Мы так часто отправлялись зимой на лыжах на нашей далекой родине... Сейчас даже трудно поверить, что у нас в жизни были такие счастливые минуты.

Суровое лицо Беллини в профиль напоминало черты древнеримского легионера. К тому же он был высок, широк в плечах и очень силен. Мы вместе учились на офицерских курсах в Монкальери, затем попали в один и тот же военный лагерь, откуда опять же вместе отправились в Россию. По пути мы серьезно поссорились, причем неприязнь друг к другу длилась довольно долго, пожалуй, до начала сражения на Дону. В этом сражении Беллини представили к серебряной медали.

Встретившись через много месяцев, мы обменялись лишь холодными рукопожатиями. В тот день его группа наблюдения и мой батальон были разгромлены противником, после чего мы долго и трудно уходили от преследования. Совместные боевые действия показали, насколько мелочны и ничтожны наши взаимные обиды. Мы вновь подружились.

Сейчас мы мирно шествовали рядом, засунув руки в карманы, и вели неторопливую беседу. Обстрел прекратился. Даже мороз вроде бы слегка ослабел. Мы шли по вытоптанной в снегу дороге, идущей вдоль длинного ряда изб и соединявшей большой и маленький массивы арбузовских домов. Дорога была широкой и вела вверх по склону. Прямо перед нами бледное зимнее солнце, закончившее свое путешествие по мрачному зимнему небу, медленно садилось, постепенно опускаясь за гребень холма. Мы шли мимо подожженных "катюшами" изб, мимо застывших на снегу трупов. Одни умерли недавно и еще были похожи на замерших в неподвижности людей. Другие были мертвы уже давно. Издалека они напоминали бесформенные кучи тряпья, присыпанные снегом. И лишь при ближайшем рассмотрении становилось понятным, что этот продолговатый сугроб когда-то был человеком.

Штыковая атака не миновала этого места. Здесь, вперемешку с трупами итальянцев, встречались и русские, хотя итальянцев было явно больше. На дороге стоял русский пулемет "максим", рядом с ним скрючились его мертвые хозяева. Чуть поодаль

виднелась целая группа итальянцев, которых, очевидно, скосила очередь из этого пулемета. Их штыки были установлены в боевом положении. Рядом с ними лежал чернорубашечник, из-под его тела выглядывала винтовка с готовым к атаке штыком. Наверное, этот бравый солдат, бегущий в атаку, мог стать серьезной угрозой для врага, но сейчас в его мертвой фигуре не было ничего страшного. Я наклонился и заглянул ему в лицо. На нем читались только обида и жалость.

Как много погибших! Жуткое зрелище обжигало слишком больно. А на далекой родине родные и близкие еще не знают, что этих несчастных уже нет на свете. Здесь, в России, мы переживали страшную трагедию, которая вроде бы никого, кроме нас, не касалась. Мы умирали, а наши газеты и радио повествовали о чем угодно, кроме нас. Страна о нас словно забыла.

Утром прошел слух, что немцы расстреляли всех русских пленных. Лишь итальянцы в результате штыковой атаки взяли в плен более 200 человек.

Позже слухи подтвердились. До нас даже дошли отдельные детали. Рассказывали, что пленных строили в шеренги по 10 человек, вдоль которых ходил солдат и стрелял. Чаще всего в голову. Насколько мне известно, ни одному из пленных не удалось уцелеть. Я видел тела некоторых из них. Помню русского мальчика, одетого в солдатскую форму. Ему было не больше шестнадцати лет. Он лежал раскинув руки и ноги и глядя широко раскрытыми, невидящими глазами вдаль. Маленькая дырочка на виске показала, куда попала пуля, убившая юношу.

Я остановился и несколько минут рассматривал погибшего. Мне показалось, что все они - и этот русский мальчик, и застывший в отдалении итальянский чернорубашечник - своей смертью выражают яростный протест против чудовищной несправедливости войны. Почему-то этот русский юноша стал для меня воплощением всего русского народа, на протяжении многих лет испытывавшего неведомые нам страдания. Бедный солдатик!

Свидетели убийства русских пленных рассказывали, что они стояли перед своими палачами высоко подняв головы и ни о чем не просили, но в их глазах метались страх и отчаяние.

В глубине души росла моя ненависть к немцам. Она с каждым днем становилась все сильнее и временами переходила в глухую, непримиримую ярость. Мне было очень трудно подчиняться их командам и не давать волю озлоблению.

Справедливости ради следует отметить, что в те дни русские обращались с немецкими пленными точно так же. Не лучшая судьба постигла и попавших в русский плен итальянцев.

Нам было очень больно. Но именно боль - удел

цивилизованных народов, попавших в кровавую мясорубку войны двух варваров.

Если бы немцы пощадили пленных здесь, в Арбузове! Но теперь мы ни минуты не сомневались, что, если попадем в плен, наша судьба предрешена.

Мы с Беллини прошли через всю деревню, затем двинулись обратно. День медленно клонился к закату. Мороз, словно спохватившись, снова взялся за нас. Мы еще раз прошли мимо мертвого русского мальчика. Мне показалось, что я услышал его протестующий крик. Быстро темнело. Предстояло опять искать место для ночлега.

Глава 12.

22-24 декабря

Не помню, где я первый раз той ночью преклонил голову. Запомнилось только, что очень скоро, подгоняемый усиливающимся холодом, я возобновил скитания. В темноте я снова встретил Беллини, и он рассказал мне, что нашел неплохо защищенное место на пустыре. Мы отправились туда вместе, легли, но так и не смогли уснуть из-за мороза. Так и не решив, куда отправиться попробовать поискать свободный уголок в какой-нибудь избе или не терять время и сразу идти к одному из нескольких стогов сена, - мы вышли на дорогу.

В темноте ночи костры полыхающих изб казались особенно яркими. Их пламя скупо освещало лежащие повсюду мертвые тела, но теперь мы старались на них не смотреть. Следовало позаботиться о себе.

Мы приблизились к полю, где устроилась на ночлег большая группа людей. Немцы заняли самые удобные места, где было много сена. Высокие копны защищали их от холодного ветра. Итальянцы разместились на открытых со всех сторон площадках.

Мы зашли в несколько изб, но напрасно. Все они были переполнены. Деться было некуда.

Проходя мимо покосившейся лачуги, мы услышали тонкий детский голосок. Ребенок был болен или ранен, он все время твердил одну и ту же знакомую нам фразу: "Папочка, дай водички!" Сквозь крупные щели в двери проблескивал тусклый свет: очевидно, в доме горела свеча. Но войти туда мы не могли: прямо на пороге, вповалку, тяжелым, беспробудным сном спали наши соотечественники.

Не нашедшим никакого укрытия, нам пришлось вернуться туда, откуда нас прогнал холод. Закутавшись в ледяное одеяло, я съежился на снегу и решил поспать, несмотря ни на что.

Со всех сторон раздавались громкие стоны. Это было невозможно вынести. Но от них нельзя было спрятаться и некуда

скрыться.

Я заметил неподалеку странную нору в снегу, показал ее Беллини, и недолго думая мы заползли туда. Если я не ошибаюсь, это оказался старый, полуразвалившийся курятник.

* * *

Временами меня начинала подводить память. Я не очень хорошо помню дальнейшие события той ночи. Кое-что из происшедшего я не могу припомнить вообще. Через несколько часов я выбрался на улицу, оставив одеяло в курятнике. Меня била дрожь. Марио сказал, что я внезапно со всех ног бросился бежать, причем направился в сторону расположения русских. Он с трудом меня догнал и остановил. Я вырывался и требовал, чтобы Беллини оставил меня в покое.

Затем мы каким-то образом потеряли друг друга из виду.

Помню, что я был поглощен единственной мыслью - лечь спать, обязательно укрывшись сеном. Хотел отыскать сено любой ценой. Затем я где-то подобрал одеяло и долго бродил между избами и полем, полностью потеряв ощущения времени и направления.

Какое-то время меня сопровождал солдат, заявивший, что отлично знает эти места. Но вскоре он тоже заблудился, и стало ясно, что мы оба не знаем, куда идем. В конце концов я нашел никем не занятую кучу соломы. Рядом спали немцы. Я устроил для себя лежбище, снял ботинки и носки, завернулся в одеяло и провалился в сон. Мороз был даже сильнее, чем предыдущей ночью.

* * *

Когда я проснулся утром, еще не рассвело. Я больше не бредил, с головой все было в порядке.

По моим подсчетам, наступило Рождество. Я так решил, хотя все вокруг утверждали, что Рождество будет только завтра. У нас было весьма приблизительное представление о времени. В тот ранний предрассветный час я быстро ходил взад-вперед, чтобы согреться, и истово молился.

Из долины слышались выстрелы. А я возносил молитву Всевышнему и думал о моем далеком теплом доме. Может быть, именно сейчас мои маленькие братья смеются и визжат от радости, рассматривая рождественские подарки. И мой отец, отбросив на время свою всегдашнюю строгость, радуется вместе с ними, любуясь их счастливыми лицами. Через несколько часов они все вместе отправятся к мессе, после чего соберутся за столом в нашей большой и очень теплой гостиной. Как тепло в нашей гостиной зимой!

Суждено ли мне когда-нибудь еще увидеть родной дом?

Я представил, как будет убиваться моя мама, если я не вернусь, и вознес горячую молитву Мадонне лесов, святой покровительнице моего народа. Сделай так, чтобы чаша горя и страданий миновала мою мать!

Так я еще долго прыгал и бегал по утоптанному снегу, вознося молитвы и сражаясь с холодом. При этом я почему-то не волновался из-за странного, бредового состояния, охватившего меня предыдущей ночью. Я чувствовал, что пока еще не схожу с ума. И кроме того, все мы в руках Провидения.

Я опять подумал об Италии. Наверное, нужно уехать очень далеко, чтобы в полной мере оценить, как прекрасна и добра моя страна, как хорошо в ней жить. Я с тоской думал о красотах Ривьеры, но больше всего о том, как там восхитительно тепло. С некоторым усилием я отогнал от себя эти мысли, пока не стало совсем тошно...

* * *

Незнакомый солдат из 30-й бригады где-то раздобыл половину головки сыра пармезан. Когда рассвело, он пришел ко мне, сопровождаемый внушительным эскортом, и попросил разделить этот изумительный деликатес. Я немедленно приступил к делу. Сыр сильно затвердел на морозе. Я положил его на снег и принялся аккуратно отрезать куски штыком. В другое время я бы счел его запах отвратительным, но сейчас...

Тут ко мне подошли какие-то солдаты и передали приказ всем немедленно отправляться в деревню. Пришлось прекратить раздачу сыра. И через несколько минут я снова очутился на выстланном трупами склоне на дороге, ведущей вниз. У меня в руках был сыр, и поэтому за мной, как привязанные, шли солдаты. Они настаивали, чтобы лакомые кусочки выдавались исключительно парням из 30-й бригады.

Вскоре им надоело идти за мной, и тот, кто принес сыр, потребовал, чтобы я вернул ему остаток. Я не спорил, только отломил маленький кусочек для себя и еще один, чуть побольше, для полковника и офицеров. Последний я передал хорошо знакомому мне артиллеристу по имени Клементи. Этот молчаливый темноглазый южанин казался абсолютно надежным человеком. Он входил в мою группу наблюдения и великолепно проявил себя в боях на Дону. Пожалуй, он был одним из самых храбрых моих солдат.

По дороге я съел свой кусочек сыра и возблагодарил Господа за то, что он послал столь необходимую мне пищу.

Внизу в деревне все пришло в движение. Пронесся слух, что мы уходим. Я содрогнулся от мысли о том, сколько беспомощных раненых останется в Арбузове на расправу безжалостному врагу.

Я пошел к лазарету, расположенному рядом с немецким штабом, чтобы посмотреть, есть ли там еще кто-нибудь из моих друзей, моих vecchi. Я долго ходил между лежащими на снегу ранеными и громко спрашивал: "Есть здесь кто-нибудь из 30-й артиллерийской?" Мне никто не ответил. Я уже совсем было собрался уходить, когда услышал слабый голос: "Signor tenente!" Обернувшись, я увидел щуплого светловолосого солдата, чье лицо показалось мне смутно знакомым.

- Signor tenente, - снова заговорил он, - видите, меня ранили. Как вам повезло! Вы все время лезли в самое пекло и уцелели.

Голос мне тоже показался знакомым, но тем не менее я никак не мог вспомнить, кто это такой.

- Но кто ты? - растерянно поинтересовался я.

- Я - Caporalino, новый связист из второй батареи.

Тут я сразу же узнал юношу. Это с моей легкой руки он получил свое прозвище - Caporalino. Он назвал свое имя, но, к сожалению, теперь я не могу его вспомнить.

Я сразу же начал лихорадочно размышлять, как можно спасти несчастного. Выход был один - найти место на санях или каком-нибудь другом транспорте. И я пошел искать сани. Через несколько минут мне удалось их найти, причем пустые. Не помню, что мне говорил возница, скорее всего, объяснял, что они предназначены для кого-то другого. Вежливо, но с явно выраженной угрозой в голосе я приказал ему взять Caporalino. Клементи помог мне поднять и устроить раненого. Я приказал Клементи сопровождать сани и внимательно следить, чтобы солдат остался на них, а также дать раненому кусочек "офицерского" сыра. Caporalino благодарил меня со слезами на глазах. Он был так растроган, что с трудом мог говорить. Лежа на санях, он даже пытался улыбаться. Я долго следил за санями, пока они не скрылись из виду. Клементи тоже исчез вместе с санями, больше я его никогда не видел. Излишне говорить, что офицеры так и не получили сыра.

* * *

Через несколько дней я увидел Caporalino уже в Черткове. Он рассказал, что на санях он проехал всего несколько километров, после чего лошадь замертво рухнула на дорогу. Остальную часть пути до населенного пункта ему удалось с превеликим трудом проделать пешком. Кроме того, он сказал, что Клементи необыкновенно серьезно отнесся к моему приказу и ни на минуту не терял сани из виду.

* * *

В самом центре деревни устроили лазарет. Это был маленький домик с сенями. Внутри, на застеленных соломой

земляных полах, а также на улице прямо на снегу лежали раненые. Причем все они пребывали в чрезвычайно возбужденном состоянии. Люди уже знали, что войска собираются уходить из деревни, и волновались за свою судьбу.

Мы верили, что действительно уйдем из Арбузова, как только подойдут давно ожидаемые танки, а также считали, что вместе с танками к нам направляются грузовики, чтобы забрать раненых. Именно это я и объяснил полуживым людям, в отчаянии молившим меня не бросать их на произвол врага.

На минуту воцарилось молчание, и чей-то голос произнес:

- Остается надеяться, что это правда. Все мы знаем, что немцы убили русских пленных. Нам не на что рассчитывать, если русские найдут нас здесь, в окружении своих расстрелянных людей.

Пехотинец, которого я ранил в спину в первый день нашего пребывания в Арбузове, тоже был в лазарете. Он тихо лежал у стены.

Когда я окликнул его, он меня сразу же узнал и снова, как заведенный, принялся твердить, чтобы мы не оставляли его. Глядя в его широко открытые глаза, я снова спросил себя: этот ли человек, находясь в беспамятстве, стрелял в нас или все-таки нет? Мне не суждено было получить точный ответ на мучивший меня вопрос. В те дни немало людей, не выдержав испытаний, сходило с ума. И в то же время у многих наблюдалось временное помрачение рассудка, после чего они возвращались в свое нормальное состояние. Так что теперь, внимательно всматриваясь в лицо этого человека, я не мог прийти к какому-либо обоснованному заключению.

Бедолага! Я сделал все от меня зависящее, чтобы найти ему место на санях или в грузовике. Но второго чуда не произошло. Даже мышь не смогла бы отыскать себе закутка на транспорте, переполненном ранеными итальянцами. Сани немцев двигались полупустыми, но я так и не сумел уговорить никого из них, чтобы взяли всего лишь одного нашего раненого.

В результате я был вынужден отказаться от бесплодных попыток. Правда, меня немного успокоил полученный приказ, предписывающий всем собираться внизу в долине, не беспокоясь о раненых, поскольку их всех заберут специально выделенные для этого люди.

В конце концов мы все-таки покинули Арбузов. Провидение вверило мне жизни множества людей, которых я должен был отвести в безопасное место. Но я не выполнил своего обещания и покинул раненого мной пехотинца. Мне до сих пор иногда кажется, что я слышу его срывающийся голос:

- Signor tenente, умоляю, не бросайте меня!..

И свой ответ:

- Не волнуйся, я тебя не брошу. Я всегда выполняю свои обещания.

* * *

С тяжелым сердцем я шел вниз, к месту сбора. Что ждет меня там?

Пересекая небольшой пустырь, я увидел громадину немецкого танка{8}, орудие которого было снесено прямым попаданием снаряда. Приглядевшись, я обнаружил, что огнемет тоже отсутствует, впрочем, развороченной была вся передняя часть. К сожалению, число танков, на которые мы возлагали наши основные надежды, с каждым днем уменьшалось.

Когда мы покидали "Долину смерти", их осталось всего пять или шесть штук. Остальные из-за отсутствия горючего были выведены из строя и брошены.

* * *

В окружении многочисленных солдат и офицеров, я стоял на льду замерзшего пруда. Сюда же подъезжали грузовики с ранеными. Они останавливались на дороге или ездили взад-вперед. Было совершенно очевидно, что водители не знали, что делать.

Русские снова начали обстрел деревни.

Наступивший день не стал счастливым исключением и принес огромное число раненых и убитых. Снаряды "катюш" не щадили никого. Они взрывались среди лежащих на снегу раненых, разрывая на части их и без того уже покалеченные тела. Те, над кем смилостивились снаряды, погибали от холода.

Некоторые солдаты, измученные непрекращающимися обстрелами, голодом и убийственным морозом, теряли желание жить. Они укладывались на снег и, не шевелясь, молча ждали смерти. Надежда на приближающуюся колонну танков становилась все слабее.

Выстрелы раздавались слишком близко. То справа, то слева начали появляться столбики снега, поднятые вражескими пулями. Срезанные выстрелами голые ветки деревьев сыпались на наши многострадальные головы. Вслед за этим поминутно стали взрываться снаряды. Снова обстрел! Спрятаться было негде. В качестве укрытий отчаявшиеся люди использовали даже самые незаметные ямы и ложбины.

Казалось, прошла вечность, прежде чем поступил приказ: всем итальянцам собраться в лесистой балке в долине перед Арбузовом.

Глава 13.

22-24 декабря

Через некоторое время (было уже позднее утро) итальянцы стянулись к указанному месту и даже построились. Нас было четыре или пять тысяч, а это означало, что множество людей затерялось где-то в "Долине смерти". Проход в балку, естественную расселину в земле, имел в ширину около 100 метров и глубину 4-5 метров. Его дно было достаточно ровным. Поскольку проход оказался довольно извилистым, о его длине ничего сказать не могу.

И здесь прошла штыковая атака. Ее немой свидетель - русский пулемет "максим", застывший на краю обрыва. Рядом лежали трупы русских пулеметчиков.

Генерал Х собрал всех оставшихся в живых офицеров, которых набралось около сотни. Мы искренне надеялись, что он сообщит нам хорошие новости. Вместо этого мы услышали, что нам следует организовать людей и вести бой с противником, пока хватит сил. Возможно, вскоре подойдет бронетанковая колонна. Но может быть, и нет. Тогда нам предстоит погибнуть в бою.

Генерал говорил что-то еще, но нам не хотелось верить собственным ушам. Нас обрекли на смерть.

Вскоре генерал отпустил офицеров, и мы пошли к своим подразделениям, собравшимся в балке. Вокруг виднелись редкие голые деревья, между ними стояли люди. Послышались громкие, отрывистые команды. Затем кто-то сказал, что надо говорить потише, потому что враг совсем близко.

30-я бригада построилась, я ходил вдоль шеренг, призывая людей к порядку. Я снова был среди своих.

Все мы были уже не такими, как прежде. Выпавшие на нашу долю тяготы и лишения способны сломить кого угодно. До неузнаваемости изменились лица похудели, осунулись. И только глаза остались прежними. По ним мы и узнавали друг друга.

Среди нас был наш командир - полковник Матиотти. Его всегда аккуратно выбритое лицо теперь покрылось седой щетиной. Из трех командиров батальонов уцелел один майор У.

Я был счастлив увидеть моего доброго друга, веронца Дзоило Цорци. Как прекрасно, когда есть возможность перекинуться с ним несколькими словами. Здесь же оказался Марио Беллини, который долго приставал ко мне с вопросом, куда я подевался предыдущей ночью. Я снова увидел младших лейтенантов и лейтенантов Антонини, Канделу, Бону, Цинци, Маэстри, Цаваттаро, а также капитанов Понториеро, Варенну и Барселону. Но как многих мы недосчитались! С нами больше не было нашего доброго, всегда по-отечески улыбавшегося майора, куда-то исчез командир 62-го батальона. Впоследствии я встречал его, но это

было уже после выхода из окружения.

Из младших лейтенантов не хватало самого молодого - Палациано, улыбчивого юноши из Таранто. Парни говорили, что видели его мертвое тело. Через неделю ему должно было исполниться двадцать лет...

Капитан Варенна, выходец из Комо, наш главный "снабженец", где-то раздобыл большую рыжую корову, которую один из солдат теперь тянул за веревку, привязанную к рогам. Животное шумно дышало и плелось за нами, видно покорившись своей участи. Капитан собирался при первой возможности забить корову и накормить людей горячей пищей.

* * *

Полковник Матиотти разделил людей на две примерно равные группы: вооруженные и без оружия. Из вооруженных солдат сформировали четыре или пять взводов по 20 человек в каждом. Боеспособных офицеров поставили во главе каждого взвода. Меня, Дзоило Цорци и Марио Беллини пока оставили в покое.

Взводы были готовы идти в бой. А я неожиданно почувствовал острейшее желание быть вместе с ними, с моими друзьями. Какой-то чертик внутри не давал мне покоя и настойчиво требовал, чтобы я снова полез в пекло. Но я не успел проявить себя, потому что как раз в эту минуту вперед выступил Цорци и тихо попросил полковника позволить ему присоединиться к взводу.

На его простоватом лице застыло обычное выражение: искреннее и в то же время скромное, даже, пожалуй, чуть застенчивое. Именно с таким выражением он всегда призывал к порядку своих друзей, некоторые фривольные шутки которых, будучи истовым католиком, не одобрял. Полковник удовлетворил его просьбу, и солдаты тут же отправились в Арбузов.

Беллини и я молча смотрели вслед Цорци. Больше мы его никогда не видели.

Пусть мои слова станут данью памяти Цорци, лучшему из людей, которых мне довилось встретить на дорогах войны. Он был простым, но мудрым человеком, его очень любили солдаты. К тому же он был храбр, но обладал не безрассудной храбростью, а настоящим мужеством разумного человека.

Я еще очень долго надеялся, друг мой Цорци, что ты жив. И всякий раз, когда судьба забрасывала меня на новое место, я ждал, что увижу твое спокойное лицо, услышу тихий голос.

Но вышло иначе. Когда снег растает и повсюду зажурчат весенние ручьи, ты будешь без движения лежать в грязи на проселочной дороге и не сможешь порадоваться первому

ласковому теплу. Жидкая глина скроет твои глаза, последний взгляд которых был обращен к Богу.

Я дал обет, что ты вернешься домой. Мы должны были идти вместе, чтобы этот обет выполнить{*12}.

Но ты пошел один. И не вернулся.

Я уверен, что еще не раз мысленно обращусь к тебе. Ведь это твоих советов мне так не хватает в этой жизни! Сколь тонка преграда, разделяющая нас! Мы снова будем идти рядом, как шли в 1942 году, плечом к плечу, по дорогам войны через бескрайнюю русскую степь.

Ты помнишь заунывный крик перепелов, который мы впервые услышали именно в тех местах?

Сегодня твои белые кости уже смешались с землей и травой, а над ними все так же кричат перепелки, словно плачут над умершим.

* * *

Когда вооруженные формирования ушли, мы получили приказ оставаться в том же овраге до новых распоряжений. Нам было запрещено разжигать костры и даже громко разговаривать.

Капитаны Варенна и Барселона отправились поискать место, где было бы удобно забить корову. По пути их остановил незнакомый старший офицер и приказал капитану Барселоне принять командование только что сформированной ротой. Больше мы его не видели.

Терпеть адский холод уже не было никакой возможности. Мы старались, как могли, согреться, но не станешь же весь день без остановки прыгать или приседать!

День, который я упорно считал рождественским, казался бесконечным.

Солдаты, отправленные забить корову и приготовить пищу, вернулись с пустыми руками. Они сообщили, что животное у них отобрали немцы, но сопровождаемые группой итальянцев. Первые держались властно и действовали как хозяева, вторые таскались за ними, умирая от голода.

Мы опять остались без еды...

* * *

Нам было хорошо слышно, как в долине взрываются снаряды. "Катюши" вовсю демонстрировали свою мощь.

Офицеры собрались в небольшую группу: Понториеро, Варенна, Бона, Санмартино, Антонини, Беллини, Кандела и некоторые другие. Иногда один из нас, сраженный усталостью, в изнеможении опускался на снег, но всякий раз очень быстро вставал. Мы пытались обсудить создавшееся положение, но в такой мороз было тяжело и разговаривать, и думать. Из-за холода

никто из нас не рисковал снять перчатки, поэтому даже самые заядлые курильщики были вынуждены серьезно подумать, прежде чем решиться закурить.

Все думали, придут ли танки, но вслух старались об этом не говорить. Мы были настолько голодны, что мысленно все время ели. Причем представляли себя вкушающими самые изысканные блюда. Я вспомнил об аппетитных плитках шоколада, баночках меда и прочих вкусностях, которые мне прислали из дома, а я припрятал к сегодняшнему дню - к Рождеству. Теперь ими, наверное, лакомятся узбеки. Я веселился, представляя, как вместе со сладостями узбеки съедают крем против обморожения и средство для блеска обуви, тоже лежавшие у меня в мешке, хотя это вряд ли было смешно.

* * *

Вскоре мысли о еде были изгнаны всепроникающим холодом, и мы снова принялись прыгать и бегать на месте. Каким мучительным было ощущение ледяных ног в мокрых и холодных носках! Медленно тянулись часы.

Неподалеку от места нашей стоянки виднелась "живописная" картина. Пять или шесть мертвых итальянцев и лошадь, тоже мертвая. Должно быть, они были настигнуты снарядом незадолго до нашего появления, потому что кровь была еще совсем свежей. Ее натекла целая лужа, в центре которой лежала лошадь, придавившая одно из человеческих тел.

Какой отвратительно красной казалась смесь крови человека и животного! Это было единственное яркое пятно на удручающе монотонном, серо-белом полотне окружающего пейзажа.

Неожиданно я принял весьма нелегкое для себя решение и направился к трагической компании. Дело в том, что я заметил на шее у одного из погибших итальянцев теплый офицерский шарф. Я стянул его, разорвал на две половинки и вернулся к товарищам. Как раз в это время лейтенант Санмартино, в то время командовавший 2-й батареей, сидел на снегу и с остервенением натирал свои окоченевшие ноги жиром против обморожения. Я попросил его поделиться со мной кремом, снял ботинки и носки, натер свои многострадальные ноги, обмотал их половинками шарфа и снова натянул ботинки. Сразу стало легче. Но теперь, без носков, мои ноги над ботинками оказались голыми. Пришлось, чертыхаясь, все-таки еще раз надеть мокрые носки.

Мы немного поговорили о Рождестве. В итоге меня убедили, что оно наступит только на следующий день.

Я часто покидал своих товарищей и отправлялся бродить по оврагу. На ходу было легче согреться.

Временами в нашем доблестном войске поднималась неимоверная паника, потому что кто-то сообщал о появлении на краю балки русских. На поверку ожидаемые враги всякий раз оказывались итальянцами.

Бой переместился ближе. Выстрелы слышались уже совсем рядом с нами, а снаряды летали прямо над нашими головами.

* * *

Все больше и больше людей стали поглядывать голодными глазами на убитую лошадь. Некоторые шли к ней и штыками отрезали куски мяса. Поскольку нам было категорически запрещено разжигать огонь, мясо ели сырым. Судя по рассказам, на вкус оно было отвратительным, но тем не менее восстанавливало силы.

Не выдержав мук голода, я решил последовать примеру соотечественников. Попросив у солдата штык, я осторожно отрезал небольшой кусочек мяса. Гола, заряжающий третьего орудия 2-й батареи, ободряюще кивнул, глядя на гримасу отвращения, исказившую мое лицо. Его всегда задорно топорщившиеся волосы сейчас были спрятаны под шлемом, а обычно оживленное лицо теперь выглядело маленьким и сморщенным. Но вел он себя как всегда - по-крестьянски практично.

Я засунул мясо в снег, откуда через некоторое время достал своеобразный замороженный бифштекс. Стараясь не смотреть на него, я принялся за еду. Вот, подумал я, расплата за былые излишества. Когда смерть близка, грехи человеческие, которые в нормальных условиях кажутся лишь мелкими прегрешениями, принимают угрожающие размеры.

* * *

Меня очень беспокоило тело человека, придавленного лошадью. Солдаты уже стояли в очереди, чтобы отрезать себе мяса. Лошадиные внутренности и куски шкуры падали на лежащий внизу труп. Некоторые, не присматриваясь к тому, что лежит под ногами, наступали на него.

Я понимал, что никто добровольно не согласится вытащить его. Тогда я достал пистолет и под угрозой оружия заставил двух солдат помочь мне перенести несчастного в другое место. Пока мы готовились выполнить скорбную работу, над нашими головами просвистел снаряд "катюши" и взорвался всего лишь в нескольких десятках метров. Мы упали на землю, прикрывая руками головы. После того как перестали падать осколки, я встал и обнаружил, что моих вынужденных помощников нигде не видно. Видимо, им так не хотелось возиться с мертвым телом, что они трусливо сбежали.

Пришлось заставить двух других солдат заняться этим делом. Мы вытащили мертвое тело из-под трупа лошади и уложили его немного поодаль. Возле мы положили и остальных погибших.

Теперь "катюши" обстреливали район, расположенный совсем рядом с нашим оврагом, всего лишь в нескольких сотнях метров. Поднятые взрывами снарядов столбы дыма неуклонно приближались. Еще немного - и начнется массовая гибель людей. Мы с ужасом ждали казавшейся неизбежной смерти, но неожиданно взрывы снова стали удаляться. В балку упал только один снаряд, убивший нескольких человек.

День клонился к вечеру.

Мы бесцельно топтались на снегу, потеряв всякую надежду. Но тут до нас долетела новость, которая заставила всех в полном смысле слова запрыгать от радости. Из немецкого штаба пришел сержант, сообщивший, что колонна танков находится всего лишь в двух часах пути отсюда.

Люди стояли и напряженно ждали. Время шло, но никаких звуков, означавших прибытие танковой колонны, не было слышно. На закате мороз еще усилился. Нам еще днем казалось, что силы на исходе и больше мы не сможем переносить такой убийственный холод. Оказалось, что можем. Стемнело.

* * *

Вместе с Марио Беллини мы мерили шагами балку. Марио обнаружил в своем кармане забытый кусочек галеты и поделился им со мной. Как яss = tri > * * *

Пока мы располагались на ночлег, в группе солдат неподалеку вспыхнула ссора. Я подошел выяснить, в чем дело. Несколько человек с трудом удерживали высокого солдата, который вырывался и кричал, что ни в чем не виноват. Перед ним стоял взволнованный капрал, утверждавший, что побывал в плену у русских, сумел бежать и видел, как этот солдат по-дружески общался с врагами, а значит, он шпион.

Солдат (судя по говору, он был из Варезе) закричал, что он служит в батальоне 30-й артиллерийской бригады. Заинтересовавшись, я подошел поближе. Солдат рассказал такие удивительные вещи, что я немедленно послал за майором У, командиром батальона.

В присутствии майора солдат повторил, что действительно попал в плен к русским. Он был одним из огромнейшей колонны пленных итальянцев (если не ошибаюсь, в ней насчитывалось более 5 тысяч человек), которым русские объявили, что их сначала отправят в Миллерово, а там погрузят на поезда и отвезут на работы.

Миллерово в руках русских? Я удивленно взглянул на Марио

Беллини. Если русские продвинулись так далеко, то наши дела плохи. Тогда мы не поверили солдату. Но впоследствии выяснилось, что он сказал чистую правду. Русские уже были в Миллерове и готовились замкнуть кольцо. Таким образом, мы оказывались в полном окружении. Хорошо, что мы этого не знали.

А солдат продолжал свой рассказ:

- Неожиданно стражники открыли огонь по нашей колонне. Вокруг меня находились тысячи итальянцев, - кричал солдат, - а их всех убили! Знаете, я сам видел, как капитан... (я не помню имя, названное солдатом, но этот человек служил в 60-м батальоне) упал замертво, пуля попала ему в голову!

Солдат объяснил, что ему удалось спастись только потому, что он, как щитом, прикрылся одним из своих соотечественников, который, он знал, продался русским. Потом его отпустили, взяв с него обещание стать шпионом. Солдат сказал, что в его батальоне оказалось немало предателей, согласившихся шпионить. Он признался, что пообещал работать на русских лишь для того, чтобы спасти себе жизнь. На самом деле он не хотел никого предавать и все честно рассказал.

Пока солдат говорил, вокруг то и дело раздавались возмущенные крики. Толпа собиралась линчевать изменника. Солдат выглядел насмерть перепуганным.

Быть может, у него, как и у многих других, помутился рассудок? А вдруг он говорит правду? Мы не знали, что думать. Сейчас, когда я слышал столько рассказов итальянцев, переживших русский плен, я склонен думать, что в ту ночь солдат не лгал.

Я отвел майора У в сторону и рассказал об эпизоде, случившемся три дня назад, когда солдат стрелял в нас, расположившихся на ночлег. Майор ответил:

- Честно говоря, не знаю, что и думать. Но мне кажется вполне определенным одно: скоро мы все окажемся в руках русских и найдем там свой конец. Я буду следить за этим парнем и в случае чего пристрелю его. В конце концов, какая разница, все равно мы погибнем.

На том и порешили.

Намного позже Беллини рассказал мне, как развивались события. Майор У как следует поразмыслил и решил отвести солдата к генералу Х. Поскольку вокруг было множество людей с помутившимся в той или иной степени рассудком, причем у некоторых появилась именно шпиономания, генерал, узнав, что доставленный к нему солдат до начала отступления был вполне нормальным парнем, распорядился его освободить. Солдат попросил майора У дать ему письменное удостоверение,

подтверждающее, что он не шпион. Солдат заявил, что если не получит такой бумаги, то уйдет к русским.

Майор У отказался. Солдат ушел, и больше его никто не видел.

После того как страсти улеглись, в балке воцарилась тишина. Все по-разному решали проблему ночлега. Одни укладывались прямо на снег, тесно прижавшись друг к другу. Другие предпочитали остаться на ногах. Я слышал, как люди тихо переговаривались между собой. Общее настроение было таково: если бы нас окружали не русские варвары, а, к примеру, англичане, все бы сдались в плен не задумываясь.

Марио Беллини и я, как и собирались, пошли к выходу из оврага, чтобы принести немного сена. Там нам пришлось выдержать короткую перепалку с немцами, которые высказали свое недовольство. Им было абсолютно безразлично, умрем мы или выживем, главное, чтобы их никто не беспокоил. Мы вернулись в балку с двумя большими охапками сена. Часть мы расстелили на снегу, затем легли, укрылись одеялами, поверх которых насыпали остатки сена. Я догадался положить мокрые носки под рубашку, прямо к телу, чтобы они к утру не превратились в ледышки. Прижавшись друг к другу, мы уснули.

Был канун Рождества.

Глава 14.

22-24 декабря

Спали мы недолго, но очень крепко. Мы даже не слышали, как кто-то украл сено, уложенное поверх одеял. Было очень холодно. Мы придвинулись поближе друг к другу и сумели еще немного поспать. Но вскоре пришлось встать. Холод стал невыносимым. Мы оба дрожали и клацали зубами. Накинув одеяла на плечи, мы принялись ходить взад-вперед, рассчитывая хотя бы чуть-чуть согреться. Я мысленно пообещал Мадонне (но не в форме обета, теперь я опасался их давать, поскольку больше не доверял себе), что, если она позволит мне вернуться домой, я посвящу служению ей всю оставшуюся жизнь. Написанная мной книга - свидетельство того, что я выполняю свое обещание.

* * *

И снова заговорили "катюши". Мы старались вжаться в снег. Снаряды рвались так близко, что я поневоле открыл рот, чтобы прочитать молитву, но в рот набился снег. Один из снарядов упал рядом, осыпав нас снегом и землей. Затем все стихло. Мы встали, отряхнулись и с удивлением посмотрели друг на друга. Живы!

Когда мы вернулись на место, где спали, выяснилось, что все сено уже растащили. Мы еще немного прикорнули, сидя в зарослях какого-то кустарника. Проснулись мы около девяти

часов. Мне показалось, что я больше не способен выносить холод и вот-вот сойду с ума. Мы снова поднялись на ноги и в этот момент увидели приближающегося офицера. У него было очень странное выражение лица. Сверкая глазами, он поведал, что у него имеется "страшное подозрение", которым он хочет поделиться. Я не воспринял его всерьез, решив, что у бедняги тоже проблемы с рассудком. Дело в том, что несколько часов назад к нам уже подходил молодой человек с очень похожим видом, который спросил нас, кто он: офицер или простой солдат? Он пожаловался, что ему на голову кто-то надел обруч, лишивший его памяти. Как и многие пехотинцы, он не носил звезд, но мы нашли его идентификационную карточку и выяснили, что потерявший память был лейтенантом.

Незнакомый офицер сообщил трагическим шепотом, что, по его мнению, немцы тайно ушли и бросили итальянцев. Я едва сдержался от грубости в ответ.

Мы все равно уже встали и должны были активно двигаться, чтобы окончательно не замерзнуть. Поэтому, посоветовавшись друг с другом, мы с Беллини решили на всякий случай проверить это заявление и немедленно направились к стогу сена у входа в овраг, где, как нам было точно известно, расположилось отделение немцев. Там, к своему ужасу, мы убедились, что незнакомый офицер прав. Немцев не было.

Но несправедливо утверждать, что они ушли, бросив всех итальянцев. Значительная часть наших соотечественников ушла с ними. Но об этом мы узнали только через несколько часов.

* * *

Брошены!

В овраге осталось около полутора тысяч человек, но все, или почти все, были без оружия и боеприпасов. С нами не нужно было сражаться, нас можно было просто убивать.

Из долины в балку протоптали в снегу широкую дорогу. Иногда по ней приходили люди. Заметив на дороге двух немцев (один из них сильно хромал), я подошел и спросил, куда подевались их товарищи. Раненый немец расплакался и сквозь слезы проговорил, что они ушли.

Перед нами раскинулась деревня Арбузов. Теперь в ней было тихо. Мы изо всех сил всматривались в даль, но ничего не увидели. Лишь где-то вдалеке догорала одинокая изба.

Посовещавшись, мы с Беллини не придумали ничего лучшего и решили разбудить офицеров и выработать какой-нибудь план действий.

Вскоре собралась группа из семи или восьми офицеров. Оказалось, что среди нас имеется только один старший офицер -

майор-пехотинец, причем весьма преклонного возраста. После нескольких минут общения мы пришли к выводу, что холод и лишения сделали из бодрого старика трясущегося маразматика.

Единственным офицером из 30-й бригады, кроме Беллини, оказался Кандела, врач из моего батальона. Майора У и многих офицеров, которые еще вечером были с нами, нигде не было видно.

Старый пехотинец отказался поверить в то, что мы ему пытались втолковать. Он потребовал, чтобы Беллини и я проводили его в "дивизионный штаб", где, как он утверждал, находится генерал Х. Мы согласились и вместе направились к выходу из оврага. Когда мы вышли на дорогу, со стороны деревни до нас донеслись возгласы: "Ура!.. Ура!.. Савойя!" А потом наступила тишина. Вслед за этим такие же крики донеслись совсем с другой стороны. Русские входили в Арбузов, а какие-то уцелевшие итальянские солдаты решили выполнить свой долг до конца. Возможно, Цорци был с ними. В конце концов и до майора дошло, что идти нам некуда.

* * *

На дороге стоял немецкий грузовик. Видимо, его бросили совсем недавно, так как двигатель был еще теплым. Сопровождавшие нас солдаты немедленно полезли внутрь искать еду. Мы не отставали. Я нашел вполне приличный ломоть хлеба - примерно полбуханки, который разделил с Марио. Кроме того, нашлись банки с остатками тушенки. Положив толстый слой консервированного мяса на кусок хлеба, я впился зубами в волшебный бутерброд. Восторг! Завидев еду, майор больше ни о чем не мог думать. Он так и не двинулся с места, пока не насытился. Бедный старик!

* * *

Мы вернулись в овраг, где нас с нетерпением ждали остальные офицеры. Никто не знал, что делать. Вокруг нас стали собираться перепуганные солдаты. Время шло, а решение так и не было принято. Я отвел майора в сторону и сказал, что мы можем выйти из оврага, можем принять бой прямо здесь или попытаться пробиться на юго-запад. Ему следует подумать и решить, какой вариант предпочтительнее. Но старик мог думать только о насыщении своего желудка и о морозе.

Наконец какой-то молоденький капитан нервно выкрикнул:

- Хватит болтать! И так ясно, что мы все умрем. Так давайте умрем в бою! - После чего он оглянулся вокруг и призвал: - Все, кто не желает умирать без боя, за мной!

Вместе с двумя сотнями солдат и сержантов он занял позицию у входа в овраг.

* * *

Остальные офицеры начали обсуждать наши перспективы. Марио горячо настаивал на том, чтобы мы сформировали единую колонну и двинулись на юго-восток. Остальные возражали, резонно полагая, что это невозможно, поскольку у нас нет ни одного компаса и, кроме того, мы практически безоружны.

За нами, младшими офицерами, вырабатывающими план спасения, словно привязанный, ходил старый майор, кроткий и молчаливый, как овечка. Группа, состоящая примерно из сотни солдат, тоже старалась не упускать нас из виду.

Остальные - а их было больше тысячи - молча лежали на снегу, подобно неподвижным грудам темной одежды. У них больше не было сил бороться.

Мы медленно двигались по оврагу. Оказалось, что он тянется в длину на несколько километров. Судя по хорошо утоптанному снегу, здесь не так давно прошли люди. Я считал, что мы идем прямо к немецкой батарее. На выходе из главной долины эта батарея внезапно открыла огонь в сторону Арбузова и едва не разнесла нас в клочья.

Было темно и холодно. Я не мог ни о чем думать, только молился. В конце концов овраг закончился.

Выйдя на открытое пространство, мы увидели много итальянских солдат, без сил лежащих на обочине дороги. Они не могли идти дальше.

По чистой случайности мы вышли на дорогу, по которой прошла основная колонна. К тому же она была очень близко. Позже мы узнали, что нас разделяло всего несколько километров.

Мне было очень жаль несчастных, лежащих на снегу и из последних сил, ни на что не уповая, борющихся со смертью. Но, несмотря на это, мое сердце пело и ликовало, потому что появление этих людей означало: мы на правильном пути! Наверное, так чувствуют себя пловцы, когда они, измученные борьбой с бушующей стихией, потеряв всякую надежду, неожиданно находят спасение.

Мы прибавили шаг. Каждый из нас думал о людях, оставшихся в овраге, но никто не заговаривал о них. Наконец, я напомнил о них майору, но он не позаботился послать кого-нибудь назад.

* * *

Теперь со стороны Арбузова слышались звуки яростного сражения. Неожиданно для самого себя я остановился и заявил майору, что он просто обязан откомандировать человека в деревню.

- Я уже отправил офицера, - вяло ответил он, затем

пригляделся и, словно только что узнав меня, пробормотал: - А... это ты...

После чего спокойно пошел вперед, так и не приказав кому-нибудь что-нибудь делать.

* * *

Я чувствовал, что должен принять решение. Но все мое существо яростно протестовало против него. Попробуйте сказать потерпевшему кораблекрушение, что он должен бросить деревяшку, в которую вцепился, чтобы не утонуть. Правильно, он ни за что не выпустит ее из рук даже на секунду.

Господи, помоги мне, мысленно взмолился я, сделал над собой усилие и заявил майору, что пойду обратно. Марио Беллини сразу же принялся меня отговаривать. Но я напомнил другу, что мы - офицеры, а это звание ко многому обязывает. Тогда он решил идти вместе со мной. В последний момент к нам присоединился Винченцо Кандела. Он решил не отпускать нас одних.

Назад мы шли очень быстро, стараясь преодолеть несколько километров, отделяющих нас от оврага, за максимально короткий срок.

Люди сидели и лежали там же, где и раньше. Криками и, если надо, пинками мы поднимали их на ноги и заставляли строиться. Мы были обязаны вывести их отсюда.

Теперь в овраге оставались только те две или три сотни человек, которые вместе с молодым капитаном решили умереть в борьбе. В той стороне, куда они ушли, было тихо. По моим расчетам, до них было метров 400-500.

Я сказал себе (хотя до сих пор не знаю, в какой степени это было правдой), что мы не можем пойти и позвать их. Если мы потратим на это время, то те люди, которых мы только что построили в колонну (многие из них отличались от мертвецов лишь тем, что стояли на ногах), снова разбредутся и второй раз мы их уже не сможем поднять. В нашей колонне один из солдат сидел верхом на полудохлой, но пока еще державшейся на ногах кляче. Я объяснил ему задачу и приказал добраться до молодого капитана и передать приказ идти за нами. Он вроде бы подчинился и повернул лошадь в нужном направлении. Но через несколько дней я узнал, что он и не думал выполнять мой приказ. Солдаты во главе с юным капитаном погибли.

Мы очень переживали, что враг перережет дорогу и мы окажемся в западне. Но все обошлось, и мы соединились с нашей главной колонной. Моей радости не было предела. Но в то же время я преисполнился уверенности, что Провидение сделало меня своим инструментом для выполнения великой миссии

спасти от смерти множество людей. Я вырвал из лап смерти тысячу людей, думал я, даже если мне больше ничего не удастся в жизни совершить, сделанного уже вполне достаточно. Тогда я еще не знал, что мой посланец не добрался до отчаянного капитана и его людей.

* * *

Так мы вышли из "Долины смерти"{9}. Деревню почти полностью уничтожили. Большинство построек сгорели или были разрушены. Многие мирные жители - женщины, дети, старики - были убиты немцами или впоследствии погибли при взятии Арбузова. За нашими спинами осталась долина, вся покрытая мертвыми телами. Среди них - немцы, русские, которых немцы взяли в плен и безжалостно расстреляли, а также итальянцы, которых оказалось больше всех. Итальянцы, погибшие под обстрелом, итальянцы, павшие в штыковой атаке, итальянцы, умершие от голода и холода...

Но мучительнее других меня терзала мысль о многих сотнях раненых, которых бросили умирать без всякой помощи.

Мне рассказали, что в одном из наших лазаретов остался капеллан. Я его не знал и смутно помню его имя. По-моему, его звали падре Селестино. Он был из 51-го артиллерийского полка. Когда я писал эти строки, я еще не знал, что капеллан давно мертв. Его заколол ворвавшийся в лазарет большевик, в то время как честный священнослужитель, почти ослепший после ранения, ощупью пробирался между рядами раненых, давая последние благословения. Ему не должны были позволять остаться, поскольку было очевидно, что русские его убьют. Я так думаю{10}. Кроме того, я узнал, что раненые, которые сумели встать на ноги, пытались идти вслед за колонной. Они еще долго ковыляли, брели, ползли следом в последней безнадежной попытке спасти свою жизнь. Дорога от Арбузова на протяжении нескольких километров была устлана телами несчастных покалеченных людей, которые не могли двигаться дальше.

Ты представляешь себе эту картину, читатель?

* * *

Кто знает, как они закончили свой путь...

Сенни, младший лейтенант из 82-го пехотного полка Торино, был одним из последних, уходивших из деревни. Он рассказал, что видел своими глазами, как за спинами наступающих отрядов русских то здесь, то там вспыхивали яркие костры. Именно там, где сотнями лежали наши раненые на подстилках из соломы.

Рассказывали, что немцы сами убивали своих раненых, которых по той или иной причине не могли или не хотели взять с собой.

Сначала вместе с Канделой, потом в одиночестве я упорно разыскивал итальянское командование. Я считал необходимым доложить о состоянии дел в нашем тылу. И кроме того, признаюсь, в глубине души мне хотелось быть поближе к командованию, а значит, подальше от опасности, хотя я и клялся солдатам, что русские ни при каких условиях нас не настигнут.

Во главе колонны итальянцев был консул Вианини из батальона М чернорубашечников. Он сообщил, что наш командир (то есть генерал Х) где-то в первых рядах колонны вместе с немцами. Догнать его нельзя.

Вспоминая ту ночь, я думаю, что нас бросили в овраге с заранее обдуманными намерениями. Мы должны были сыграть роль пушечного мяса, задержать наступающего врага и дать возможность основной колонне оторваться. Нам просто повезло, что она выходила из Арбузова по дороге, пролегавшей мимо нашего оврага.

* * *

Я ждал, когда колонна снова тронется в путь. Неловко оступившись, я только что набрал полные ботинки снега. Пришлось их снять и вытряхнуть. Заодно я выжал носки и быстро натянул их снова. Пока я производил эти нехитрые операции, мороз с такой силой вцепился в мои ноги, что я не мог стоять на месте. И опять пришлось прыгать, топать ногами - в общем, делать все то же, чем я усиленно занимался уже много дней. Сколько это еще может продолжаться?

Справа и слева от меня солдаты тоже прыгали, топали, хлопали в ладоши, постукивали себя по плечам или затевали шуточные потасовки, чтобы согреться. Многие бегали трусцой взад-вперед. И это помогало. Но кое-кто застыл неподвижно, словно сделавшись ниже ростом под тяжестью холода.

Мы стояли очень долго. Но в конце концов все-таки пошли - огромной колонной, сначала немцы, потом итальянцы.

От Арбузова до Черткова

Глава 15.

25 декабря

Мороз свирепствовал вовсю. Я был вынужден прикрыть одеялом голову и лицо, поэтому ничего вокруг не видел, только утоптанный снег под ногами.

Когда мы увеличили скорость, циркуляция крови усилилась и стало немного легче. Наши шлемы были покрыты ледяными корками. Немногочисленные лошади с натугой тащили перегруженные сани, из их ноздрей с шумом вырывались струи белого пара.

Мы шли очень быстро, причем на протяжении всего пути не

снижали темп. В нормальных условиях мы бы не смогли выдержать такой скорости больше нескольких часов. Но условия были слишком далеки от нормальных, и этот переход длился два дня и три ночи.

* * *

На перекрестке мы увидели несколько изрешеченных пулями русских грузовиков. Вокруг них лежали трупы. Оказалось, что русские, чувствуя себя в полной безопасности, подвозили оружие и боеприпасы своим частям в Арбузов. Неожиданно им перерезали дорогу немецкие танки. Ни один русский солдат не уцелел в этой бойне. Спаслись лишь два водителя-итальянца, на которых была русская форма. Те, кто смог с ними поговорить, впоследствии рассказывали, что эти ребята незадолго до случившегося попали в плен и немедленно были зачислены в ряды вражеской армии. Такая судьба постигла многих водителей и других специалистов. С ними неплохо обращались, им даже пообещали, что отправят на родину сразу после окончания войны. Большевистская армия большей частью состояла из совершенно невежественных людей, поэтому ей были остро необходимы мастера.

* * *

Медленно светало. Наступало утро 25 декабря.

Всюду, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные белые равнины. В некоторых местах их перерезали темные полоски засохшей травы.

На протяжении всего марша я старался держаться во главе итальянской колонны поблизости от саней консула Вианини. Я старался смотреть на сани, на тянущих их животных или на людей, которые шли рядом. Окружающие нас поля были такими огромными, что подавляли своими гигантскими размерами. Дорога плавно пошла вверх, и через некоторое время мы оказались на небольшой возвышенности. Впереди я видел нескончаемую белую линию немецкой колонны. А позади меня растянулась итальянская колонна. Она была черного цвета и казалась еще длиннее.

Я не мог не думать о том, как много итальянцев втянуто в эти трагические события. Одни уже умерли, другие как раз в эти мгновения умирали на обочине дороги, третьи пока еще шли.

Пять или шесть немецких танков ехали сбоку, оставляя на снегу широкий след гусениц.

Время шло, мы двигались по-прежнему очень быстро. Пошел мелкий липкий снег.

Мы вошли в деревню, состоявшую из бедных, крытых соломой лачуг. Большинство солдат покинули колонну и

разбежались по деревне в поисках пищи. Видимо, где-то неподалеку уцелел курятник, потому что вскоре я увидел несколько живых, трепыхающихся кур, свисающих с плеч изголодавшихся парней. Все равно приготовить еду не было возможности, но бросить ее не хватало сил. На снегу лежал цветастый женский фартук. Это навело меня на мысль, что побывавшие здесь перед нами немцы уже успели совершить какую-то гнусность.

Я тоже решил поискать что-нибудь съестное. Вытащив пистолет, я направился к ближайшей хижине, перед которой бегал тощий, насмерть перепуганный теленок. Комнаты были пустыми. Кто знает, куда подевались их обитатели... Я обыскал все, но нашел только несколько сырых картофелин. За неимением лучшего я положил их в карман и вышел.

Мокрый снег не прекращался. Он шел уже несколько часов.

В конце деревни мы должны были перейти через деревянный мост, изогнувшийся над широкой, затянутой льдом речкой. Под ним на льду догорал немецкий грузовик, окруженный горящими лужами бензина и воды. Здесь немцы совершили отвратительное преступление. Этот грузовик подбили партизаны. Отстреливаясь, они засели в доме, но их сумели окружить и взять живыми. Партизан было шесть или семь человек. Немцы бросили их в горящий бензин. Очевидцы рассказывали, что живые факелы какое-то время бегали отчаянно крича, затем стали срывать с себя горящие одежды и бросаться в оттаявшие от пламени лужицы воды. Там они умирали в страшных мучениях. Я не видел этих трупов. Но зато я видел другие обнаженные трупы, тоже лежащие на льду, уже покрытые слоем снега. Мне кажется, это были русские, не так давно убитые немцами, уж не знаю как.

* * *

В те дни мы стали свидетелями многочисленных проявлений варварства немцев (наверное, правильнее сказать - нацистов). Итальянский солдат, который однажды зашел вместе с немцем в избу в Арбузове, рассказал мне следующее.

В доме были только женщины самого разного возраста и дети. Они в ужасе прятались в углу. Немец выбрал самую симпатичную девушку, оставил ее в доме, остальных вывел на улицу и тут же за дверью пристрелил всех, включая детей. Затем он вернулся в избу, бросил девушку на постель и изнасиловал ее. Удовлетворенный, он предложил итальянцу последовать его примеру, но тот отказался. Единственное, чего он хотел, - немного погреться в теплом доме.

Затем немец заставил девушку приготовить ему еду, после чего уложил ее рядом с собой в постель и вынудил всю ночь

лежать рядом с собой. Он еще трижды насиловал ее. Утром он вывел ее на мороз и пристрелил.

Сколько раз мы вынуждены были молча сносить откровенное скотство наших союзников! А впереди нас ожидало лишь худшее. Немцы выпрягали лошадей из саней, нагруженных ранеными итальянцами, и впрягали в свои сани.

Наши солдаты ничего не могли сделать, поскольку не были вооружены.

Должен заметить, что немцы творили все свои безобразия абсолютно спокойно и невозмутимо, словно это их привычная, повседневная работа и они имели на нее полное право.

Теперь несколько слов о русских. Несомненно, они были склонны к крайностям. Да и как им быть другими, если они находились под постоянным воздействием коммунистической идеологии, подстрекавшей к ненависти? В общем-то они были не менее убийцами, чем немцы. Впоследствии мы много раз обсуждали все, что нам пришлось пережить, и сошлись в этом мнении. Нашу правоту подтверждает тот факт, что только 20 процентам итальянцев, попавших в плен к русским, удалось выжить и вернуться домой{11}.

* * *

Марш продолжался. На обочине дороги попадались брошенные русские танки. Немцы с удовольствием фотографировали друг друга на их фоне.

Я как-то незаметно съел шесть или семь сырых картофелин. Совсем неплохо! Шедший рядом офицер спросил, что я ем. Я отдал ему оставшиеся корнеплоды. Консул Вианини счел весьма забавным то, с каким аппетитом мы поглощаем сырую картошку.

Должен признаться, что предубеждение, которое я, подобно многим солдатам, всегда испытывал против чернорубашечников из батальонов М, полностью исчезло после того, как я увидел их в бою. Вот и теперь наших генералов нигде не видно, а их консул все время здесь и старается, в меру своих сил, поддерживать порядок среди итальянцев.

Остановка. Несколько часов я провел, прячась от ветра возле большого странного сооружения, то лежа на снегу, то бегая и прыгая рядом.

И снова в путь. Честно говоря, я был рад, что мы опять пошли. При каждой остановке промокшие, ледяные ноги сводили меня с ума. Лучше уж идти, пока можешь, а потом упасть и умереть от усталости.

Мы шли много часов без остановок. Снег прекратился. День клонился к вечеру.

* * *

Я снова шел с капитаном Варенной, Карлетти, Боной и Санмартино. На очередном перекрестке мы обнаружили дорожные указатели, которые вновь вселили в наши души надежду. Как объяснил Варениа, Миллерово было уже недалеко. До него осталось всего 60 или 70 километров, точно не помню. Мы не допускали возможности того, что Миллерово в руках у русских.

* * *

Танки, оглашая окрестности зычным ревом, все так же двигались с фланга. На них сидели пехотинцы, напоминающие неподвижных белых сов.

Регулярно по утрам и вечерам над колонной появлялись немецкие самолеты, с которых летели на парашютах бочки с горючим и ящики с боеприпасами. Мы тщетно высматривали в небе хотя бы один итальянский самолет.

Когда-то, кажется еще в школе, я услышал слова, не знаю, правда, кому они принадлежали: "Крылья наших самолетов - это крылья Родины".

Эта, без сомнения, риторическая фраза в нашем положении казалась удивительно уместной и правильной.

Стемнело. Мы продолжали идти, не снижая темпа. Кто знает, сколько обессилевших людей осталось на дороге...

В полной темноте мы прошли через казавшуюся вымершей деревню. Люди, надеявшиеся на то, что через несколько часов окажутся в безопасности, плакали, как дети, и не стыдились своих слез.

Поздно ночью колонна остановилась в одной из деревень. Солдаты разбрелись по домам в поисках пищи и тепла.

* * *

Наша группа офицеров тоже вошла в одну избу. Там были люди. Первым делом мы отправили русского принести нам воды. По дороге мы часто глотали снег, но это плохо помогало, и нас постоянно мучила жажда. Затем мы попросили чего-нибудь поесть. Русские молча указали нам на квашеную капусту в бочке. Яство показалось мне совершенно отвратительным, и я едва заставил себя проглотить немного противного месива. Но немцы, при активной помощи наших солдат, сожрали все подчистую. Зато как же там было тепло!

Я сел у стены на кипу пустых мешков и немного расслабился. Нужно было отдохнуть. Рядом со мной стоял мешок, где оказалась пшеничная мука. Я принялся вытаскивать оттуда по щепотке и есть. Мука прилипала к небу, приходилось все время слизывать ее языком.

Горевшая лампада создавала вокруг себя обстановку мира и

покоя. Как мне хотелось провести здесь ночь! Я отлично понимал невозможность такого счастья, но мне было удивительно приятно даже думать об этом.

Женщины, одетые в чистые, старомодные одежды, молча смотрели на нас. В их глазах было больше сочувствия, чем страха; они понимали, сколько нам пришлось выстрадать.

Мы в свою очередь тоже разглядывали их без злобы. К тому времени мы уже научились отличать русских людей от большевиков, хотя они и сплотились, чтобы защитить себя от зверств немцев.

Мы успели проникнуться добрыми чувствами к простым людям из маленьких русских деревень, куда не дошло влияние коммунизма, и искренне сочувствовали женщинам, которые, после того как церкви переделали в склады и стойла, потихоньку молились в своих домах, пряча в укромных местах священные иконы.

* * *

Ко мне подошел немецкий капрал и очень вежливо, сначала по-немецки, а затем на хорошем итальянском языке, попросил освободить для него немного места. Он поведал свою историю. Будучи австрийцем, он провел несколько месяцев в Италии у дальних родственников, где и выучил язык. Он предложил мне поделиться нехитрой едой, которую достал из кармана. У него было несколько русских сухарей и итальянская галета. Я отказался.

Мы попросили русских хозяев избы обрисовать обстановку. Они объяснили, как могли, что деревню постоянно обстреливают, днем - русские "катюши", ночью - немецкие танки. Миллерово уже совсем близко, до него осталось меньше 40 километров, там пока немцы.

Это была хорошая новость.

Обменявшись мнениями с другими офицерами, я вышел из избы. Создавалось впечатление, что колонна здесь задержится на какое-то время. Большинство солдат разбрелись по деревне. Время шло, но никто не командовал общий сбор.

Взошла луна. Ледяной ветер усилился. Почувствовав, что больше нет сил выносить холод, я забрел в большой хлев, до отказа набитый людьми. Сперва мне показалось, что температура здесь вполне терпимая. Но через некоторое время я был вынужден уйти, потому что непрекращающаяся ругань, крики и перебранки делали хлев похожим на преддверие ада. Во всех постройках, стоящих в непосредственной близости от дороги, было то же самое.

Глава 16.

25 декабря

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем колонна снова тронулась в путь. Первыми, как и раньше, шли немцы, за ними - итальянцы. Танки двигались с флангов.

Я плохо помню ту ночь. Сначала я обнаружил, что рядом нет никого из моих друзей-офицеров. И я долго шел среди солдат, стараясь не отстать от саней консула. Мне смутно помнится одно: когда мы немного отошли от деревни, немцы обнаружили, что идут не в ту сторону. Не исключено, что они решили изменить направление движения по каким-то другим, известным только им причинам. Во всяком случае, мы долго стояли на какой-то возвышенности, открытые всем ветрам. Мороз стал чудовищным. С того места, где мы стояли, можно было разглядеть бесчисленные и совершенно одинаковые пологие холмы и обширные равнины, покрытые нетронутым белым снегом. Дул пронизывающий ледяной ветер, холод все усиливался.

Кажется, мы вернулись в деревню, а может быть, вошли в какой-то другой населенный пункт. Я заснул на ходу. Не знаю, сколько длилось такое состояние, но пробудился я от протестующего вопля солдата, которого я едва не сшиб с ног. И тут я понял, что мир вокруг меня сказочным образом изменился. Я обнаружил себя сидящим в гостиной уютного отеля, расположенного в горах Швейцарии. Стены помещения были красиво отделаны деревянными панелями, хрустальные люстры заливали его ярким праздничным светом.

Я никогда не стремился к показной роскоши, поэтому думаю, что в бреду я попал в такое изысканное окружение лишь потому, что много месяцев не видел ничего более фешенебельного, чем палатки, землянки и хижины с соломенными крышами.

Только в гостиной было ужасно холодно. Я призвал слуг и строго спросил, почему помещение не отапливается. Они тут же превратились в солдат и ответили, что не знают.

Я пришел в негодование. Это ведь я построил отель! Так где же, спрашивается, хорошо отапливаемая подземная комната для сна? Некоторое время я размышлял, не лечь ли мне спать прямо на сверкающий зеркальным блеском пол. Если бы я принял такое решение, то, скорее всего, стал одним из многих, прилегших отдохнуть на заснеженной дороге и через несколько часов превратившихся в куски льда. Так получилось с сотнями людей той морозной ночью. Но я решил выйти из отеля и отправился по узкой улочке небольшой горной деревеньки поискать дом приходского священника. Я нашел нужный мне дом и вошел внутрь. И был потрясен, обнаружив не священника, а пожилую чету русских и великое множество солдат. Но не стал

задумываться, почему так получилось, потому что увидел двуспальную кровать, на одной половине которой спал солдат. Вторая была свободной. Я немедленно заявил, что это спальное место давно приготовлено для меня, поставил мушкет к стене, снял ботинки и носки, растянулся на кровати, укрылся одеялом и провалился в сон.

* * *

Через три или четыре часа меня разбудил солдат. Он настойчиво тряс меня за плечо и монотонно повторял: "Signor tenente... signor tenente..." Я проснулся и рывком сел.

- Что случилось?

- Колонна ушла уже несколько часов назад.

Новость быстро привела меня в чувство, и я сразу все вспомнил: остановку в деревне, свой бред... В доме было много солдат. Я громко закричал, чтобы все немедленно вставали и одевались, следовало быстро уходить. Я обулся, набросил на плечи одеяло, затем, поколебавшись, прихватил еще второе, позаимствовав его у русских, и выбежал на улицу. Только спустя довольно долгое время я сообразил, что оставил в доме свой мушкет.

* * *

Было темно, но приближение рассвета уже чувствовалось. Никогда мы еще так не торопили его. А тем временем из домов появлялись темные фигуры. Все они были итальянцами.

Бурный поток людей, несомненно, прокатился через эту деревню, повсюду виднелись его следы.

На небольшой площади я остановился и приказал растерянно топчущимся на месте людям построиться. Оказалось, что нас около двухсот человек. Тут я увидел, что возле одной из хижин появился итальянский майор и направился в нашу сторону. Он сидел на санях, которые тянули его подчиненные. У несчастного были обморожены ноги. Я отдал честь и представился по всей форме. Но майор только отмахнулся и сказал, что слагает с себя все полномочия, потому что не может командовать.

Я понимал, что нам жизненно необходимо догнать колонну. Перед нами тянулась дорога, по которой она прошла. Но в каком направлении? Я принялся самым тщательным образом изучать следы. Ошибка была недопустима. Если пойдешь в одну сторону, придешь в безопасное место, в другую - попадешь в руки врага. Но, к сожалению, следы на снегу не сказали мне ничего. Я оказался неспособным их расшифровать.

Меня очень тяготил груз ответственности за сотни людских жизней. Я всматривался в лица солдат, а видел их матерей, жен, детей, которые в далекой стране ждут их, молятся об их

возвращении. В отчаянии я воззвал к Мадонне: "Молю тебя! Просвети меня..." В общем, я выбрал направление движения. Но чтобы проверить себя, я спросил наугад трех или четырех солдат, куда, по их мнению, ушла колонна. Мы все выбрали одно направление, но все-таки были не совсем уверены в правильности своего решения. Тогда я решительно пресек колебания, приказал всем стать в строй и пошел к голове колонны, чтобы возглавить марш.

Мы прошли всего несколько шагов, когда из строя вышли маршал и несколько солдат. Первый остановился и громко закричал, что мы идем не туда и если не вернемся, то очень быстро окажемся в руках врага.

Я знал, что ни при каких условиях нельзя показывать свою неуверенность. Сразу лишишься доверия. Люди разбегутся и погибнут. Поэтому я уверенно заявил маршалу, что он может делать то, что считает нужным, и идти в любом другом направлении. Колонна же отправится по избранному нами пути.

Тогда за маршалом последовал только один солдат. Я до сих пор не знаю, были эти люди искренни в своем заблуждении или это были лазутчики, работавшие на врага. На этот вопрос, как и на многие другие, мне не суждено получить ответ.

В самом начале марша был момент, когда я почувствовал, что схожу с ума. Мне показалось, что я нахожусь среди средневековых рыцарей, сражающихся на турнире, а я попал в их ряды только из любопытства. Неимоверным усилием воли я взял себя в руки, справился с бредом и снова стал самим собой. Больше проблем с рассудком у меня не было.

Мы шли очень быстро, может быть, даже слишком быстро для измученных людей. Но нам следовало во что бы то ни стало догнать колонну. Никогда я еще так не мечтал о чуде, как тем холодным утром в заснеженной русской степи, до боли в глазах всматриваясь в даль. Как же горячо я молился!

Мы были такими маленькими и ничтожными... Муравьи во Вселенной.

Примерно через полчаса, спускаясь с пологого склона холма, мы увидели впереди главную колонну. Сколько было радости!

Позже мы узнали, что первоначально колонна вышла в неверном направлении и, таким образом, потеряла два часа. Затем она остановилась на двухчасовой привал. Нам снова повезло. Это была единственная ночь, когда у отставших был шанс догнать колонну. Если бы это произошло любой другой ночью, нас бы наверняка отрезали.

Перейдя на бег, мы догнали колонну и смешались с ней.

Через несколько дней я узнал, что шедшие впереди колонны

разведчики в ту же ночь были атакованы партизанами.

* * *

Оказавшись в уже привычном окружении, я почувствовал облегчение.

Я прошел мимо грузовиков с ранеными. Они довольно долго стояли на морозе, и теперь водители не могли снова запустить двигатели. Осталось всего несколько грузовиков. Да и эти, скорее всего, будут брошены в течение дня. И действительно, ни один итальянский грузовик не доехал до Черткова.

Когда заканчивалось горючее, раненые, которые еще держались на ногах, начинали ковылять вслед за колонной... Пока могли. Те, кто не мог двигаться, лежа в мертвых грузовиках, сначала громко взывали о помощи, а потом замолкали.

Я слышал, что было много самоубийств.

Глава 17.

26 декабря

Итак, после небольшого промежуточного эпизода невероятный марш на убийственном холоде продолжился.

Миновав грузовики, я увидел солдат и офицеров своего батальона.

Понимая, что трофеи предназначены не для одного человека, а для всех, лейтенант Бона протянул мне маленький мешочек, где хранился сахар, смешанный с молотыми бобами какао. Испробовав деликатес, я передал мешочек Бидо, выросшему на Сардинии артиллеристу из 2-й батареи, одному из vecchi. По дороге я неоднократно просил передать мне мешочек и всякий раз немедленно его получал. Лакомство казалось изумительно вкусным.

Чуть позже к нашей группе присоединился капрал Ваноглио, водитель из 2-й батареи. Он сказал, что был одним из тех 200 человек, которые остались вместе с молодым капитаном у входа в овраг возле Арбузова. Можете себе представить, как я старался узнать у него мельчайшие подробности происшедшего. По его словам, вначале им удалось убить довольно много русских. Но солдаты Красной армии постоянно прибывали, и в конечном счете они уничтожили всех итальянцев. Капитан тоже погиб. Во время бойни сам Ваноглио потерял сознание, а очнувшись, понял, что остался совершенно один. Чтобы спасти свою шкуру, он долго бежал через казавшиеся бесконечными поля, после чего случайно вышел на дорогу и увидел колонну.

Во время рассказа Ваноглио угостил меня печеньем, которого у него было очень много. Не знаю, откуда он его взял.

И снова нас окружали со всех сторон холмы с ровными, пологими склонами. Выйдя на вершину очередного холма, мы

увидели в низине засыпанные снегом соломенные крыши. Перед нами была деревня, возможно, Ходоково. Колонна остановилась.

Светало. Начинался новый день 26 декабря. В деревне были русские. Немцы двинули вперед танки с сидевшими на них пехотинцами, чтобы расчистить дорогу.

За деревней дорога опять пошла вверх. Впереди была Шептуховка, более крупный населенный пункт, расположенный на железной дороге. Пока мы ее не видели.

Уже не помню почему, но все были уверены, что перед Шептуховкой проходит линия фронта. Еще несколько километров - и мы обязательно вырвемся из "котла".

* * *

Мы продвигались вперед. Вот уже показались первые дома деревни. Меня ужасно мучила жажда, поэтому я поспешил напиться ледяной воды из первого попавшегося на дороге колодца. С голых ветвей деревьев на нас смотрели взъерошенные воробьи. Они выглядели очень несчастными. Мне показалось, что я чувствую, как их замерзшие голые лапки касаются моего сердца.

И снова вперед. Остановка, на этот раз более длительная. Здесь я повстречал Борги, техника из 2-й батареи. Мы всегда очень хорошо относились друг к другу. Он шагал без ботинок, в одних носках, но не обморозился.

Он поведал о некоторых своих злоключениях. К примеру, во время штыковой атаки в "Долине смерти" он настолько устал, что упал на снег, не в силах пошевелиться. Русские, пробегавшие мимо, его не тронули, посчитав мертвым. Его подобрали наши солдаты, возвращавшиеся в деревню. Здесь старая русская крестьянка спасла его наполовину отмороженные ноги, сделав ему массаж снегом. Это она посоветовала ему идти дальше в носках.

* * *

Остановка, похоже, затягивалась. Итальянская колонна постепенно превращалась в бесформенную толпу, потому что сзади подходили все новые солдаты. Мы сорвали голоса, выкрикивая приказы остановиться и ждать, пока немцы полностью освободят проход.

Мало-помалу люди двинулись через деревню. На улицах лежали мертвые русские солдаты. Почти все они уже были босы. На их высокие сапоги и теплые ботинки быстро нашлись охотники. На передних отворотах ушанок в густом мехе прятались маленькие красные звездочки.

Миновав деревню, мы пошли быстрее.

Теперь я шел с Марио Беллини и Винченцо Канделой. Мы узнали, что слева от деревни находится брошенный итальянский

склад. Оставив Канделу на дороге, поскольку он выбился из сил и не мог идти, мы направились к складу, понимая, что он уже наверняка разграблен немцами. Мы подошли как раз вовремя, чтобы поймать одного из наших солдат, который вытаскивал мешок с галетами. Последний.

Я остановил солдата и, пригрозив ему оружием, конфисковал мешок. Оставив ему несколько сухих пайков, я раздал остальные солдатам, которые тут же набежали неизвестно откуда. Немного галет я оставил для себя, Канделы и Беллини.

Начался долгий подъем к Шептуховке. Подошел Антонини, зато куда-то подевался Марио Беллини. Кандела, находившийся в полузабытьи, в минуты просветления умолял меня не бросать его. Я уверенно дал ему слово и, чтобы облегчить его страдания, привязал его к саням с ранеными. Вскоре я понял, что больше не вижу его. Я бросился назад, но не нашел несчастного.

* * *

Антонини и я шли по дороге, жадно поедая галеты. Мы уже добрались до середины склона. Неожиданно поступил приказ немецкого командования, предписывающий поворачивать обратно. Шептуховка принадлежала немцам. Итальянцам было велено оставаться в деревне, откуда мы только что ушли. Мимо колонны проехал незнакомый лейтенант, потребовавший, чтобы мы остановились и повернули назад. По его словам, это был приказ генерала.

Многие подчинились. Но Антонини, я, а также большая группа итальянцев продолжали идти вперед. Вышли мы уже из "котла" или нет? Ничто так не мучило нас, как неизвестность.

Мы видели, что выше по склону, там, где первые ряды немцев входили в Шептуховку, появились русские самолеты, сбросившие бомбы. Высоко в небо взметнулись столбы черного дыма. К счастью, атаки не повторились.

* * *

Перед входом в деревню мы прошли мимо разбитой немецкой артиллерийской батареи. Орудия были установлены в снегу таким образом, чтобы накрыть огнем дорогу. Очевидно, с целью не пропустить врага. Орудия были разворочены и превращены в металлолом огнем русских. Я понял, что незадолго до нас здесь прошли крупные силы русских, сметая все на своем пути.

Когда же закончится наше хождение по мукам? Лучше не задавать подобных вопросов. И просто продолжать идти.

* * *

Мы вошли в Шептуховку. Большинство домов были покинуты обитателями и лежали в руинах. Более или менее целые постройки заняли немцы. Мы немного походили между домами в поисках теплого угла, но, как обычно, союзники нас никуда не пустили.

Тогда мы направились к железнодорожной станции. Это была первая станция с начала отступления. Там мы обнаружили несколько полуразрушенных построек, очевидно раньше использовавшихся в качестве железнодорожных складов. В их стенах виднелись страшные дыры, по опустевшим помещениям свободно гулял ледяной ветер. Туда уже набились итальянцы. Они начали жечь костры, которые пока не давали тепла, зато окутывали все вокруг ядовитым дымом. Здесь мы снова встретились с Канделой. Он съел кусочек курицы, приготовленной кем-то из солдат, и немного ожил.

Многие были убеждены, что сегодня Рождество. Я решил не утруждать свои замерзшие мозги подсчетом дат и решил тоже отпраздновать. Это был уже третий день, который я считал рождественским. Мои рождественские яства на этот раз состояли из нескольких печений и консервов, которые я выменял у одного солдата на галеты. Я съел все это великолепие вместе с Канделой, сидя на двух скользких и холодных бревнах. Перед нами горел небольшой костер, вокруг которого сгрудились солдаты. Части тела, находившиеся рядом с огнем, сильно нагревались. Остальные оставались замороженными.

Было около полудня. Дальнейшие события я помню не очень хорошо. В памяти все смещалось. Кажется, к Канделе принесли раненого офицера. Тот осмотрел бедолагу, но ничем не смог ему помочь. По-моему, раненый был без сознания, мне пришлось применить оружие, чтобы освободить для него место у огня.

Еще я помню, что благородный и очень ответственный Кандела решил пойти осмотреть других раненых, которых уложили здесь же.

На станции периодически взрывались снаряды. Они нас не

особенно беспокоили, только напоминали о необходимости сохранять бдительность: все-таки русские были недалеко.

Потом я почему-то оказался с полковником Матиотти, командиром 30-й бригады. С нами был Антонини. Сначала мы медленно ходили по улицам, затем полковник предложил отправиться на станцию поискать Беллини. Неяркое зимнее солнце освещало деревню, куда все время прибывали люди.

* * *

Мы прошли вдоль железной дороги, затем вернулись на станцию.

У дороги мы заметили небольшой, но очень привлекательный домик. В нем разместился итальянский сержант с большой группой солдат. Мы немного посидели вместе с ними на аккуратной веранде, украшенной горшками со всевозможными растениями. На окнах висели нарядные занавески. Мы с удовольствием полюбовались царившим здесь уютом, чистотой и порядком. Но здесь не было нашего друга Беллини.

Солдаты угостили нас маслом, которое стащили у немцев. Через час мы снова вышли на мороз. Не могу передать, как тяжело было у меня на сердце.

Пронесся слух, что мы вот-вот пойдем в Миллерово. Он подтвердился, и очень скоро мы двинулись вперед.

У нас появился повод порадоваться. У немцев стало больше танков. Это были уже не приземистые громадины, сопровождавшие нас раньше, а маленькие и более мобильные машины. Кажется, это были французские танки - военные трофеи немцев, - но какая разница? Обещанная танковая колонна так и не появилась, но, возможно, пришла хотя бы какая-то ее часть? Я слышал, что эти танки тоже вышли из "котла" в количестве 20 единиц. Мне показалось, что их меньше.

Колонна начала строиться возле железной дороги.

Солнце садилось.

* * *

Время шло, а мы все еще стояли в снегу. С одной стороны, это было хорошо, потому что наши соотечественники, которые, повинуясь приказу, вернулись в другую деревню, могли догнать нас и присоединиться к главной колонне. Но с другой стороны, дела обстояли хуже некуда, потому что убийственный холод с каждой минутой снижал наши шансы выжить. Наступала самая страшная ночь, которую нам предстояло провести на русской земле.

Стоять без движения в снегу на протяжении многих часов подряд невозможно. Поэтому мы старались двигаться. Я пошел к колодцу и попил воды. Затем я немного послушал

проникновенную речь полковника Матиотти. Она была обращена не к кому-то конкретному, а ко всем, кто в этот момент его слышал. Мне показалось, что наш полковник, ощущая необходимость объяснить подчиненным происходящее и искренне желая им добра, потерял чувство реальности. Он произнес сентиментальный монолог о чувстве долга и любви к родине... Его слова были настолько несвоевременными и неуместными, что слушатели мало-помалу разошлись.

Я снова вернулся в склад и немного погрелся у огня. Солдаты, постоянно прибывающие из дальней деревни, жаловались, что им пришлось несколько километров бежать под огнем русских. Невооруженные итальянцы понесли большие потери. Русские попытались отрезать их от основной колонны и уничтожить. Об этом мне позже рассказал капитан Понториеро, который был там.

Лично я только слышал выстрелы русских минометов.

Глава 18.

26 декабря

Я вышел из Шептуховки с Беллини, Антонини, Варенной, Боной, Канделой и большой группой солдат из 30-й бригады, но очень скоро обнаружил, что остался вдвоем с Канделой. Он опирался на мою руку, потому что чувствовал сильную слабость. Его красивое, умное лицо выглядело бледным и изможденным.

Я же был в отличной форме. Возможно, это была своеобразная нервная реакция, а может быть, сказалось то, что я поел и немного поспал.

* * *

Было совсем темно. Мы шли довольно быстро. Темное небо над нашими головами стало удивительно чистым. Температура продолжала неуклонно опускаться. Мы даже не знали, что бывают такие лютые морозы. (Мне говорили, что к утру термометр показывал минус 47 градусов по Цельсию, причем в населенном пункте.) С правой стороны дул холодный ветер. Он постепенно набирал силу и вскоре, при порывах, начал осыпать нас с головы до ног холодной снежной пудрой. На наших лицах застыли ледяные маски. Туловища справа покрылись плотной замороженной коркой. Мороз был настолько сильным, а ветер таким пронизывающим, что людям казалось, будто они идут по снегу обнаженными: каждая клеточка кожи изо всех сил пыталась противостоять холоду.

Строй постепенно распался, ширина колонны уменьшилась. Подгоняемые морозом, люди были вынуждены все время прибавлять шаг. Раненые и обмороженные оставались позади.

Я отдал позаимствованное в русской избе одеяло Канделе,

чтобы он обмотал им плечи и голову. И сам тоже набросил одеяло на голову: вязаный шлем был для нее далеко не лучшей защитой. Так что мы временно перестали видеть, что делается вокруг, видя лишь маленький кусочек дороги под ногами. Так мы и шли, поддерживая друг друга, стараясь не думать о холоде, а только идти, идти, идти...

Вскоре Кандела начал стонать, он с видимым трудом волочил отказывающиеся подчиняться ноги. Ну, парень, не сдавайся! Иди!

Мы прошли мимо длинной шеренги итальянских грузовиков. Очевидно, их бросили несколько дней назад. Они выглядели так, словно были сделаны из стекла. Господи, помоги тому, кто рискнет дотронуться до этого стекла рукой!

Прямо перед нами медленно всходила луна.. Она тихо поднималась из-за величественных белых холмов. Это была очень большая и румяная луна. Но мы не могли думать ни о луне, ни о чем-то еще. Надо было идти.

Марш постепенно перешел в забег. Кандела умолял меня идти медленнее.

Я старался удерживать его на левой стороне колонны, чтобы те, кто идут справа, прикрывали моего друга от ветра, который мог убить несчастного. На снегу все чаще попадались лежащие без сил люди. Нечего было и думать о том, чтобы остановиться и попытаться растормошить их, приказать идти вперед. Остановка означала неминуемую гибель. Нужно было двигаться, чтобы выжить.

Неудивительно, что люди теряли рассудок, начинали бредить, видеть то, чего не было на самом деле. Некоторым казалось, что они входят к себе домой. Они тянули руки, чтобы обнять жену и детей, шли к бару в углу, чтобы выпить чего-нибудь согревающего.

Со всех сторон неслись бессмысленные реплики, бессвязные восклицания. Один солдат постоянно монотонно бубнил одни и те же слова: "Немножко супа, немного тепла... Немножко супа, немного тепла..."

Я же чувствовал себя отлично, был, пожалуй, даже воинственно бодрым. Я почти хотел, чтобы этот марш никогда не закончился. Меня переполняло желание идти вперед. Я явственно чувствовал, как по телу разливается тепло. Ветер только подстегивал мои ноги, я едва сдерживался, чтобы не перейти на бег.

Уроженец Палермо, Кандела не привык к отрицательным температурам, поэтому ему было так плохо.

Неожиданно я почувствовал желание облегчиться. Даже в таких условиях не следовало забывать о естественных

потребностях человеческого организма. Я не боялся остановиться, поскольку ощущал в себе достаточно сил, чтобы совершить затем хороший рывок и догнать колонну. Но я не мог бросить без помощи Канделу. Если он отстанет, то уже никогда не догонит немцев, а это означало верную смерть. Поэтому я решил поручить его кому-нибудь из солдат. В конце концов я отыскал солдата, который показался мне обязательным человеком и согласился некоторое время позаботиться о Канделе. Я убедился, что солдат запомнил имя моего друга, так как очень боялся, что, когда я буду его звать, сам Кандела не откликнется.

Облегчившись, я совершил непростительную ошибку - вымыл руки снегом. И моментально перестал их чувствовать. Я принялся ожесточенно растирать их, хлопать в ладоши, но эффекта не было. Рук не существовало. Тогда я натянул свои изношенные до дыр перчатки, засунул руки поглубже в карманы и побежал вперед, не забывая истово молиться: "Господи, не дай мне лишиться рук, Господи, помоги..."

Довольно скоро я почувствовал, что руки возвращаются к жизни. Воодушевившись, я бодро зашагал вдоль колонны, время от времени звучно выкрикивая имя моего друга. Голос у меня довольно громкий, в ночной тишине на слышимость тоже было грех жаловаться. Но все равно ответа не было.

Я так долго метался взад-вперед, громко вопя одно и то же имя, что, наверное, мог показаться спятившим. Когда я совсем потерял надежду, то неожиданно услышал тихий голос Канделы. Я снова взял его за руку, и мы пошли дальше. Но он себя явно чувствовал с каждой минутой все хуже и хуже. Внезапно он задрожал и начал лихорадочно шептать: "Сердце... В моем сердце..." Из обрывочных фраз я понял, что он видит свой госпиталь на Дону и собирается туда войти. Пришлось немного сбавить темп. Нельзя было забывать, что у Канделы дома осталось двое детей. Я предпринял еще одну напрасную попытку найти для него место на санях. В довершение ко всему Кандела потерял очки. Совершенно неожиданно мне удалось устроить его на лошади за спиной еще одного раненого. Лошадь, медленно переставляя ноги, двигалась вперед. Я шел рядом, держась с левой стороны от животного так, чтобы оно закрывало меня от непрекращавшегося ветра. Вдруг мне пришло в голову, что лошадь не меньше нас страдает от холода, ее правый бок тоже покрывала ледяная корка. На войне страдают и гибнут не только люди, но и животные, втянутые в нее волей людей.

Через некоторое время Кандела захотел слезть с лошади. Небольшой отрезок пути он довольно бодро прошагал пешком, но затем снова почувствовал непреодолимую слабость. Мне снова

помог случай. Я увидел лошадь без ездоков. Раненые, которых она везла, недавно слезли, чтобы дальше идти пешком. Сидя без движения на лошади, замерзаешь очень быстро.

Я заметил, что Кандела где-то потерял перчатки, и отдал ему свои. Кандела уже ничего не соображал. Мне показалось, что он выпал из действительности. Он капризничал и не желал ехать на лошади. Я отругал его, как ребенка, и пригрозил наказанием. Он послушно затих. Подумать только, всего лишь два дня назад этот человек сознательно рисковал жизнью, вернувшись вместе со мной и Марио Беллини в Арбузов, чтобы спасти людей!

Всю ночь я опекал друга, следил, чтобы он передвигался то пешком, то на лошади.

Яркая луна освещала дорогу и бескрайнюю степь вокруг.

Через несколько часов справа от дороги показались избы.

Я услышал одинокий голос, который снова и снова звал какого-то незнакомого мне сержанта. Точно так же я совсем недавно бегал вдоль колонны и выкрикивал имя друга.

Прошел слух, что мы вышли из страшного "котла" и находимся на занятой немцами территории. Миллерово было уже близко. Я решил остановиться вместе с Канделой в первой же попавшейся по пути избе, хотя мне очень не хотелось останавливаться. Я был полон желания идти дальше.

* * *

Изба оказалась набитой настолько плотно, что в нее невозможно было войти. Но рядом располагался приземистый хлев, и я попытался найти там место. Мне потребовалось приложить немалые усилия, чтобы затащить Канделу в помещение. Он был безучастен ко всему происходящему и молча стоял опустив голову, никак не реагируя на шум, поднятый солдатами. Я увидел, что вместе с нами в хлеву находится корова, и приказал выгнать ее на улицу, чтобы освободить место. На мой грозный приказ никто не обратил внимания. В помещение набилось столько народу, что, казалось, оно вот-вот развалится. Опасаясь, что хлипкие стены не смогут выдержать такое давление изнутри, я ухватил корову за рога, повернул в сторону двери и сильно пнул в зад подкованным ботинком. Но тут рядом с коровой возникла чета русских, которые плача стали заталкивать ее обратно. Я рявкнул, что пристрелю их вместе с коровой, только тогда они исчезли. Я вытолкнул животное на улицу, и мы устроились на его месте.

Первым делом я усадил Канделу на низкую скамейку в углу. Он продолжал бормотать какую-то чепуху. К примеру, он мне заявил, что помещение, где мы находимся, предназначено для солдат, а для нас, офицеров, подготовлена его нора, которую

хорошо протопили.

Я расстелил одеяло прямо на свежие коровьи лепешки, и мы легли. Кандела умиротворенно заявил, что теперь все в порядке, и засопел.

Я тоже немного поспал, хотя солдаты все время бранились и ужасно шумели, а в дверь постоянно ломились желающие найти место для ночлега. В хлеву было довольно холодно, но мне не нравились попытки солдат разжечь огонь. Пожар мог вспыхнуть моментально. И я решил двигаться дальше. Кандела вроде бы немного оправился и пришел в себя. Мы вышли в ночь.

По дороге тянулись солдаты. Это были изрядно поредевшие остатки колонны. А Кандела сразу же снова ослабел. Я отыскал лошадь, усадил на нее друга и запретил слезать.

* * *

Мы шагали по белой пустыне. Щуплый солдат вел лошадь под уздцы. Несчастное животное еле передвигало ноги и все время норовило остановиться. Солдату приходилось постоянно подгонять лошадь большой сучковатой палкой. Несколько раз я сам требовал, чтобы солдат как следует стукнул хилую клячу, упорно не желавшую идти, одновременно содрогаясь от мысли, что лошади тоже больно. Так мы и шли вперед, оставляя за собой километр за километром.

Теперь Кандела утверждал, что вдоль дороги стоят высокие, красивые дома, и хныкал, чтобы ему позволили войти в один из них. И всякий раз после моего строгого окрика обиженно замолкал.

В темноте мы увидели грузовик, который ехал нам навстречу. Он остановился перед нами, оттуда вылезли немцы и начали возиться в снегу. Я спросил, сколько километров осталось до Миллерова. Оказалось, что всего два. Слава богу!

Меня уже некоторое время изводила постоянная боль в ногах. Голые пятки с трудом выносили соприкосновение с холодной и твердой, как железо, внутренней поверхностью ботинок.

Слева виднелось сооружение весьма внушительных размеров. Это была очистная станция.

Наконец вдали показались огни. Населенный пункт! У меня не было выбора, пришлось идти к первому попавшемуся дому, в окнах которого виднелся свет. Кандела умирал. Его красивое лицо, покрытое ледяной маской, застыло в ужасной гримасе.

Я постучал в дверь. Из дома выглянул незнакомый итальянец. В небольших бревенчатых сенях горел огонь, наполнявший помещение удивительно вонючим дымом. Там сидели итальянские солдаты. Я устроил Канделу возле них на полу.

Чертково

Глава 19.

27 декабря

Основную часть дома заняли немцы. Я постучал, дождался, пока мне откроют, и вошел: две комнаты были заполнены людьми, сидящими и лежащими в самых различных позах. Я вежливо объяснил, что я офицер и сопровождаю другого офицера, который находится при смерти. После чего попросил их приютить моего друга на некоторое время. А я пока подыщу для него какое-нибудь пристанище. Мне не отказали.

Я привел Канделу и усадил его на единственное свободное место у самой двери. Затем я решил немного посидеть рядом с ним, успокоить и посмотреть, как он будет себя чувствовать. В доме было тихо, только слышалось тяжелое дыхание спящих. Почему-то это успокаивало. Здоровенный монгол, тоже служивший в немецких войсках, повернул свою круглую желтую физиономию и молча уставился на нас. Причем он безостановочно жевал, поминутно доставая что-то из кармана и, не глядя, отправляя это в рот. (Я иногда думаю, что стало с этим человеком и его соотечественниками, которых немало было на службе в 298-й немецкой дивизии.)

Кандела вскоре задремал. А я отправился искать место для ночлега, а заодно и штаб.

Светало. В населенный пункт входили все новые и новые солдаты. Оказалось, что это не Миллерово, а Чертково. Вскоре должна была начаться его осада.

Сколько из нас добрались до Черткова? По нашим подсчетам получалось, что из 30 тысяч человек, принимавших участие в боях на Дону, в Чертково пришло не более восьми тысяч. Остальные были убиты, умерли или, что зачастую было еще хуже, попали в плен к врагу. И попавших в плен, вероятно, больше, чем умерших.

Ночь была ужасной. Гвидичи, младший лейтенант из 82-го пехотного полка Торино, который вошел в Чертково на несколько часов позже меня, рассказал, что дорога буквально почернела от мертвых тел. Измученные люди падали на снег, чтобы больше никогда не подняться. Некоторые сходили с ума и не понимали, что умирают. Самые упорные еще долго ползли по дороге, пока силы окончательно не покидали несчастных.

Чаще всего я слышал о случаях помешательства. Помню, как меня потряс рассказ о человеке, который неожиданно начал смеяться, сел в сугроб, разулся и принялся закапывать свои босые ноги в снег. Отсмеявшись, он громко запел что-то очень веселое. Аналогичных случаев было великое множество.

* * *

Я долго ходил по маленькому провинциальному городку,

разыскивая штаб. Через некоторое время я выбрался на главную улицу. Здесь я встретил итальянца-патрульного, который сообщил мне все новости. Было приятно видеть, что солдат аккуратно одет и хорошо вооружен. По его словам, в Черткове было расквартировано примерно 500 итальянцев и столько же немцев. С трех сторон подошли русские, но их немного. Путь на запад пока свободен, поэтому есть шанс вырваться. В городке находятся склады продовольствия и обмундирования, а также оперативный штаб.

* * *

Я немедленно направился к штабу, но очень скоро был вынужден идти медленнее. Ноги болели немилосердно.

Возле избы я заметил труп немецкого солдата с разбитой головой. Видимо, в городе побывали еще и партизаны.

Я прошел мимо наших грузовиков, брошенных на дороге довольно давно. Среди них было несколько машин с красными крестами. Глядя на них, я вспомнил первые дни отступления, когда эти грузовики нескончаемой шеренгой тянулись по дорогам, до отказа нагруженные людьми. Позже я узнал, что то же самое происходило и в Черткове.

Группа русских танков прорвала оборону и подошла вплотную к городу, вынудив тыловые службы поспешно бежать. Мы еще сражались и не помышляли об отступлении, а далеко за нашими спинами уже двигались колонны грузовиков и солдат в пешем строю, охваченные неописуемой паникой. Люди пытались любыми правдами и неправдами найти место на машине, а когда это не получалось, ложились на брезентовый верх, стараясь вжаться в него всем телом. Если больше не было сил держаться, они скатывались на землю и зачастую тут же оказывались под колесами едущей следом машины. Солдаты предпринимали попытки остановить проезжавшие мимо машины, блокируя дорогу, и часто погибали. Водители не останавливались, понимая, что даже при самом незначительном увеличении нагрузки донельзя перегруженный транспорт не сдвинется с места.

Двадцатилетний водитель из Комо рассказывал, что однажды, когда он переехал двух или трех солдат, загородивших дорогу машине, ему на ветровое стекло упала отрезанная кисть руки.

* * *

Я обошел заваленные снегом насыпи непонятного назначения и вышел на прямую улицу, где находились штаб и различные службы. Я поменял свое изношенное, грязное и рваное одеяло на новое. Солдат, выдавший мне эту изумительную вещь, достал ее из большой кипы, брошенной прямо на обочине.

- Извините, signor tenente, - нерешительно проговорил он, - вы сами заберете одеяло или пришлете за ним своего ординарца?

Я несколько минут подозрительно рассматривал солдата, почувствовав в его словах насмешку. Но вскоре понял, что он абсолютно серьезен и не думал смеяться. Быть может, он мне даже сопереживал и желал показать, что я попал в такое место, где люди понимают смысл дисциплины и порядка.

- Да, конечно, - с неохотой ответил я, - наверное, я пришлю ординарца.

Но одеяло было таким восхитительно мягким и приятным на ощупь, особенно в сравнении с моей грязной тряпкой, что я не мог заставить себя с ним расстаться.

- Хотя, ладно, - добавил я, - давайте, я его заберу сам.

В конце концов я разыскал здание, где разместился штаб. Войдя, я сразу же попал на кухню. Два повара (высокий бородатый солдат преклонных лет и молодой парнишка) без лишних слов поставили передо мной коньяк, горячее мясо, галеты и мармелад. Тут же в комнату вошли другие солдаты, в их числе были Беллини и Антонини. С какой жадностью мы поглощали еду! Проглотив свою порцию коньяку, я сказал друзьям, что оставил Канделу у немцев в доме на самом краю деревни, что мы должны найти для него место и как можно быстрее привести сюда.

Мы послали кого-нибудь за ним? Не помню. Зато помню, что неожиданно почувствовал непреодолимую тошноту и меня вырвало. Затем я подвинул поближе к печке табуретку, снял ботинки, протянул ноги поближе к огню, поставил локти на колени, опустил голову, уткнулся лицом в ладони и моментально заснул. Проснулся я через час. Кандела! Я вскочил на ноги. Натягивая ботинки, я подумал, что свалял дурака, подвергнув ноги столь интенсивному нагреву после такого длительного переохлаждения. Будь они хотя бы немного обморожены, их бы уже нельзя было спасти. Да и так они у меня болели еще много дней.

* * *

Солдаты из штаба проводили нас в расположенное по соседству одноэтажное здание. В нем была только одна большая комната, где двумя длинными рядами стояли наспех сколоченные деревянные кровати с тюфяками, обтянутыми грубой тканью. Вероятно, здесь спали штабисты. В помещении было холодно, и нам пришлось разжечь огонь. Беллини и Антонини заняли каждый по кровати. Лично мне место не понравилось, и я вышел. Вместе с сержантом из чертковского гарнизона, который вызвался быть моим гидом, я зашел в несколько домов, расположенных на

противоположной стороне улицы. В одном из них, приземистом, но довольно приятном на вид, я увидел комнату, где стояли скамьи с тюфяками и небольшая железная кровать. Несколько солдат как раз заканчивали уборку. Я решил обосноваться в этом приглянувшемся мне месте, занял кровать и одну из скамеек для себя и Канделы и отправился на его поиски. Неожиданно я наткнулся на него сразу же, как только вышел на улицу. Он медленно брел по дороге, освещенной неярким утренним солнцем.

Его лицо больше не покрывала ледяная маска. Он шел сгорбившись и всхлипывая, поскольку считал, что я его бросил. Я затащил его в помещение и принялся оправдываться. Кандела рассказал следующее.

Проснувшись, он обнаружил себя в окружении горланящих немцев, осыпавших его оскорблениями. Потом в дом заглянул солдат, который вывел его на улицу и повел в штаб. Но я так и не вспомнил, посылали мы кого-то за Канделой или нет.

* * *

Солдаты разожгли печку, и помещение постепенно стало наполняться блаженным теплом. Я принес Канделе поесть, уложил его на тюфяк, укрыл двумя одеялами и лишь после этого сам растянулся на кровати.

В тот день мы только ели и спали.

Невозможно выразить чувство животного удовлетворения, которое охватывает человека, спящего в тепле, особенно если он долгое время был лишен такой возможности. А как приятно ощущать на себе одеяло, сохраняющее тепло! Можно даже повернуться, глубоко вздохнуть и снова провалиться в сон. И не надо каждую секунду помнить о том, что, возможно, через секунду придется вскочить на ноги и куда-то бежать, а может быть, даже принять смерть. Так приятно полностью расслабиться, вытянуться во весь рост на кровати и спокойно отдыхать...

Те благословенные часы давно уже в прошлом, но я до гробовой доски не забуду не поддающееся описанию чувство, которое мне довелось тогда пережить - жизнь начиналась заново.

* * *

Всякий раз, когда я просыпался, я что-нибудь ел и благодарил Господа за то, что он ниспослал мне эти благодатные мгновения. И снова засыпал.

Постепенно помещения заполнились солдатами и офицерами. К вечеру осталась свободной только самая маленькая комната, куда стаскивали всевозможный мусор.

Так мы прожили день 27 декабря.

Глава 20.

28-31 декабря

Наступила ночь. Огонь в печи погас, и стало значительно прохладнее. К утру в комнате было очень холодно. Огонь разожгли, и помещение снова начало наполняться благодатным теплом вместе с едким дымом. Второй день мы провели так же, как и первый, - ели и спали. Нашей основной пищей были галеты и консервированные сардины. Мы извлекали вкусных рыбок из разноцветных баночек с надписями на всевозможных языках. По извилистым дорогам Второй мировой войны они попали сюда из самых далеких уголков планеты.

Мы чувствовали, как в наши измученные тела понемногу возвращается жизнь.

На третьи сутки нашего пребывания в Черткове ночью был сильный обстрел: артиллерия, "катюши", минометы. Проклятые русские напоминали, что они недалеко и скоро двинутся на нас. Несколько мин пробили крышу штабного здания и взорвались внутри. Лейтенант-полковник Вирджинио Манари, командир чертковского гарнизона, был тяжело ранен и через несколько часов скончался. Что ожидало нас впереди? Говорили, что немцы получили четырехдневный отдых, по окончании которого мы снова отправимся в путь.

* * *

Я часто задавал себе вопрос: что стало бы с нами без немцев? К большому сожалению, вынужден признать, что если бы итальянцы были одни, то все без исключения оказались бы в руках врага. Я ненавидел немцев за их жестокость (иногда мне даже казалось, что они недостойны называться людьми) и вызывающее высокомерие, с которым они относились к людям любой другой национальности. Мне было непонятно, почему они уверены в своем праве эксплуатировать все без исключения народы, причем эксплуатируемые должны быть благодарны за это своим угнетателям. Но тем не менее я благодарил Бога за то, что мы шли в колонне вместе с ними. И молился, чтобы в бою они одержали победу.

Несмотря на свою неприязнь к немцам, я не могу не сознаться, что, как солдатам, им нет равных. Каким бы ни было мое чисто человеческое отношение к этим людям, я преклоняюсь перед их военным мастерством.

В те дни в Черткове я часто с волнением наблюдал, как немецкие солдаты в строго установленное время сами, без приказа командира, строятся и небольшими группами отправляются на передовую, чтобы сменить своих товарищей.

Правда, позже, поговорив с солдатами, которым тоже приходилось выходить из окружения на других участках фронта,

я изменил свое мнение и теперь не считаю, что отсутствие немцев означало бы для нас верную гибель. Может быть, даже наоборот...

В этой связи стоить упомянуть об одиссее Альпийской дивизии, которая с самого начала доказала, что она во всем превосходит немцев. И в итоге те вверили себя дивизии. Кроме того, теперь я предполагаю, что, если бы Пасубио и Торино, так же как и Сфорческа, действовали сами по себе, они бы вышли из "котла" быстрее и с меньшими потерями.

Если бы мы не забрались так далеко на юг (в результате чего оставались в окружении в два раза дольше, чем остальные итальянские дивизии), потребовался бы марш длительностью даже меньше недели, и мы бы оказались на свободе. Мы бы могли ночевать в теплых домах, нас бы постоянно не обстреливали русские, мы бы не подверглись такому полному и бессмысленному уничтожению. Моя неприязнь к немцам, отношение которых лишь усиливало нашу дезорганизацию, намного усилилась. (Не могу не признать, что, если бы мы не увязались за немцами, а решили выходить из окружения самостоятельно, они не стали бы возражать.)

* * *

Мы находились в Черткове, ожидая дальнейших указаний.

Город был разделен железной дорогой на две примерно одинаковые части. Одна из них принадлежала Украине, другая - казакам. В целом этот населенный пункт ничем не отличался от большинства маленьких русских промышленных городков.

Длинные ряды изб с мазаными стенами и соломенными крышами. Изредка попадались избы, крытые металлическими листами. Кирпичные дома встречались крайне редко. Здесь также было несколько каменных двух- и трехэтажных зданий, промышленные склады и несколько высоких и вполне современных сооружений из армированного бетона, изуродованных войной. Город разместился на холмистой местности, поэтому отдельные его районы возвышались над окружающей равниной. Сгрудившиеся в низких местах покосившиеся избы были засыпаны снегом. А вокруг расстилались снежные просторы без конца и без края...

Итальянцев расквартировали в районах, лежащих к северо-востоку от железной дороги. В юго-западных районах жили немцы. Дома там были больше и лучше, чем у нас.

* * *

Итальянские продовольственные и промышленные склады находились в руках немцев. Наши службы, занимающиеся снабжением войск продовольствием, бросили их, когда в городе появились первые русские танки. Немцы, защищавшие город,

сочли склады своей военной добычей. Только в самый первый день итальянские солдаты сумели разжиться кое-какими продуктами. Уже на второй день немцы поставили у складов вооруженных часовых.

Благодаря усилиям наших старших офицеров в городе начали действовать два пункта выдачи продовольствия. Но порции были очень маленькими. Только те, кто успел вовремя утащить что-нибудь со складов, питались нормально. Но несколько тысяч человек жили впроголодь.

К тому времени во всех домах находились раненые и обмороженные, которые не могли двигаться и, следовательно, самостоятельно ходить за едой. Поэтому тот, кого отправляли на поиски пропитания, был вынужден часами стоять в бесконечных очередях и все равно не получал достаточного количества продуктов. Думаю, что в Черткове было тоже немало умерших от голода.

В результате солдаты начали воровать, причем нередко при попустительстве своих офицеров. Немцы без зазрения совести открывали по ним огонь. Очень обидно расстаться с жизнью таким образом...

В городе остались склады, разрушенные русскими снарядами. Там можно было найти горы макарон, перемешанных с осколками камней, грязным льдом и снегом. Я видел это своими глазами.

Говорили, что где-то в снегу рядом со складами лежат трупы 60 или 70 наших солдат. В первый день своего пребывания в Чертково они обнаружили на складе коньяк, на радостях хватили лишнего и пошли проветриться. Они замерзли насмерть всего в нескольких метрах от дверей помещения, переполненного людьми, и никто о них не вспомнил.

Когда я попал в Чертково, то первые два дня никуда не ходил, только ел, спал и изредка наведывался в расположенный рядом штаб, чтобы узнать новости. Поэтому о большинстве событий тех дней знаю лишь по рассказам и слухам.

* * *

На третий день - наступило уже 29 декабря - я сумел-таки преодолеть свой эгоизм и лень и решил предпринять небольшое путешествие по городу. Пора было своими глазами оценить положение дел.

С немалым трудом я запихнул больные ноги в ботинки и вышел на мороз. Дом, где я блаженствовал, стоял на широкой, прямой дороге - местном "проспекте". Со всех сторон в снегу виднелись черные воронки - следы минометного обстрела. На небольшой площади остались обгоревшие русские танки - не исключено, что именно они в свое время вызвали панику среди

тыловиков и обратили их в бегство. За площадью "проспект" становился более узким и теперь шел между двумя рядами приземистых хижин.

* * *

Перед одной из них я увидел душераздирающую картину. На засыпанной снегом куче мусора корчились два человека. Один, заметив, что я смотрю в его сторону, отчаянно закричал: "Signor tenente! Пожалуйста, не бросайте меня, signor tenente!" Я приблизился. Ноги несчастного были страшно изранены осколками мины. Он сказал, что находится в таком положении уже несколько часов, но никто не хочет ему помочь. Второй солдат, вероятно раненный той же миной, лежал без сознания. Его лицо было залито кровью, глаза закрыты, а тело беспрестанно дергалось, будто билось в конвульсиях. Он тяжело дышал, издавая странный пыхтящий звук. Мимо сновали люди, словно не подозревающие, что этим двоим нужна срочная помощь. Вероятно, никому не было дела до чужих страданий, и на несчастных просто никто не обращал внимания. Два покалеченных человека оказались одинокими в толпе.

Я заверил раненого, что не брошу его, и поинтересовался, есть ли кто-нибудь в соседнем доме. Замявшись, раненый ответил, что там полно людей, тяжело вздохнул и опустил глаза: живущим в тепле на других наплевать. Он испуганно смотрел на меня, словно опасаясь, что и я, проявив минутное участие, брошу их умирать на снегу. Я ворвался в дом, дверь в который находилась в трех или четырех метрах от замерзающих раненых. В первой комнате слышался жизнерадостный галдеж. Около дюжины итальянских солдат толпились возле деловитого южанина, занимавшегося приготовлением макарон. Они дружелюбно приветствовали меня и даже предложили отведать горячее блюдо. Не сказав ни слова, я вышел. Дело в том, что немного раньше я заметил на дороге направляющегося в нашу сторону майора. Когда он подошел к дому, я объяснил, в чем дело. Майор как следует разнес своих подчиненных и приказал срочно отнести раненых в лазарет. Сам я воздержался и не стал устраивать разборки с этими незнакомыми солдатами, поскольку не был уверен в благополучном исходе дела. Я побоялся дать выход душившей меня ярости. Сейчас мы уже имели возможность хоть что-нибудь сделать друг для друга. И грех ею пренебрегать.

Я лично проследил, чтобы раненых благополучно доставили в лазарет, находившийся рядом со штабом. Того, кто был ранен менее серьезно, уложили на оконную решетку (деревянная рама с натянутой металлической сеткой) и понесли. Тяжелораненого погрузили на тачку. На всякий случай я решил проводить

процессию до лазарета, но оказалось, что солдаты осознали свою вину и раскаиваются в проявленном ими преступном безразличии, поэтому в моем присутствии не было необходимости. Перед тем как уйти, я подошел к лежащему на тачке раненому - крепкому, коренастому южанину. Он взял меня за руку и долго не отпускал, стараясь что-то сказать. Но он не мог произнести ни слова и только громко пыхтел. Когда компания находилась в нескольких шагах от лазарета, я от нее отстал и направился в сторону складов.

* * *

Проходя мимо маленькой деревянной лачуги, я услышал голос. Кто-то кричал: "Signor tenente!" Пришлось войти. Внутри оказался незнакомый солдат. Он сидел прямо на полу, прижимая колени к груди. На его плечи было наброшено одеяло, ботинки стояли рядом. Не скрывая слез, он поведал мне очередную душераздирающую историю: товарищи привели его сюда, отняли перчатки и бросили. У него были отморожены ноги. Я также заметил, что у солдата появились черные пятна на носу и щеках - признак начинающейся гангрены. Я заверил плачущего юношу, что непременно помогу ему, и отправился искать какой-нибудь транспорт.

Как раз в это время через площадь, где стояли танки, шли двое немцев. Один из них тянул за собой маленькие салазки. Не имея ни малейшей надежды, что меня станут слушать, я все-таки обратился к ним и попросил одолжить мне на некоторое время салазки. К моему величайшему удивлению, немец сразу же согласился и даже помог мне посадить в них обмороженного. Дальше мы потащили салазки вместе.

Я хотел устроить пострадавшего в доме, возле которого я незадолго до этого нашел двух раненых. Я знал, что лазарет переполнен, а в том доме, насколько я успел заметить, еще оставалось свободное место.

Немец старательно помогал всю дорогу, иногда он даже сам подгонял меня, показывая на обмороженного и повторяя: "Kaputt... kaputt!" Он помог мне внести солдата в дом. Я решил, что этот человек был австрийцем, призванным на военную службу немцами. Типичный немец никогда бы не вел себя подобным образом.

Так я думал там и тогда. В те времена я был абсолютно убежден, что немцы неспособны на человеческие чувства. Только теперь я понимаю, что у них тоже есть церкви, матери, дети, поэты... Но в том далеком 42-м, глядя на поведение немцев, мне это было сложно представить.

* * *

В маленьком доме было три обогреваемые комнаты. Две оказались заняты. В третьей я обнаружил лишь солдата, вытянувшегося во весь рост на одеяле. Я решил, что он мертв. Но когда я хотел вытянуть из-под трупа одеяло, он слегка пошевелился и издал слабый стон. Он был еще жив! Может быть, даже понимал, что происходит вокруг. Я пробормотал: "Кто бы мог подумать..." - и оставил парня в покое. Я не заговорил с ним и не попытался утешить в его последние минуты.

Меня снова охватили те эгоистические чувства, от которых я недавно с таким трудом избавился. Я решил, что должен в первую очередь позаботиться о себе. Поэтому даже не пойду на склад, а побыстрее вернусь в мой маленький домик и лягу отдыхать. В конце концов, у меня тоже очень болят ноги.

Кто знает, как много страданий можно увидеть на улицах и в домах Черткова. Всем не поможешь. Я решил больше не тратить силы, помогая другим, потому что тем самым я снижаю собственные шансы выжить. Все благородные чувства быстро покинули мою душу, она потеряла чувствительность, превратилась в камень. Хотя, если быть до конца честным, в тот момент я был не слишком озабочен своей судьбой. Беспокойство - слишком сложное чувство, оно требует больших затрат и усилий... Мною овладело тупое безразличие.

Все мы понемногу становились ничтожными существами, лишенными других мыслей и чувств, кроме животного инстинкта самосохранения.

* * *

В то утро мы стали свидетелями немецкой бомбардировки русских позиций вокруг города. Рев сирен доставил нам немало удовольствия, а ужасный грохот взрывов вызвал радостный смех.

В тот день мы наконец-то увидели наши родные, итальянские самолеты. Это были двухмоторные фиаты BR 20, которые летели низко, словно приветствуя нас. Мы встретили свои машины восторженными криками.

С тех пор почти каждый день, если не было низкой облачности, немецкие самолеты летали над городом. Итальянские тоже появлялись довольно часто. Поскольку они всегда летели низко, русские, завидев их, часто открывали огонь из ружей и автоматов.

Когда мы уйдем к своим? И как далеко они сейчас?

У нас не было никакой информации. Радиосвязью обладали только немцы. Они же делились с нами теми новостями, какими хотели или считали нужным.

Вечером того же дня я виделся с полковником Матиотти. Он лежал на соломенном тюфяке в одном ряду с остальными

ранеными и обмороженными офицерами. Я заметил, что его ноги и руки покрыты уродливыми красными волдырями. Сначала он принял меня за Беллини, но потом узнал. Когда он говорил, я по любому поводу вставлял:

"Есть, сэр!" и "Нет, сэр!" - желая дать ему понять, что, как бы там ни было, он наш командир. Матиотти признался, что больше не может идти, поэтому потерял всякую надежду. Я тщетно пытался утешить изможденного, укрепить его дух. В конце концов я ушел. Мне довелось снова встретиться с ним много лет спустя уже в Италии. Оказалось, что на следующий день в Черткове приземлился немецкий самолет, который забрал раненых немцев и 14 раненых итальянцев. Матиотти оказался в их числе.

* * *

В штабе я узнал новость. Немецкая и итальянская Альпийская дивизии находятся на пути в Чертково. Никто не знал, окружен город или же дорога на запад пока еще свободна. Новость распространилась достаточно быстро и вселила в наши сердца почти угасшую надежду.

Завершился третий день нашего пребывания в этом русском городке.

Вечером мы долго молились. Причем к нам присоединились и неверующие. Думаю, ими руководил не только страх. В те дни, когда мы находились в Черткове, сверхъестественное настолько приблизилось к естественному, что отрицать существование высшей силы было бессмысленно. Не станешь же опровергать существование материальных вещей, которые находятся перед твоими глазами: снег на улице, огонь в печи...

С низкого потолка наши серые, истощенные фигуры освещал тусклый свет. Кусок телефонного кабеля медленно горел небольшим аккуратным факелом, который едва рассеивал темноту, но приковывал к себе взоры нескольких десятков восхищенных глаз. Время от времени с улицы доносились звуки автоматных очередей.

Глава 21.

28-31 декабря

Наступило утро четвертого дня нашего пребывания в Черткове.

Этот день, как и все предыдущие, мы начали с обильного завтрака. У нас было достаточно еды, которую в разное время стащили со складов; кое-чем удалось разжиться на пунктах выдачи продовольствия. Так что мы не бедствовали. Но тем не менее всем хотелось как-то определиться. Мы не могли не беспокоиться, чувствуя, что враг подходит все ближе и ближе. Еще немного - и кольцо сомкнется. Что тогда будет с нами?

В тот день поступил приказ генерала Х подготовиться к уходу из города.

* * *

Генерал Х являлся командующим всех боевых и небоевых итальянских подразделений в Черткове. Он выполнял свои командирские функции, время от времени собирая в своем доме старших офицеров каждого полка. Также туда приглашались и другие генералы, находившиеся в тот момент в городе. Их оставалось не больше двух; остальных, раненых или обмороженных, вывезли из Черткова самолетом{12}.

Кроме того, штаб был официально переименован в Comando delle Truppe Italiane in linea a Tcertkovo и теперь осуществлял командование всеми итальянскими войсками, вместе с немцами участвующими в обороне города.

Находящиеся у него в подчинении воинские подразделения были одеты в белую немецкую форму и состояли из бывших штабных работников, саперов, кавалеристов и bersaglieri (берсальеров), то есть оказались весьма неоднородными по своему составу. Они только недавно прибыли на поезде из Италии и должны были использоваться на путях подвоза. Они выгрузились из поезда как раз вовремя, чтобы наблюдать картину панического бегства военнослужащих хозяйственных подразделений, которые занимали город еще с лета. В результате они прямо с поезда попали на фронт, куда их отправил командир - лейтенант-полковник Манари. Последний был безусловно талантливый, обладающий немалой доблестью командир из 3-го полка Bersaglieri. К сожалению, он погиб при первой же бомбежке, и его место занял майор-пехотинец.

Сначала эти войска постоянно пополнялись добровольцами. Но вскоре все или практически все чернорубашечники из Монтебелло и Таглименто (лишь они еще хотя бы в какой-то мере сохраняли боевой дух), которые не были ранены или обморожены, оказались на переднем крае, и поток добровольцев иссяк.

Впоследствии стали образовываться роты, вернее, centime - смешанные подразделения, куда входили пехотинцы, артиллеристы, саперы и люди других специальностей. Они также должны были отправляться на передовую и тоже носили немецкую форму. Но в них чаще всего попадали случайные люди, не только не обладающие боевым духом, но даже не чувствующие уверенности в своих силах, поэтому в бою от них было мало толку. Чаще всего их использовали на вспомогательных операциях.

За время существования итальянского гарнизона в Черткове

его численность колебалась от пяти до семи сотен человек.

Говорили, что немцев там около четырех тысяч. По моему мнению, их там было намного больше. Все их подразделения были полностью укомплектованы и готовы к бою. Командование осуществлял полковник, которого за глаза называли "гением фортификации", ему подчинялся даже лейтенант-полковник, который привел нашу колонну с Дона в Чертково.

Главный немецкий штаб располагался в подвале внушительного каменного здания в немецком секторе города. Кроме того, у них имелись штабы отдельных воинских подразделений, также спрятанные глубоко под землей. Позже у меня появилась возможность посетить один из них. Увиденное произвело на меня большое впечатление. В штабе итальянцев (Comando italiano truppe in linea) постоянно находился немецкий офицер-связист.

* * *

Несмотря на полученный приказ находиться наготове, мы никуда не ушли. Во всяком случае, в тот день. Вскоре нам стало известно почему. У немцев был приказ ставки Гитлера - закрепиться и любой ценой удержать крепость Чертково. Поэтому они вовсе не собирались выделять нам танки для сопровождения. Без танков мы не могли пройти 60 километров, отделяющих нас от своих. Даже одного русского танка хватило бы, чтобы с нами было покончено.

С тех пор разговоры об уходе из города прекратились. Нас должны были освободить войска, которые вроде бы уже находились где-то на подходе. Конечно, такая перспектива не слишком радовала, поскольку каждый день мы теряли людей, которые гибли под вражескими бомбами. И только одно успокаивало: можно было не бросать наших многочисленных раненых и обмороженных в занятом немцами населенном пункте, к которому со всех сторон подходила Красная армия.

А тем временем русские получили подкрепление и кольцо вокруг города сомкнулось. Мы оказались в полном окружении. Каждый приспосабливался к новому положению как мог.

* * *

В наш дом постоянно приходили какие-то новые солдаты, потом они исчезали, а их место занимали другие. В конце концов текучка прекратилась. Постоянный контингент составили шесть офицеров и два десятка солдат.

Помимо Канделы и Гвидичи, младшего лейтенанта из 82-го пехотного полка Торино, которые были несколько старше, остальные офицеры все, как один, оказались 1921 года рождения, то есть в возрасте двадцати одного года. Среди нас появился

Валорци, уроженец Роверто, также служивший в 82-м пехотном полку, Копти, сицилианец из 8-го артиллерийского полка Пасубио, и его друг - студент военной академии миланец Балестра.

Я до сих пор испытываю чувство глубочайшего уважения к этим офицерам. Никогда не забуду, сколько усилий приложил Конти, убеждая Балестру пойти в лазарет, чтобы ему обработали рану на спине. Балестра ничего не желал слышать. Он утверждал, что рана у него легкая, и не хотел, чтобы на него тратили дефицитные медикаменты и перевязочный материал, которых и так не хватает бесчисленным тяжелораненым. (В результате он получил серьезное осложнение и, вернувшись в Италию, был вынужден целый год вести борьбу за жизнь.)

Попадались и совсем другие люди, но в нашей компании они не задерживались. Помню одного крайне неприятного лейтенанта. Он принадлежал к тем отвратительным, совершенно аморальным личностям, которые всегда найдут возможность пролезть на теплое местечко поближе к начальству. Постоянно пресмыкающийся перед своими командирами, он обладал типичным менталитетом тыловой крысы. От нас, своей ровни, он старательно держался подальше, даже утаивал жалкие крохи информации, которую узнавал благодаря своей работе в штабе генерала Х. Его солдаты рассказали, что летом он сделал своей любовницей русскую девочку. Когда же он надумал от нее избавиться, то не мудрствуя лукаво объявил ее шпионкой и подвел под расстрел.

Сначала эта мерзкая личность предприняла попытку выжить нас из дома. Нам часто приходилось наблюдать, как жарко спорил с ним Конти, самый нервный и чувствительный из нас. Несмотря на свои хорошие отношения с генералом Х, этот субъект так и не смог справиться с нами. Не сумел он и найти с нами общий язык, поскольку мы все стояли друг за друга. Когда он понял, что с нами не сладишь, он тихо исчез, прихватив с собой несколько своих людей. После благополучного отбытия чужаков в нашем доме воцарилась атмосфера дружбы и взаимопонимания.

Комната, куда мы раньше складывали мусор, теперь была чисто убрана и занята вновь прибывшими солдатами. Мы постоянно топили две печки, поэтому в помещениях было тепло. Нам больше не приходилось клацать зубами от холода на рассвете, поскольку обязательно кто-то вставал и разжигал огонь. На растопку шли заборы, столбы, бревна разрушенных домов и тому подобное. Каждый день мы отправлялись на поиски дров и притаскивали в дом все, что попадалось на глаза.

* * *

А тем временем враг не давал нам забыть о своем присутствии. Более того, ощущалось, что он подходит все ближе и ближе. Теперь из немецкого сектора постоянно доносились звуки очередей русских автоматов, на которые немцы отвечали яростным огнем своих скорострельных "MG 34". Выпущенные из русских минометов снаряды падали повсюду. Теперь уже невозможно было пройти сотню метров по городу, чтобы не обнаружить где-нибудь новую черную воронку. Немецкие пушки и минометы, размещенные между домами во всех районах города, вели ответный огонь. От близких взрывов дрожали последние уцелевшие оконные рамы.

* * *

Несколько немецких минометов были установлены как раз перед нашим домом, среди руин здания, разрушенного довольно давно. Их снаряды поднимались в воздух с резким, пронзительным и в то же время заунывным звуком, не похожим на все, что нам до сих пор приходилось слышать. Русские быстро вычислили, откуда стреляют, и частенько пытались накрыть своим огнем эту точку. Сколько снарядов взорвалось вокруг нас!

Период относительного спокойствия, которым мы наслаждались в первые дни после прибытия в Черткове, закончился. Нам снова приходилось думать о смерти, она явственно замаячила поблизости. Собственно говоря, мы уже успели привыкнуть к постоянной компании Костлявой, которая неотступно сопровождала нас на марше.

Заслышав визг летящих над головами снарядов и грохот разрывов, мы всякий раз принимались успокаивать Канделу: ему было вредно волноваться. Бедняга только-только начал ходить. У него оказался отмороженным кончик носа и три или четыре пальца, которые, скорее всего, предстояло ампутировать. Несчастный давно стал объектом нашей неустанной заботы.

* * *

В те дни как раз и создавались centurie, о которых я упоминал ранее. На много тысяч итальянцев, попавших в Чертково, приходилось всего около 500 винтовок и мушкетов. У большинства офицеров также имелись пистолеты.

Таким образом, было создано две или три centurie.

Я не собирался возвращаться на передовую до тех пор (как я постоянно повторял сам себе и окружающим меня офицерам), пока мои ноги окончательно не заживут.

Признаюсь, я легко находил оправдание своему эгоизму. В конце концов, здесь полно офицеров. Почему именно я должен снова отправляться на чудовищный мороз? Если уж мне суждено

умереть, то пусть лучше смерть настигнет меня в тепле.

Правда заключалась в том, что пережитые нами ужасы притупили наше восприятие, поселили в наших душах безразличие ко всему, в том числе и к чувству долга.

Быть может, Господь наказывает меня за былое самомнение...

Создание centurie, как и все, что мы делали, шло стихийно и беспорядочно. Я имел возможность в очередной раз убедиться: мы, итальянцы, достаточно организованны, когда каждый действует сам по себе, но совершенно безнадежны, когда речь идет о коллективной организации. Казалось, что никто не сможет навести порядок. Думая о нашей мирной жизни в Италии, которая была, вне всякого сомнения, хорошо налажена, причем люди легко подчинялись гражданской дисциплине, я не переставал удивляться, как нам удалось этого достичь.

* * *

Из нашей группы лишь один Валорци добровольно вызвался войти в одну из centurie. Он неоднократно и с негодованием высказывался в адрес тех, кто был обязан, по его мнению, оказаться первым в списке добровольцев, но предпочел остаться в стороне.

Валорци так и не изменил своего решения. Он привык во всем идти до конца. Солдаты, жившие в нашем доме, все до единого пошли за ним.

* * *

Со временем я разыскал многих офицеров и солдат из моей 30-й бригады. Одним из первых я встретил капитана (не помню его имени), который, как и прежде, думал только о себе. Ему под стать был врач, постоянно притворявшийся больным, чтобы только не оказывать помощь многочисленным раненым и обмороженным, буквально наводнившим город. Этих эгоистов до мозга костей ничего не могло пронять.

Больше всего в Черткове нам не хватало именно медицинского персонала. Несколько энтузиастов валились с ног, но не имели сил оказать помощь всем, кому она требовалась.

Я снова встретился с Санмартино, а также с Карлетти, моим добрым фронтовым другом. Он поселился в крыле большого здания за штабом вместе с многими vecchi из 2-й батареи, включая бывшего заведующего пищеблоком Каттурегли. С ними был и капитан Понториеро, командир 3-й батареи.

Как мы были рады снова найти друг друга!

Хотя наши хмурые, истощенные лица выражали мало надежды выбраться живыми из этой передряги.

От Карлетти я узнал, где находятся Бона и Цинци. Мало-помалу становилось ясно, что по Черткову разбросано немало

людей из 30-й бригады.

В те последние дни года Беллини и Антонини, которого я навестил в лазарете, перешли в наш дом. С ними прибыли сержанты Брайда и Пиллоне, оба из группы Беллини. Находиться в лазарете было невозможно. Его комнаты (одна большая и несколько маленьких), так же как и коридор, были переполнены ранеными и обмороженными, лежащими друг на друге. Только одна, самая маленькая комнатка оставалась свободной. В ней врач делал операции и перевязки. У нас не было ни медикаментов, ни перевязочного материала. Несколько мешков с лекарствами, сброшенных нам с самолета, разошлись мгновенно. Никто из раненых на протяжении всей осады Черткова не получал необходимого лечения. Очень редко нужные медикаменты правдами и неправдами добывали друзья больного.

Единственное, что доктор мог сделать, - это продезинфицировать (или, по крайней мере, попытаться продезинфицировать) рану разбавленным водой коньяком. Хозяйственники часто не успевали доставить пищу, а воду для питья обычно получали растопив снег, который далеко не всегда был чистым. При входе в этот бедлам первым делом в нос ударял тошнотворный запах фекалий. Большая часть раненых не могла выйти в туалет на улицу. Кроме того, в помещении всегда было накурено, и со всех сторон поминутно раздавались жалобные крики и стоны. Кто-то беспрерывно просил воды, еды, курева... И всему этому не было видно конца.

* * *

Снаружи зрелище было не лучше. Снег вокруг дома покрылся слоем человеческих экскрементов, и поблизости всегда был какой-нибудь несчастный, пытающийся справить на морозе свои естественные потребности. Недалеко от входа русские пленные выкопали несколько глубоких траншей (эти пленные тоже выглядели очень жалко: в изношенных одеждах, с посиневшими от холода лицами). В траншеи укладывали трупы умерших в лазарете и близлежащих домах. Каждый день в этих братских могилах появлялся новый слой мертвых тел.

Я несколько раз приходил сюда. Иногда возле ямы друзья умершего вбивали деревянный крест, наспех сколоченный из попавшихся под руку досок. На кресте, чаще всего карандашом, было написано имя покоящегося в траншее, подразделение, где он служил, и звание. Нередко на таком самодельном памятнике можно было прочитать фразу, в тех условиях казавшуюся, мягко говоря, странной: "Caduto per la Patria" (пал за Родину). Иногда эти неглубоко вколоченные кресты падали в яму и лежали там вперемешку с телами.

Саваном для умерших служило лишь снежное покрывало.

Из офицеров 62-го батальона в лазарете остался только Лугареци. Во время штыковой атаки он получил пулевые ранения в обе руки и в грудь. Лугареци сам пожелал остаться в этом аду в надежде на то, что рано или поздно появятся врачи и медикаменты и тогда ему окажут помощь. За ним преданно ухаживал его верный ординарец Боцца, немолодой крестьянин с постоянно обеспокоенным выражением лица. В той же штыковой атаке Боцца получил пулевое ранение в плечо. Лугареци молча лежал в окружающей его грязи и вони на тюфяке. Я попытался облегчить его страдания, принеся ему немного коньяку, о котором он просил, а также добросовестно пересказав все известные мне новости.

Лугареци благодарно улыбнулся, но выглядел одиноким и очень несчастным.

Глава 22.

28-31 декабря

С появлением Антонини, Беллини, Брайды и Пиллоне жизнь в нашем маленьком домике, конечно, приобрела какие-то новые черты, но в целом не изменилась.

Около трех пополудни становилось темно. Мы ели, читали молитвы и засыпали. Много пережившие люди спали беспокойно, в темноте часто слышались стоны и испуганные вскрики. Просыпались мы, когда рассветало, то есть около семи часов утра.

Большую часть дня мы проводили не вставая с тюфяков. Всех нас одолевали невеселые мысли. Придет ли Альпийская дивизия? Доберутся ли сюда долгожданные немецкие танки? Или единственное, что нам есть смысл ждать, это смерть? Естественно, мы нередко говорили о подходе свежих подразделений, на прибытие которых уже вряд ли можно было рассчитывать. Каждый из нас изо всех сил старался открыто не показывать свое отчаяние.

Мы часто шутили, рассказывали друг другу смешные истории, происходившие с нами или нашими друзьями в далекой мирной жизни. Однажды Беллини развлекал нас целый вечер, пересказывая подвиги лейтенанта М и его друзей, которые не так давно отбыли в Италию. Мы смеялись от души.

* * *

Может показаться странным, но мы не раз обсуждали теоретические проблемы реорганизации нашей армии. Мы оказались едиными во мнении, что итальянская армия, если ее перестроить, как нам подсказывал полученный на фронте опыт, и привести в соответствие с определенными критериями, вполне может стать хорошей армией и не уступит любой другой. Главное

- это не повторять серьезных ошибок, допущенных нами{13}. Мы даже составили список необходимых критериев и обсудили по очереди каждый из них. В результате получилась полная и довольно органичная картина. Но в настоящей книге я не буду вдаваться в подробности наших теоретических изысканий.

* * *

Мы все еще оставались очень слабыми физически. Наш неизменный рацион, состоящий из галет и мясных консервов, не способствовал быстрому возвращению сил и здоровья.

По этой причине я (получилось так, что именно я следил за порядком и руководил всеми хозяйственными делами в нашем доме), чтобы избавить солдат от лишней работы, не заставил их убрать два трупа, обнаруженные как-то утром прямо за нашей дверью. Это были тела немецкого солдата и русского, служившего в немецкой армии. Глаза и рот немца были широко открыты, на лице застыл ужас. У одного из них одежда была расстегнута и нижняя часть живота бесстыдно выставлена напоказ. Я не выдержал и прикрыл его обнаженное тело, тщательно застегнув все пуговицы шинели. Думаю, солдат убили партизаны.

Все, что я сделал, - это приказал, чтобы на ночь дверь всегда была закрыта на крючок, а те, кому требовалось ночью выйти по естественной надобности (что случалось довольно часто; у многих начались проблемы с мочевыми пузырями, думаю, из-за мороза), должны были соблюдать особую осторожность.

Здесь не могло не быть партизан. Рассказывали, что недалеко от передовой они зарезали немецкого офицера, а заодно и всю семью русских, в доме которых он жил. Уцелел только отец семейства, который сумел убежать к немцам. Он и рассказал, что произошло. Это было лишним доказательством того, что русские отличались не меньшей жестокостью, чем немцы.

* * *

Я выходил из дома чаще других офицеров. Мне всегда хотелось узнать последние новости или навестить знакомых. Во время одной из прогулок я заметил тело итальянского солдата, на руках которого были отличные вязаные перчатки. Поколебавшись, я снял приглянувшиеся перчатки с трупа: мои уже совершенно износились. Правда, я недолго пользовался обновкой. У меня ее почти сразу же украли.

В один из дней (по моим расчетам, это был предпоследний день года праздник святого Эудженио - мои именины) я разжился двумя носовыми платками. Мне их подарил Калифано - бывший офицер-заведующий пищеблоком 2-й батареи, ныне главный повар нашего дома. Он где-то раздобыл целую пачку. Теперь мне не нужно было отрывать куски подкладки, чтобы вытереть нос.

* * *

Наступил день Святого Сильвестро, последний день моего первого года на войне. Проснувшись после двенадцатичасового сна, мы вяло заспорили: это последний день старого года или же первый день нового? Пришлось идти в штаб и удостовериться, что сегодня действительно 31 декабря. По дороге домой я услышал, что полковник Касасса, командир 80-го пехотного полка, требует двух офицеров для выполнения специального задания.

Валорци и я решили стать добровольцами. Выяснилось, что нам предстояло патрулировать улицы и задерживать солдат, которые шли с ворованным продовольствием от складов (застигнутых в процессе воровства было приказано расстреливать на месте). Принимая во внимание количество голодающих, вряд ли мы были способны предпринять серьезные шаги в этом направлении. Тем не менее мы отправились бродить по улицам, чем добросовестно и занимались до завтрака. Перекусив, мы возобновили прерванное занятие. Приходилось часто встречать людей, несущих ящики с галетами, мешки с мукой, макаронами...

После того как немцы изъяли все, что им приглянулось, и создали собственные складу, они вернули нам остатки старых итальянских складов. Теперь, нередко при попустительстве часовых, самые предприимчивые и самые изголодавшиеся могли без особого труда обеспечить себя продовольствием. Мы всем объясняли, что их ждет суровое наказание, и предлагали вернуть запасы обратно на склад.

* * *

Как-то раз, когда мы патрулировали улицу, мимо проехал немецкий грузовик, нагруженный буханками хлеба. На повороте одна из них вывалилась, и ее немедленно поднял оказавшийся рядом солдат. Мы его сразу остановили, потому что у него на плече и так болтался мешок с мукой.

Мы предложили счастливчику отдать хлеб другому солдату, который медленно тащился по дороге, несчастный, одетый в лохмотья, хромающий. Солдат наотрез отказался. Тогда мы приказали ему следовать за нами, намереваясь доставить его в штаб и обвинить в краже муки. Он подчинился. Услышав, что речь идет о хлебе, второй солдат, тощий южанин, запрыгал за нами по дороге, жалобно выкрикивая: "Товарищ, кусочек хлеба... Товарищ, кусочек хлеба..." Валорци и я одновременно покачали головами, словно желая сказать: "Как они все похожи, эти южане!" Даже на русском фронте не утихло извечное противостояние между итальянцами - южанами и северянами. Мы, северяне, всегда были низкого мнения о наших соотечественниках-южанах, хотя, если честно, вряд ли имели для этого основания. Тогда мы

еще не осознавали всю степень своего заблуждения. И только несколькими годами позже, уже дома, я увидел по данным статистики, что в послевоенный период именно благодаря голосам южан Италия не оказалась в лапах коммунистов.

Оказалось, что электорат юга Италии более ответственно отнесся к выполнению своего гражданского долга, чем испытывающее большое самоуважение население центра и севера страны.

В итоге мы достигли компромисса. Буханку разделили пополам между обоими солдатами.

Мы спасли от расправы еще одного солдата. Немецкий часовой чуть было не пристрелил его за кражу нескольких картофелин.

* * *

В тот день мы, по собственной инициативе, ходили по домам и выясняли, в каких условиях живут солдаты. К счастью, почти у всех были запасы продовольствия, правда состоящие главным образом из галет. Но это все-таки лучше, чем ничего. Иначе несчастные не выжили бы. В каждом доме находились раненые и обмороженные. И все, без исключения, жаловались на несправедливую систему распределения продуктов.

Кое-кто еще не сумел найти для себя убежища. Из-за нехватки жилых домов в отведенном для нас секторе города люди жили в полуразрушенных, не отапливаемых, насквозь продуваемых помещениях.

Собственно говоря, мы не узнали ничего нового. Не так давно большая группа солдат разместилась в полуразрушенной хижине рядом со штабом. Сквозь огромные дыры в стенах я уже несколько дней наблюдал, как они сидят вокруг дымящего, вонючего костра.

* * *

В тот день мы увидели одну удивительно трогательную сцену. В дальней избе лежал больной, очень молодой младший лейтенант, за которым самоотверженно ухаживали парни из его взвода.

Они привезли его в город на санях и заверили нас, что не бросят командира, что бы ни случилось.

Так в осажденном городе причудливо смешались добро и зло, страдание и благородство. Но только страдание явно превышало... Мы старались утешить страждущих, но что могли сделать пустые слова?

* * *

В конце дня мы отправились с докладом к полковнику Касассе и попытались обрисовать ему обстановку в городе.

Полковник, к тому времени имевший несколько нашивок за ранения на рукаве и раненный снова, выслушал нас очень внимательно. Затем он сообщил, что четыре тысячи человек каждый день получают продовольственные пайки. Я взял на себя смелость пояснить, что в городе сейчас находится не меньше восьми тысяч итальянцев, значит, около половины из них не получают продовольствия из-за неправильной системы распределения. Полковник ожесточенно замотал головой. Похоже, он ни минуты не сомневался, что число наших соотечественников в Черткове действительно не более четырех тысяч. Несколькими днями позже стали известны точные цифры. Оказалось, что в Черткове находилось 7600 человек. Так что моя цифра была близка к истине.

* * *

В тот вечер и у Валорци, и у меня было тяжело на сердце. Мы шли по улице и вели неторопливую беседу: немного поговорили о совместной учебе, потом он вспомнил свою невесту. Со всех сторон нас окружали покосившиеся деревянные лачуги, в них сидели и лежали сотни, тысячи итальянцев, с тоской наблюдая, как их конечности чернеют, пожираемые гангреной, а раны гниют. И каждый день эти люди умирали.

Вокруг беспрерывно взрывались вражеские снаряды, тоже уносившие немало человеческих жизней.

Вечером мы встретили на дороге оборванного немца, который нес в руках пироги. В день Святого Сильвестро немцам выдавали "специальный паек". Он обратился к нам на своем языке. Валорци, который неплохо говорил по-немецки, ответил. После чего немец ехидно рассмеялся и принялся осыпать нас бранью. Отвечая, мы тоже не выбирали слова. А что нам оставалось делать? Не стрелять же в него. Но Валорци еще долго переживал, вспоминая этот неприятный эпизод.

Мы тоже отметили канун Нового года. Конти предложил по этому поводу пойти спать попозже, что мы и сделали, отложив час отбоя до восьми часов вечера. Потом мы еще долго потешались над собой. Собравшись за праздничным столом под желтоватым светом горящего кабеля, мы съели минестрон, приправленный консервированным мясом, прочитали молитву, а потом просто разговаривали, старательно избегая неприятных тем (прибудет ли подкрепление, что бы нам хотелось поесть, как поживают наши семьи).

Но мысли о тех, кого мы любим, все равно не удавалось отогнать. Где они сейчас? Что делают? Может быть, не могут найти себе места от беспокойства о нас? Или весело празднуют Новый год? В конце концов, люди угомонились, и в доме

воцарилась тишина. Только откуда-то издалека доносилось громкое стаккато автоматных очередей.

* * *

Я уснул, хотя очень донимали вши (крупные бело-серые насекомые размером с небольшого муравья), которым в последнее время полюбилась моя компания. Впрочем, стоит ли удивляться? Мы уже месяц не меняли нижнее белье и никогда не раздевались. Даже ночью мы спали одетыми, снимали лишь ботинки.

Глава 23.

1-5 января

Наступило утро 1 января 1943 года.

Мы проснулись, и каждый потихоньку занялся своими делами, стараясь не мешать остальным. Как обычно, я шепотом прочитал свои утренние молитвы, обращенные к Мадонне моего народа - Мадонне лесов. Только в то утро у меня на душе было особенно тяжело. Хотя я и чувствовал Ее защиту - результат неустанных молитв моей матери. Это чувство было совершенно реальным, таким же явным, как зрение и слух. Причем я был не одинок. Все мы, в той или иной степени, ощущали действие горячих молитв наших близких. Даже Марио Беллини, человек меньше остальных подверженный внушениям и имеющий отнюдь не "церковный" склад ума, с недоумением рассказывал мне о странных видениях, которые посетили его в первую ночь нашего марша на Чертково.

В то утро я решил отбросить все тревожные и грустные мысли и погрузился в состояние апатии, то есть полнейшего безразличия ко всему окружающему.

* * *

В первый день нового года мы получили поздравление от Гарибольди генерала, командующего 8-й армией. В поздравлении содержалось также пожелание воспрянуть духом и продолжать сопротивление.

Сопротивляться? Интересно, имел ли генерал хотя бы малейшее представление о состоянии, в котором мы сейчас находимся?

Мы не могли не чувствовать обиду. Генерал никогда лично не появлялся в войсках, он только периодически передавал по радио через немецкий штаб свои руководящие указания. И это во время, когда остатки трех корпусов вверенной ему армии окружены в Черткове! Разве он не мог прилететь сюда хотя бы на несколько часов? Если бы он это сделал (а мы больше ничего и не хотели от него), то своими глазами увидел бы несчетное число раненых и обмороженных, которые постоянно погибали от гангрены! Может

быть, тогда он не говорил бы о сопротивлении, а обеспечил доставку медикаментов и хирургических инструментов.

Такова была наша общая точка зрения. Тогда мы еще не знали, что генерала занимают другие проблемы. Очень скоро его сын вместе с Альпийской дивизией попадет в ловушку. Кто знает, какие страдания выпали на долю отца?

* * *

Я слышал, что на первой неделе осады тяжелые немецкие самолеты приземлялись в Черткове три или четыре раза. Дважды прилетали итальянские самолеты. На одном из них прибыли генерал Энрико Пецци, командующий итальянскими воздушными силами в России, и Бочетти, полковник медицинской службы, отвечающий за работу госпиталей в Харькове. Они хотели лично разобраться в обстановке. На обратном пути их самолет исчез, скорее всего, он был сбит. Но мы об этом не знали и негодовали, возмущенно вспоминая обещания медицинского полковника, потрясенного увиденным и заверившего нас, что обеспечит доставку медикаментов.

Один из солдат рассказывал об ужасной сцене, свидетелем которой он случайно оказался. На итальянский двухмоторный самолет погрузили раненых. Но оказалось, что из-за слишком большого груза самолет не может взлететь, тогда часть раненых выгрузили обратно на снег. Вообразите всю глубину отчаяния людей, уже считавших себя в безопасности: их насильно вернули в бедлам, где им оставалось только ждать смерти. Солдат, который мне это рассказывал, был потрясен состоянием одного почти потерявшего рассудок пожилого майора. Сам он был одет в лохмотья, а ноги обмотаны грязными обрывками одеял, закрепленных кусками проволоки. Несчастный старик рухнул на снег и начал кататься по нему плача и размахивая руками{14}.

После наступления нового года тяжелые самолеты больше не прилетали, потому что русские подошли вплотную к аэродрому и простреливали тяжелыми орудиями взлетную полосу. Теперь в Черткове приземлялись только "сторки" небольшие немецкие разведывательные самолеты, которым требовалось всего несколько десятков метров для взлета и посадки. Тяжелые самолеты сбрасывали припасы: немцы - в больших количествах, на парашютах, итальянцы - совсем чуть-чуть (в основном медикаменты), в сумках, похожих на рюкзаки и без всяких парашютов, ввиду полнейшего отсутствия последних.

Как я уже говорил, чтобы убедиться, что мы получили предназначенный нам груз, итальянские пилоты, рискуя жизнью, летели очень низко, всегда провожаемые яростным огнем русских.

Когда наша печальная одиссея завершилась, мне довелось побывать на аэродроме Ворошиловграда, бывшем тогда базой итальянских самолетов. Я узнал, что 9 из 12 имевшихся на базе фиатов BR 20 было сбито именно во время полетов над Чертковом.

2 января.

Этот день был знаменателен двумя событиями: попыткой объединить всех итальянцев в centurie и созданием большого госпиталя.

Уже давно шли разговоры о необходимости образования centurie. Казалось, лишь тогда возможно навести хотя бы отдаленный порядок в том хаосе, в котором мы жили. Начиная со 2 января было установлено, что продовольствие будет распределяться по centuria. Таким образом, тот, кто не войдет ни в одну из "боевых" единиц, останется голодным. Сразу стало ясно, что наше командование совершает серьезнейшую ошибку, объединяя в одной centuria людей из самых различных подразделений. Следовало с самого начала распределять жилые помещения между конкретными полками, чтобы уцелевшие солдаты из ранее действовавших подразделений оказались размещенными рядом. Но сейчас наши старшие офицеры не решались на такой шаг. Приспособленных для жилья помещений недоставало. Существовала опасность, что, если начнется грандиозное переселение, домов на всех попросту не хватит. К тому же в каждом доме были раненые и обмороженные, получавшие хотя бы какой-то уход.

Поэтому было принято решение обойтись полумерами и создать смешанные centurie. Правда, хаос от этого не уменьшился. Те, у кого были запасы продовольствия, не спешили в centurie, справедливо опасаясь немедленной отправки на передовую. В итоге из восьми тысяч итальянцев было образовано всего три или четыре centurie.

Конти и Балестра решили записаться в centuria, где командиром роты был Валорци. Несколькими днями позже для них выделили маленький дом, куда они и перебрались. Гвидичи между тем почувствовал первые признаки обморожения и остался с нами в качестве "офицера запаса".

Беллини, Антонини и я вызвались войти в другую centuria, формируемую под командованием капитана Понториеро из 62-го батальона. В нее вошел Карлетти и еще много солдат из 30-й бригады.

Там, где квартировал Понториеро, свободного места не было, поэтому мы никуда не переехали. Началась некоторая путаница, поскольку Понториеро считал нас своими людьми, а вместе с тем

продовольствие мы получали вместе с Валорци, Конти, Балестрой и другими людьми из centurie Гвидичи, как его офицеры запаса.

Попытка организовать людей в centurie вызвала лишь нарастание хаоса. Кругом царила полнейшая анархия. Ни у кого из нас тоже не было желания пытаться навести порядок. Поэтому мы решили ничего не предпринимать, оставаться на месте и тянуть время, в ожидании возрождения 30-й бригады.

Занотти находился в таком же положении, как и мы.

* * *

Однажды вечером мы с ним и с Марио Беллини отправились к У, который теперь был самым старшим офицером 30-й бригады. Мы собирались потребовать, чтобы он, как командир, принял меры для создания из остатков бригады новой боевой единицы. В то время У не занимался делами бригады, он заведовал центром выдачи продовольствия.

Он с нами не особенно церемонился и дал понять, чтобы мы не лезли не в свое дело. Я, как и большинство младших офицеров, не любил этого человека. Неприязнь к нему тем более усилилась после ночи всеобщего бегства из Арбузова. Он до позднего вечера сидел вместе с нами в овраге, а утром исчез, никого не предупредив.

Поэтому я высказал ему все, что накипело. Он выгнал меня вон. И все осталось по-прежнему.

* * *

Капрал Навони, бывший подчиненный моего друга Цорци, тоже перебрался из нашего дома поближе к роте Конти. Теперь мне не с кем было поговорить о дорогом погибшем друге. Но он иногда приходил в гости и постоянно напоминал, чтобы, когда будет снова создана 30-я бригада, о нем не забыли.

* * *

Стараясь сделать хотя бы что-нибудь для улучшения ухода за ранеными, генерал Х решил организовать большой госпиталь.

В низине, расположенной в северо-восточной части города, стояло внушительное и вполне современное здание. Перед войной в нем, должно быть, находилась школа и, принимая во внимание его немалые размеры, какие-нибудь общественные заведения. Часть комнат в этом самом крупном в городе здании занимали немцы. Они освободили их нам для госпиталя.

Нам пришлось затратить много сил, чтобы очистить помещения от мусора. Большая часть оконных стекол была разбита. Поскольку окна имели двойные рамы, мы отыскали уцелевшие внутренние рамы и вставили их в окна. Помещения сразу приобрели жилой вид.

Работами руководил Темистокл Руокко, капитан

медицинской службы, несомненно энтузиаст своего дела. Я наблюдал за ним, находясь в Черткове, и считаю, что этот молодой южанин проявил себя с самой лучшей стороны.

2 января несколько комнат было подготовлено к приему раненых. И в госпиталь потянулись люди. Одни ковыляли самостоятельно, других заботливо поддерживали друзья.

* * *

На первом этаже находились комнаты, отведенные для офицеров. Я посоветовал Канделе, чтобы он не упускал этой возможности. Он послушался и перебрался туда вместе с сержантами Брайдой и Пиллоне, которые тоже были обморожены.

В новый госпиталь должны были перевезти и пациентов из лазарета. Для этого решили использовать три или четыре грузовика, находившиеся в распоряжении нашего штаба в Черткове.

* * *

Час или два я наблюдал, как их грузили у дверей лазарета. Жуткое зрелище. Дважды поступали приказы приостановить перевозку, потому что в госпитале больше нет места. Остальным приходилось ждать, пока подготовят помещение.

Между тем расквартированные в близлежащих домах раненые и обмороженные, которые были не в состоянии преодолеть те 600 или 700 метров, отделявших их от госпиталя, тащились к лазарету, ожидая здесь грузовики.

Погрузка велась неравномерно. Однажды очередной приказ приостановить ее поступил как раз в тот момент, когда на снегу возле грузовика лежали трое или четверо оборванных, стонущих людей. Услышав приказ, они не стали дожидаться дальнейших объяснений, а начали кричать, чтобы их взяли на грузовик. Солдаты не обратили внимания на крики, тогда раненые начали ползти по снегу вперед, пытаясь загородить дорогу грузовику. Они передвигались на руках, волоча за собой неподвижную нижнюю часть туловища. В точности так ползут раненые животные с перебитой спиной.

Один из несчастных совершенно потерял человеческий облик. Он даже сумел подняться на ноги и теперь неподвижно стоял, прислонившись к столбу. Его руки свисали плетьми, глаза казались остановившимися, ничего не выражающими. Живым был только рот: губы шевелились и непрерывно выплевывали несвязные слова - просьбы, оскорбления, молитвы. Я убедился, что этого человека погрузили в грузовик вместе с остальными лежащими на снегу, и лишь тогда ушел.

Я не мог не обратить внимания на одного из водителей. Он оказался удивительно добрым и понимающим человеком. Позже

он доверительно пожаловался, выговаривая слова с мягким венецианским акцентом, что надорвал спину, участвуя в погрузке и выгрузке раненых.

Раненых перевозили в госпиталь, но лазарет оставался переполненным.

* * *

Вечером я пошел в госпиталь навестить Канделу. К сожалению, офицерские комнаты, расположенные на первом этаже, были очень холодными и обогреть их не представлялось возможным. В одной из них на полу лежал почти голый и очень грязный солдат. Похоже, он бился в предсмертной агонии. Когда я вошел, офицеры попросили унести его куда-нибудь. Они сказали, что незнакомые солдаты принесли его сюда и, бросили, не обращая внимания на протесты. Я позвал солдат, занимавшихся уборкой помещения, и потребовал, чтобы они нашли для умирающего другое место. Пришлось применить власть и даже пригрозить оружием, но все-таки я добился, чтобы несчастного отнесли на второй этаж и устроили в теплой комнате.

* * *

Удостоверившись, что все сделано как надо, я снова спустился вниз. Многие офицеры были мне знакомы. Здесь, кроме Канделы, находились капитаны Ланчиани и Рико, оба из 80-го пехотного полка. Несмотря на то что ноги Рико были изранены шрапнелью, он медленно ковылял по комнате и пытался помочь тем, кто вообще не мог встать. За его непрезентабельной внешностью скрывалось очень доброе сердце. Обычно бледное, но спокойное лицо этого человека теперь приобрело синюшный оттенок и было искажено страданием.

Я не мог допустить, чтобы мои друзья оставались в этих холодных комнатах, и отправился к капитану Руокко. От последнего я узнал, что в 100 метрах от основного госпиталя находится маленькое одноэтажное здание, которое как раз сейчас готовят для офицеров. Я тут же пошел проверить, как обстоят дела. Увидев, что там чисто и довольно тепло, я немедленно препроводил туда Канделу, а затем мы вместе с ординарцем капитана Ланчиани со всей осторожностью перенесли туда раненого капитана. Устроив обоих мужчин в самой лучшей, на мой взгляд, части комнаты, я опять пошел через заснеженный двор к госпиталю.

* * *

Неуклюжая и, по-моему, удивительно уродливая бетонная статуя женщины в современной одежде - таких очень много в Советском Союзе, - казалось, следила недобрыми черными

глазами за моими перемещениями взад-вперед по двору. Рядом с ней находился постамент еще одной статуи, которую снесло взрывом. На месте остались только гигантские цементные ботинки - из них торчали толстые металлические прутья.

Глядя на эти уродливые творения, я невольно задумался о том, что победа коммунизма принесла советскому народу не только утрату веры в Бога. Она непостижимым образом лишила русских людей чувства прекрасного, не покидавшее их на протяжении многих веков.

Фасад госпиталя, так же как и бетонная фигура, был испещрен отметинами от пуль и осколков. Но сейчас здесь было тихо. Снаряды падали в удаленной от нас части города, поражая все живое.

* * *

Еще я помог перебраться из холодной комнаты госпиталя незнакомому офицеру из батальона М. Его ноги почернели от гангрены, поэтому ходить он не мог. Я устроил его рядом с Канделой.

Было уже поздно, и я ушел, пообещав, что завтра приду снова. Когда я вышел, возле двери как раз остановился очередной грузовик, доставивший раненых и обмороженных всех рангов и званий из центра города. Очень скоро все комнаты в этом здании тоже окажутся переполненными.

Глава 24.

1-5 января

Дни сменяли друг друга.

Мы довольно часто получали обнадеживающие новости о подходе подкрепления - скорее всего, эта информация рождалась в немецком штабе, а затем им же распространялась. Иногда нам сообщали, что на подходе танковая колонна, в другой раз, что в город входит Альпийская дивизия, в третий что к нам движутся немецкие пехотные дивизии.

Мы уже пережили столько разочарований, что не слишком прислушивались к этим, если можно так сказать, новостям. Мы не ожидали ничего хорошего, и должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы надежда воскресла в наших сердцах.

Ночью мы услышали, что к привычным звукам добавился глухой отдаленный гул. Это мог быть шум далекого сражения. Сначала мы не обратили на это особого внимания. Но шум не затихал, и вскоре мы превратились в слух, затаив дыхание. Стало ясно, что шум приближается, его можно было услышать и днем. В 30 или 40 километрах к западу от нас шел бой.

Но что это? Подкрепление, прорывающееся к нам на помощь? Или осажденный гарнизон, подобный нашему, пытается найти

выход из кольца? Но мы снова начали надеяться.

* * *

В те дни мы стали свидетелями нескольких воздушных боев между немецкими и русскими самолетами. Солдаты видели, как немецкий самолет загорелся, а летчик выпрыгнул с парашютом. Правда, парашют вроде бы приземлился на территории русских.

Почему русские не организуют массированный воздушный налет и не разбомбят территорию, на которой мы расположились? Насколько я мог судить, руководствуясь опытом семимесячного пребывания на фронте, у русских было очень мало авиации. Им приходилось использовать немногие имевшиеся самолеты на других, более важных участках фронта. Интересно, на каких именно? Тайна!

Мы не знали, какую часть оккупированной территории им удалось освободить. У нас были сведения, что русские закрепились в Кантемировке (60 километров к северу от нас по железной дороге) и Миллерове (65 километров к югу тоже вдоль железнодорожной ветки Миллерово - Воронеж, проходящей также через Чертково и Кантемировку). Мы также знали, что Старобельск (около 100 километров к западу от Черткова) пока не занят русскими и там все еще располагается штаб ARMIR{13}.

* * *

Наш боевой дух несколько укрепило известие, что наша почта, которую до сих пор держали в штабе, отправлена в Харьков немецким "аистом". Там были и мои письма. Я сообщал родителям, что жив и невредим, и просил их записать меня на обучение на третий курс университета. Позже я узнал, что лишь одно из писем попало по назначению, и то очень нескоро. Немецкий "аист" перевозил только немецкую почту. Поэтому в штабе скопилось огромное количество писем, но самолет за ними никак не прилетал.

В те дни я снова встретился с Борги, моим vecchi из 2-й батареи. Было удивительно приятно почувствовать, что мои бывшие солдаты до сей поры уважают и любят меня. Но я в зародыше задавил каблуком моего подкованного ботинка импульс принять еще ряд благородных решений, чтобы быть достойным уважения.

У Борги был маленький таз, и я впервые за долгое время помыл мои больные и очень грязные ноги в теплой воде.

За все время нашего пребывания в Черткове мне только один раз удалось вымыть лицо и руки с мылом и в теплой воде. Было несправедливо занимать для личных нужд крошечную печь, где всегда стояли котелки с едой или большая посудина со снегом, из которого получали питьевую воду.

А вскоре я встретился со своим ординарцем Реджинато. Ах, если бы я вновь увидел Цорци! Но надежды на это не было.

Реджинато, коренастый здоровяк из Венето, стал моим ординарцем незадолго до начала отступления, когда его предшественник уехал домой в отпуск. Реджинато привез мой фотоаппарат. Сколько фотографий я теперь смогу сделать! Но после недолгого раздумья я решил воздержаться. Меня не привлекала мысль, что кто-то когда-нибудь может испытать удовлетворение, глядя на запечатленные на моих фотографиях бесконечные страдания. Поэтому в Черткове я сделал всего несколько снимков: Реджинато сфотографировал меня на фоне дома. Верный ординарец оставался со мной до самого конца осады. Его ноги были покрыты язвами, но он ходил достаточно уверенно.

* * *

Я не мог смириться с отсутствием в городе Джимонди и Джузеппини. Эти люди очень помогли мне в первую ночь отступления и твердо пообещали, что, если я не смогу идти, они разделят мою судьбу, какой бы она ни была.

Я ничего не слышал о Джимонди, уроженце Бергамо. Но мне рассказали, что Джузеппини, седой крестьянин с равнины Лоди, который всегда летом носил на шее платок, хотя это не соответствовало уставу, погиб в "Долине смерти" во время штыковой атаки. Огонь русского пулемета долго не давал нашим солдатам поднять головы.

Они лежали вжимаясь в снег, не имея возможности миновать пулеметчика. Потеряв терпение и обозлившись, Джузеппини внезапно вскочил и резко рванулся вперед, зажав в зубах кинжал. Очередь словно перерезала его тело пополам. Так встретил свой конец капрал Джузеппини.

Я также узнал о гибели молодого сержанта, который всегда был своего рода мальчиком на побегушках у нашего батальонного командования. До начала отступления все в один голос твердили, что он удивительно способный, подающий большие надежды юноша. Так нам нравилось, хотя это было явным преувеличением. Парень вызывал всеобщую симпатию, поскольку охотно брался за любое дело, выполняя все задания с неизменной приветливой улыбкой.

В один из последних дней нашего пребывания в "Долине смерти" он шел по Арбузову и захотел покурить. Зажав губами сигарету, он сообразил, что у него нет ни спичек, ни зажигалки, и обратился к проходившему мимо солдату с просьбой дать прикурить. Последний щелкнул зажигалкой и пошел своей дорогой. Через несколько секунд раздался свист летящего

снаряда и взрыв. Сержанту оторвало голову, которая откатилась довольно далеко от места падения туловища.

Солдат, еще не успевший убрать зажигалку, поспешил обратно и в ужасе склонился над обезглавленным телом. Трагедия произошла на его глазах. Но он никак не мог поверить, что несколько секунд назад разговаривал с этим человеком.

* * *

В один из дней я проводил Лугареци в госпиталь. Я разговаривал с Антонини, а Лугареци готовился к перевязке. Ему не обрабатывали раны уже шесть или семь дней. Когда сняли бинты, оказалось, что рана на правой руке полностью затянулась. Я указал Лугареци на этот отрадный факт. Мне показалось, что он удивился. Похоже, он успел забыть, что на правой руке у него пулевое ранение. Зато раны на левой руке и на груди сильно воспалились и гноились. Я поддерживал Лугареци, пока он сидел на стуле, а доктор обрабатывал его раны разбавленным водой коньяком и накладывал свежие бинты. В какой-то момент я попросил Антонини заменить меня и выскочил на улицу. Глядя на красную, набухшую, истекающую гноем плоть Лугареци, на его зеленовато-желтое лицо, я почувствовал приступ тошноты. К счастью, это длилось недолго.

Когда перевязка закончилась, Лугареци схватил меня за руку и лихорадочно зашептал, что ни за что на свете не пойдет в ад, по недоразумению именуемый лазаретом. Первым делом я отвел его в наш дом и уложил на свою металлическую кровать. Боцца, преданный ординарец Лугареци, не отходил от раненого ни на шаг. Лугареци лежал откинувшись на спинку кровати. Он смотрел на нас и старался говорить спокойно, хотя это ему не слишком хорошо удавалось. Мы молча стояли вокруг и ничем не могли помочь. Глядя на безжизненно висящие руки, пожелтевшее лицо и лихорадочно блестящие глаза, мы думали, что конец несчастного близок.

Через несколько часов он слегка приободрился. А я пошел в госпиталь. В тот день должна была завершиться подготовка к приему раненых второго одноэтажного здания, предназначенного лишь для офицеров. Главный корпус и первое маленькое здание уже были переполнены, в некоторых комнатах обстановка была ничуть не лучше, чем в старом лазарете. Сюда поместили уже 1700 человек, а в городе все еще оставались без помощи многие тысячи раненых и обмороженных итальянцев.

Несколько раз в главное здание влетали снаряды и взрывались в гуще скрюченных на соломе тел. Трупы убирали, окна и стены наспех латали, после чего освободившееся место занимали другие раненые. А ведь множество людей ждут

отправки в госпиталь как великой милости!

* * *

Я решил, что Лугареци надо поместить в только что подготовленное здание. Конти раздобыл салазки, мы усадили на них раненого и вышли на улицу. Два солдата везли салазки. Боцца, у которого было пулевое ранение плеча, и еще несколько солдат шли следом и несли немногочисленные пожитки Лугареци и мою разобранную кровать. Когда мы добрались до места, выяснилось, что офицерский корпус уже заполнен. Но я все-таки изловчился и установил свою замечательную маленькую кровать между двумя другими.

Боцца нашел себе уголок в чулане, куда я перед этим тщетно пытался впихнуть кровать. Хотя она и была небольшой, но в чулан не поместилась. Лугареци сказал, что в комнате, куда его положили, несколько офицеров находятся при смерти. Он суеверно боялся, что, раз он тоже офицер, комната сулит ему несчастье.

* * *

На рассвете 4 января русские начали яростную атаку. Это было уже второе крупномасштабное наступление противника на укрепленный пункт Чертково. Несмотря ни на что, город пока держался. На этот раз русские сконцентрировали большие силы и ввели в бой танки (в количестве 10-12 единиц). Судя по всему, они были твердо намерены взять город и уверены в успехе.

Русский майор, попавший в плен к немцам, сообщил, что, когда он и его люди переправились через Дон, они не предвидели никакого сопротивления и планировали быстро дойти до самого Донецка. (Рассказывали, что майора после допроса немедленно расстреляли. Впрочем, это была обычная для немцев практика.)

На этот раз русские тоже не прошли. Их танки были задержаны сильным огнем немецких противотанковых орудий и почти все подбиты. Уйти удалось только одному или двум.

Небольшая равнина, раскинувшаяся перед немецкой линией укреплений, теперь покрылась телами русских солдат. Это была еще одна "Долина смерти", но теперь уже чертковская.

Во время этой акции в очередной раз отлично проявили себя чернорубашечники. У одного из них, Дино Бетти, было трофейное русское противотанковое ружье, из которого он подбил русский танк. Затем солдаты батальона М подбежали к танку и через амбразуры бросили внутрь несколько гранат.

В результате проведенной операции русские все-таки получили некоторые преимущества: они подошли вплотную к немецким позициям.

Выстрелы, которые слышались весь день, вечером стали более

редкими, а к ночи стихли.

* * *

Утром 5 января я находился в доме капитана Понториеро вместе с Антонини. Поступил приказ centuria срочно идти к складам и потушить пожар.

Наши склады горят! Перед нами снова замаячила перспектива голода. Мы немедленно отправились собирать людей. Вскоре наша centuria уже шла в сторону складов. Утро было морозным и очень ветреным. Мы шагали и с тоской думали, что этот самый ветер, который проникает сквозь нашу одежду и терзает плоть, вдобавок раздувает огонь, уничтожающий наше продовольствие.

Мы прошли вдоль железной дороги, пересекли город и приблизились к первым полуразрушенным зданиям складов. Там мы увидели бесформенные груды макарон, смешанные со щебнем, досками, мусором и осколками. Все это громоздилось под крышами, готовыми в любой момент рухнуть. Затем мы миновали итальянских часовых и вошли во внутренний двор. Здесь вовсю кипела работа.

Хвала Господу, пламя не угрожало запасам галет и консервов! Оно только уничтожило длинный штабель изделий из ткани и упаковочного материала. Аккуратные рулоны внешне казались неповрежденными, лишь изменили свою структуру, превратившись в грязно-белый пепел. Сгорели тысячи шерстяных одеял и спальных мешков. Когда мы прибыли, пламя уже охватило штабеля сборных деревянных домов. Я понял, что нам предстоит серьезная работа, чтобы не допустить распространения огня. Отбросив ненужные сомнения, я взялся за дело.

Неподалеку от нас у пулемета суетились немецкие солдаты. Несколько человек рыскали по углам, высматривая боеприпасы. Не так давно мы видели их бродившими по городу. Получается, что у них тоже не хватает боеприпасов!

Здесь, по нашим складам, проходила немецкая линия обороны.

Над головами засвистели вражеские пули, немцы немедленно открыли ответный огонь. Мы поспешили убраться с простреливаемого пространства мало ли что.

Огонь и не думал отступать. Когда в него попадали разбросанные на снегу патроны, раздавались веселые хлопки.

Было сложно заставить людей работать.

Минуты на морозе текли медленно, тягуче.

Я видел вялость и апатию наших солдат, бесстрастную невозмутимость немцев, наблюдавших за нашей работой, и в мою душу начало закрадываться сомнение. Зачем все это? Быть может,

мое понимание действительности, руководившее каждым моим решением и поступком, - лишь призрачный замок, который при малейшем дуновении ветра без следа растает в воздухе?

А правда ли, что где-то существует далекая и теплая страна - Италия?

Нет, об этом лучше не думать, так недолго и свихнуться.

Тем не менее где-то в самом потаенном уголке души я не переставал надеяться, что когда-нибудь увижу родную Италию.

А что чувствовали остальные?

Несмотря на испытываемое мною душевное смятение, внешне я оставался уверенным и энергичным и работал наравне со всеми.

Мы справились с огнем и вернулись в свой дом. Там было очень холодно.

Глава 25.

6-9 января

6 января. Крещение.

Наши семьи в Италии очень тревожатся о нас.

Несколькими днями раньше Копти посчастливилось раздобыть спальный мешок. Он полностью разделся и нырнул внутрь, предвкушая наслаждение от спокойного сна без постоянной компании вшей. Заснул он быстро, но через некоторое время разрыдался во сне. Он снова и снова стонал, повторяя: "Нет, мамочка, нет..." Я лежал ближе всех к нему, на соседней скамейке, поэтому сразу же начал будить его. Но даже окончательно проснувшись, Копти еще долго дрожал и всхлипывал.

Воспоминания о близких и любимых теперь уже не помогали, не поддерживали в трудную минуту. Они преследовали и мучили нас.

Марио Беллини тоже тихо стонал во сне. Мне говорили, что я часто во сне вскрикиваю, иногда издаю жалобные стоны.

Антонини спал тихо, но непрерывно беспокойно ворочался. Он никогда не снимал на ночь даже ботинки, считая, что так он сумеет быстрее вскочить, если русские войдут в город. Он часто говорил, что молит Бога только об одном: чтобы не попасть живым в плен. Все остальное, по его словам, не имеет значения.

Солдаты находились в таком же положении, как и мы.

Один из них неожиданно заболел. Мы делали для него все, что было в наших силах, но, к сожалению, почти ничем не могли помочь. Ему пришлось справляться с болезнью самостоятельно.

* * *

У нас было всего несколько ложек, которыми мы пользовались по очереди. Сначала их не было вообще, затем кто-то раздобыл пару штук, еще несколько мы вырезали из дерева.

Все равно на всех не хватало. Покончившие с трапезой тут же передавали освободившиеся ложки следующим. По этому поводу всегда было много шуток.

Вечером, когда всем полагалось праздновать Крещение, Валорци получил комплекты белой немецкой формы для себя и своих людей. Одевшись, он вместе с солдатами отбыл на передовую. Конти, вооруженный русским автоматом (его личный военный трофей; он им очень гордился и всегда носил на плече), тоже ушел со своим взводом. По-моему, вместе с ними отбыл и Балестра.

* * *

Вечером я навестил в госпитале Лугареци и Канделу. По дороге обратно меня встретил солдат, которого послал за мной капитан Понториеро. Я немедленно явился. Он сказал, что имеет приказ отправить взвод на передовую и хочет, чтобы я его возглавил. Именно я, а не Беллини, Карлетти или Антонини, поскольку я нахожусь в лучшей форме, чем они. Понториеро предполагал послать со взводом Занотти, но не сумел его разыскать.

Пока Понториеро инструктировал меня (больше всего меня страшила перспектива снова проводить на улице ночи), появился Занотти. Эгоистичная часть моего "я" возликовала.

А тем временем в доме капитана Понториеро солдаты готовились выполнять приказ. Они надевали шинели, коричневые вязаные шлемы, вообще старались максимально утеплиться. Как мне было все это знакомо! Это напоминало дни, когда мы еще не лишились гордости.

Занотти тоже начал собираться. Он явно нервничал, его обычная жизнерадостность, столь свойственная миланцам, исчезла. Почему-то казалось, что его одолевают дурные предчувствия. Таким я его раньше не видел. Я опустился столь низко, что даже упрекнул его за излишнюю нервозность.

Я не знал, что в его душе молодость и жизнерадостность активно протестуют против перспективы близкой смерти. Это я понял несколько позже и почувствовал духовную близость с ним. У нас было много общего. Так же как и он, я был студентом Миланского университета.

Некоторое время я пытался собрать в кулак все свое мужество и заставить себя занять его место. Но не смог. Очевидно, благородные поступки стали для меня недоступными.

Занотти ушел - молодой, высокий и очень привлекательный, несмотря на изношенную и грязную одежду. Взвод последовал за ним. Ночные тени постепенно удлинялись, прочерчивая полосы на мрачной дороге.

Я понуро вернулся в дом, мысленно уговаривая самого себя: "Я сейчас не могу... но чуть позже, когда станет не так страшно... Я обязательно снова стану храбрым и благородным, таким, как был когда-то... Но не сейчас... Позже..." А потом на меня снова навалилась апатия.

* * *

Крещенский вечер мы провели в узком кругу: Антонини, Гвидичи, Беллини и я. Мы сидели в пустом доме. Полито, ординарец Валорци, которого тот не взял с собой, готовил минестрон.

Мы сидели на единственной свободной скамейке и нескольких свернутых тюфяках. В пустой банке от сардин тускло горел пропитанный маслом фитилек. Мы ели, изредка перебрасываясь ничего не значащими словами.

Вокруг было темно. Иногда над позициями немцев взлетала ракета и на несколько секунд освещала ночной город. Так прошло Крещение.

* * *

Утром 7 января атаку начали немцы. Они имели целью отбросить русских на ранее занимаемые ими позиции. Бой длился все утро. В итоге русские отступили и закрепились на расстоянии нескольких километров от немецких позиций. Тем не менее дальние подступы к городу все еще были в их руках.

Говорили, что в те дни убийственный мороз сражался с обеими противоборствующими сторонами и нанес каждой весьма внушительный урон. Пострадали даже войска, прибывшие из Сибири.

Немцы ввели в бой танки. Два из них были подбиты, остальные вернулись в плачевном состоянии. Это было третье, и последнее, из больших сражений в районе Черткова.

Тем временем в городе продолжали периодически взрываться снаряды, повсеместно слышалась стрельба.

В тот день с итальянских позиций пришел солдат и рассказал, что ночью "убило артиллерийского лейтенанта". Я сразу же подумал о Занотти. А потом вернулся Полито, навещавший Валорци, и подтвердил: Занотти погиб. Поднятый по тревоге среди ночи, он со своими людьми направился в окоп. В это время прямо ему под ноги упал снаряд. Занотти погиб на месте. Его лицо оказалось в клочья разодрано мелкими осколками. Капрал Оронези, шагавший за Занотти, и еще один солдат получили ранения.

Я решил посетить наши позиции и сфотографировать останки Занотти. Фотографию я собирался впоследствии передать его матери, которая жила в Милане. Оказалось, что Занотти уже

похоронили, к тому же, как сказал Валорци, его лицо было не в таком состоянии, чтобы его стоило фотографировать и уж тем более показывать матери. Тогда я пошел посмотреть место, где его похоронили. Выяснилось, что могилы, как таковой, не вырыли. Его и еще одного солдата положили под вывороченный взрывом большой пласт земли и прикрыли соломой. Когда я подошел, могилу уже присыпало снегом, и она сливалась с окружающим пейзажем.

Неожиданно в небе появились два фиата BR 20. Пролетая над нашими головами, они сбросили ящики с боеприпасами. Сделав круг, они вернулись и скинули оставшийся груз. Стараясь нам помочь, наши пилоты рисковали жизнью. Мы тогда не знали, что многие из них не вернулись на базу с этих вылетов.

Многие ящики разбивались, и снег засыпали патроны. Немцы, наблюдавшие за происходящим, быстро направились к упавшим ящикам. Наверное, рассчитывали найти какую-нибудь еду. Валорци отправил солдат, чтобы те собрали рассыпавшийся груз на одеяла и принесли на позиции.

Люди чувствовали себя подавленными. Приходилось затрачивать много сил, чтобы заставить их шевелиться. Каждого следовало поднять с тюфяка и пинками вытолкать на мороз.

По дороге обратно в город я прошел мимо громадины немецкого танка, брошенного на крутой насыпи. Внешне он выглядел неповрежденным. Видимо, он был одним из тех, которые подбили в последние часы сражения. С уменьшением числа танков снижались наши и так очень слабые шансы на спасение. Поэтому я вполне понимал и не винил людей, потерявших всякую надежду.

* * *

В последующие дни я много времени проводил в штабе. Здесь все значительно изменилось. Очевидно, повлияло новое грозное название - Comando truppe in linea. Снаружи стены были укреплены длинными и тонкими стволами деревьев, это давало некоторую защиту от осколков. Внутри, в бывшей комнате покойного лейтенанта-полковника, нашего командира, теперь русские пленные занимались земляными работами - сооружали подземное помещение. Вход сделали со стороны площади, той, где находился лазарет и дом Карлетти. Теперь там постоянно дежурили часовые.

Я провел много времени с адъютантом, показавшимся мне довольно колоритной личностью. Он мне как-то поведал, причем совершенно равнодушно, что сам пристрелил двух солдат, пойманных на воровстве продуктов со склада. Не знаю, говорил он правду или нет. Вообще там подобрался весьма своеобразный

народ. Писарем, в частности, служил довольно известный журналист.

* * *

Генерал Гарибольди, командующий ARMIR, дал разрешение генералу X награждать медалями особо отличившихся в боях в Черткове. В штабе развили бурную деятельность, в результате которой медали должны были найти самых достойных из пяти тысяч человек, участвовавших в боях с первых дней осады Черткова. Генерал X наградил очень немногих.

Я как раз находился в штабе, когда к адъютанту пришел курьер со списком на награждение бойцов единственной итальянской противовоздушной батареи, находящейся в городе. У этой батареи была своя история.

Ее орудия были установлены на пересечениях дорог, ведущих в город. Когда пришла наша колонна, часть орудий оказалась за линией укреплений. Командующий батареей капитан предпринял воистину героические усилия, но сумел привести туда немецкие танки, которые на буксире доставили орудия в город. Сам командир во время этой операции погиб. Теперь батареей командует лейтенант, его бывший заместитель.

Если бы у нас в Черткове были орудия! Как часто мое сердце артиллериста сладко замирало, когда я думал о них. Каким волшебным образом могла бы измениться наша жизнь!

Иногда немецкие артиллеристы устанавливали орудия на городских перекрестках или на краю площади и открывали огонь. Они стреляли главным образом на близкое расстояние, устанавливая прицел почти на ноль. Их снаряды взрывались, пролетев не более километра, между избами на окраине города. Говорили, что там прячется враг.

Иногда я помимо воли останавливался и наблюдал, как яростно содрогается после выстрела орудие. Как хорошо я понимал этого стального дракона!

Я часто застывал на возвышенностях и смотрел вокруг. Теперь, приобретя немалый опыт, я мог осматривать местность взглядом эксперта. Я прикидывал, где должны быть установлены орудия, где удобнее всего расположить наблюдательный пост, где безопаснее проложить телефонную линию... Мало-помалу мне это надоедало, взгляд начинал бездумно скользить по убогим постройкам, засыпанным снегом, я осознавал, что мне в высшей степени безразлично, где и что находится, и шел своей дорогой.

* * *

Я очень часто ходил в госпиталь, где друзья всегда с волнением ждали те немногие новости, которые мне удавалось узнать.

Кандела всегда приветствовал меня с распростертыми объятиями. Капитан Ланчиани был более сдержан, его я все чаще заставал уткнувшимся в Библию. Рана в плече уже несколько дней не давала ему заснуть, поэтому он выглядел изможденным и раздраженным. Меня также тепло приветствовал чернорубашечник, которого мы с друзьями в свое время подобрали и доставили в госпиталь.

Там я встречал и других офицеров, к примеру младших лейтенантов Скотти и Триосси.

Кроме капитана Ланчиани, который где-то раздобыл сломанную железную кровать, остальные спали на полу в спальных мешках или на тюфяках. Днем те, кто мог вставать, сворачивали свои тюфяки и сидели на них. Пол (и это было основное отличие комнат офицеров от помещений солдат) всегда содержался в чистоте.

* * *

Временами нашу беседу прерывал близкий взрыв упавшего снаряда. Разговоры сразу же смолкали, люди напряженно ждали, куда упадет следующий.

Все мы в руках Божьих... Но кто еще, кроме всемогущего Господа, позаботится об этих несчастных, искалеченных людях?

* * *

Иногда ординарец капитана Ланчиани, который постепенно превратился в нашего общего незаменимого помощника, занимаясь своими делами, пел. Кроме него, в Черткове не пел никто. Поэтому, когда раздавался его низкий, с приятной хрипотцой голос, мы замолкали. Он негромко пел о любви, о далекой родине, о никогда не умирающей надежде. А Иногда он принимался лихо распевать удалые, развеселые куплеты. Мы вслушивались в слова, которые раньше казались нам пустыми и никчемными, и с изумлением находили в них новый, глубокий смысл.

Мы вспоминали те дни, когда нас еще не преследовали по пятам несчастья. Тогда, несмотря на войну, мы с друзьями часто и с удовольствием пели. Наши голоса были слышны далеко вокруг. Это облегчало нам тоску по дому, мирной жизни, улыбкам любимых, то есть всему тому, чего мы были лишены. Даже безликие серые фигуры, движущиеся за окном, казались всего лишь контрастом яркого, разноцветного мира наших песен.

Когда голос немолодого менестреля замолкал, мы снова погружались в мутную пучину апатии.

* * *

В один из дней - 7 или 8 января - я решил принести моим раненым друзьям побольше свежих новостей. Разжиться

информацией можно было только у немцев. Не так давно они распространили удивительную новость о том, что русские, переправившиеся через Дон, сами оказались в ловушке. Богучары в руках у немцев, относительно Москвы и Ленинграда сведений нет. На закате я зашел в один из немецких штабов, расположенный близко к нашей зоне. Меня провели в подземный бункер, где разместилось командование. Там работало радио.

В этом штабе переводчиком был студент-итальянец из Милана по имени Конти. Он снабдил меня последними новостями, перевел последний информационный бюллетень. К сожалению, в нем не содержалось ничего нового. В сводках сообщалось лишь о контратаках немцев на Центральном фронте.

Нам оставалось только напряженно прислушиваться к звукам далекого боя, которые доносились до нас главным образом по ночам, и гадать, что нас ожидает впереди.

Конти вышел на улицу вместе со мной. Было уже темно. Перед штабом мерно расхаживал немецкий часовой. Увидев нас, он спросил пароль. Получив ответ, он нахмурился и потребовал повторить. Вероятно, ему не понравился итальянский акцент Конти. Однако в конце концов он нас пропустил. Чтобы убедиться, что я благополучно доберусь до своей обители, Конти настоял на том, чтобы проводить меня через немецкие позиции, а затем и через итальянские - до самого штаба. Все-таки студенческое братство дорогого стоит (мы оба были миланскими студентами).

Мы долго шли по пустынным улицам. Нас окружали только полуразрушенные дома и темнота.

Через несколько дней я снова зашел к Конти. Как и прежде, у него не было новостей о ходе военных операций. Тем не менее он сообщил мне нечто, меня немало удивившее. Король даровал высочайшую награду за воинскую доблесть генералу Х. Таково было решение королевского дома Савойи. Генерал Гарибольди радировал об этом в Чертково. Новость не предавали гласности.

Будучи в штабе, я мельком взглянул на немецкого полковника, командующего гарнизоном в Черткове. Он оказался человеком среднего возраста, невысоким, худощавым, с резкими чертами лица. С подчиненными он обращался с истинно арийским высокомерием. Вскоре он улетел из города на одном из "сторков", получив назначение командовать армией. В Чертково он больше не вернулся, через несколько дней его место занял другой полковник.

Глава 26.

6-9 января

Время шло. Вражеские снаряды теперь взрывались во всех

кварталах Черткова. Воздух был наполнен свистом артиллерийских снарядов всех калибров, грохотом взрывов, треском автоматных очередей. У каждого летящего снаряда был свой неповторимый звук. Мы постепенно научились их различать.

Со временем мы настолько привыкли к взрывам, что стали считать их неотъемлемой частью окружающей обстановки. И когда ночью 50-миллиметровая мина взорвалась совсем рядом с нашим домом, на расстоянии не более метра от окна, возле которого я спал, я всего лишь перевернулся на другой бок, толком не проснувшись.

* * *

Однажды вечером, когда я шел в штаб, на площади между штабом и домом Карлетти упало несколько снарядов. Один взорвался рядом с двумя солдатами, стоявшими возле запряженной в сани лошади. Испуганное животное встало на дыбы, солдаты скрылись в дыму. Впоследствии оказалось, что оба остались живы, правда, получили ранения.

* * *

Карлетти рассказывал, что другой снаряд взорвался под дверью его дома, проделав в ней несколько крупных отверстий и заставив весь дом содрогнуться. Одного из двух проходивших в этот момент по улице немцев убило на месте, другого ранило.

Темные зимние вечера всегда приносили с собой страх.

В глубине души каждый из нас вел собственный счет, записывая в свой актив приобретаемый ежедневно горький опыт. Кто знает, с каким счетом все закончится?

* * *

Между штабом и домом Карлетти стояла покосившаяся лачуга. Некоторые наши соотечественники, не сумевшие найти для себя пристойного жилья, до сих пор ютились здесь. Снаружи, на почерневшем от гари снегу, лежали лошади. Их освещало пламя костра, который постоянно жгли несчастные люди. Лошади были тощими и костлявыми, их шкуры покрылись ледяной коркой. Присмотревшись, я заметил, что одна из них еще жива. Бедное животное умирало, но жизнь упрямо не желала покидать измученное тело. Лошадь лежала на морозе в мучительной агонии, тяжело дышала и смотрела прямо перед собой невидящими глазами, где застыли слезы, превратившиеся в кусочки льда.

Я подошел поближе. Бедняга почувствовала мое присутствие, забеспокоилась и сделала попытку повернуть голову в мою сторону. Я должен был положить конец ее мучениям.

Патронов было жалко, и я несколько раз сильно стукнул ее ногой по голове, надеясь, что мой тяжелый подкованный ботинок

прикончит ее. Не получилось. И теперь несчастное животное, испытавшее внезапную боль, пыталось от меня отодвинуться! Не выдержав, я достал пистолет, и через несколько секунд все кончилось.

Снег вокруг был испещрен воронками. Как и прежде, на снегу лежали трупы. То там, то здесь можно было увидеть грязных, оборванных людей, которые ковыляли или даже ползли к лазарету. А возле него чернела еще не засыпанная яма, заполненная трупами. Война...

Я подумал о тех, кто в свое время устраивал многолюдные шествия в городах с требованием войны. Перед моими глазами медленно проходили картины богатых особняков и роскошных вилл, обитатели которых никогда и ни в чем себе не отказывали. Мысленным взором я видел богачей, прожигающих жизнь и получающих удовольствие на шикарных морских курортах...

А здесь - разорванная и гниющая человеческая плоть. Наказание за былые безумства? Господь карает нас за прегрешения?

* * *

Однажды утром русские начали массированный обстрел из всех видов орудий. Он продолжался без перерыва девять часов. Город накрыла лавина огня. В нем не осталось ни одного целого здания.

Вскоре после Рождества генерал Х провел очередное совещание со старшими офицерами. Было решено разделить итальянскую часть города на зоны и закрепить каждую из них за отдельным воинским подразделением.

30-й артиллерийской бригаде достались развалины на северной окраине города.

В день обстрела Беллини, Антонини и я отправились посмотреть на нашу будущую квартиру, которую уже должна была освободить занимавшая ее до нас группа чернорубашечников. Беллини шагал впереди. Подойдя к двери, он внезапно остановился, оглянулся, прислушался, затем замахал руками, жестами показывая, что мы должны быстро войти и упасть на пол. Я уже давно заметил, что Беллини обладает способностью раньше, чем кто-либо другой, слышать "катюши". И точно: не успели мы опомниться, как вокруг начался сущий ад. Шестнадцать снарядов взорвались вокруг нас один за другим. Мы прижались к полу, закрывая головы руками. Дом содрогался, угрожая вот-вот рухнуть. Я лежал и тихо шептал молитву.

Вскоре мы, пошатываясь, поднялись. Все были целы. Провидение, даровав Беллини уникальный слух, снова спасло нас от неминуемой смерти. Если бы мы вышли из дома, то

непременно оказались бы возле соседней деревянной хибары, которую раскололо снарядом пополам. А дорога, где мы только что прошли, была утыкана осколками снарядов, обломками дерева и железа, с силой вонзившимися в нее. Но самым удивительным было то, что среди руин, окутанный еще не осевшим дымом, осыпанный мусором, стоял лейтенант-полковник Росси, командир 8-й артиллерийской бригады. Живой и невредимый.

На наших глазах он отряхнулся, поправил кобуру и, не сказав ни слова, удалился.

В доме, куда мы успели войти, находилось еще несколько человек. Они не пострадали.

* * *

Поскольку снаряды начали падать слишком уж близко, наша троица вместе с моим ординарцем Реджинато покинула обжитой дом и перебралась к Конти и Балестре. Их дом стоял несколько в стороне, в 80 метрах от "проспекта".

Гвидичи со своими людьми тоже переехал, но я не знаю куда. (Мы встретились только много лет спустя уже в Италии. Ему ампутировали несколько пальцев на руках.)

Обстрел был воистину ужасным. Со всех сторон слышался пронзительный свист снарядов и грохот взрывов. В воздух взлетали столбы снега и земли, обломки разрушенных строений, части человеческих тел. По стенам с визгом чиркали осколки. Замаскированные неподалеку от нас орудия немцев вели ответный огонь, их снаряды взлетали, издавая заунывный, воющий звук, который невозможно было спутать ни с чем. Всюду, насколько хватало глаз, виднелись развалины домов и воронки от взрывов. Главная площадь города, где стояли танки, была затянута облаком дыма. Когда снаряды падали очень уж близко, мы молча переглядывались и улыбались. На все воля Божья!

* * *

Утром мы были вынуждены вернуться в свой дом, потому что Реджинато, которого я отправил туда принести какой-нибудь еды, вернулся с сообщением, что у нас в доме мародеры. Марио Беллини поймал одного и едва не пристрелил. Видя, как искренне возмущается мой друг проявлениям чужой непорядочности, я едва удержался от смеха. Ей-богу, пора бы уже привыкнуть. Немного успокоившись, Беллини аккуратно записал имя и фамилию мародера, намереваясь доложить о нем в штаб.

* * *

В нашем доме взрывами выбило все окна, поэтому пришлось перебираться со всеми вещами к Балестре. Мы перенесли туда тюфяки и нехитрые пожитки. Вечером того же дня в дом, который

мы покинули, попал 76-миллиметровый снаряд. Он пробил крышу и взорвался в той части дома, где жили солдаты из взвода Конти. Белый от страха и весь обсыпанный мусором, к нам прибежал капрал Навони и рассказал о случившемся. Мы бросились к дому. Я успел первым. Уцелевшие солдаты, пошатываясь, выбирались на улицу. Я немедленно организовал доставку двух раненых в дом Балестры. Остальные отделались царапинами.

Один из раненых непрерывно издавал душераздирающие крики. Когда его уложили на койку, оказалось, что у него большая рваная рана на руке немного выше локтя (у несчастного вырвало значительный кусок плоти) и глубокая рана на бедре.

Мы не могли отнести раненых в госпиталь, не перевязав им предварительно раны. Врачей катастрофически не хватало. В госпитале раньше чем через несколько дней на них никто и не взглянет. А за это время несчастные просто-напросто истекут кровью. И я решил сам их перевязать.

К счастью, у одного из солдат Балестры оказался перевязочный пакет. В качестве единственного хирургического инструмента пришлось использовать обычные домашние ножницы, оставшиеся в доме от русских хозяев. Роль дезинфектанта выполнял талый снег (если я правильно помню, мы его немного подсолили).

Сначала я наложил на глубокие раны первого раненого ватные тампоны и туго забинтовал. Затем я тщательно промыл многочисленные кровоточащие царапины, которыми были покрыты его лицо и шея. Бедняга стонал сквозь зубы и все время твердил с мягким тосканским акцентом, что, кроме него, у матери никого нет. Я даже шутливо выбранил его, объяснив, что от ран на руке и на ноге не умирают. Чего тогда беспокоиться? А тем временем я не сомневался, что смертный час этого бедолаги недалек.

У другого раненого была глубокая рана немного ниже подмышки. В его тело вонзился крупный осколок, который теперь торчал из спины рядом с лопаткой.

Это был очень молодой паренек, сущий ребенок. Он сказал, что его уже однажды ранило, поэтому он знает, что это такое.

Одного из капралов Конти звали Бригина. Это был крупный мужчина с постоянно хмурым выражением лица, настоящий сицилианский бандит. Но я заметил, что он удивительно предан Конти, который был не только его командиром, но, что самое главное, тоже сицилианцем. Этот человек всегда самоотверженно ухаживал за ранеными и очень расстраивался, если не мог помочь. Оказалось, что раненый мальчик и Бригина - из одной деревни. Капрал говорил с ним на сицилианском диалекте и нежно звал по имени. Он всячески стремился успокоить раненого.

Мальчишка, потерявший много крови, едва мог стоять на йогах. Я разрезал на нем рубашку, затем с помощью ножниц (других инструментов все равно не было) осторожно вытащил осколок, промыл рану, приложил ватные тампоны к входному и выходному отверстиям и туго забинтовал.

Стоя в полутьме комнаты, остальные офицеры молча следили за моими манипуляциями, готовые в любой момент прийти на помощь. Неожиданно один из них поинтересовался, достаточно ли острые ножницы, и спокойно пояснил, что хотел бы остричь ногти. Я взглянул на Марио Беллини. Тот пожал плечами и покачал головой. Со всеми нами творилось нечто странное.

Раненых погрузили на сани, и солдаты вместе с Конти повезли их в госпиталь. Несколькими днями позже Бригина, навещавший своего земляка, сообщил, что тот еще жив. Больше я о них не слышал.

Глава 27.

10-14 января

10 января мы перебрались в избу, стоящую в зоне 30-й бригады. Из 1700 человек, входивших в нашу бригаду на берегах Дона, осталось около 300. В душе мы оплакивали погибших, но делали все, чтобы горькие воспоминания не захватили нас целиком.

Район, куда мы переселились, расположился в низине (если сравнивать с центром) и находился на северной окраине города. Внешне он ничем не отличался от обычной русской деревни. Одноэтажные избы с крытыми соломой покатыми крышами и неровными стенами не выглядели надежными. В домишках были непропорционально маленькие окна, чаще всего с двойными рамами. Над некоторыми из них, так же как и над дверями, виднелись резные деревянные наличники, слегка оживляющие внешний вид. Между избами - только несколько голых деревьев.

Во многих избах до сих пор жили их хозяева. Но поскольку здесь, как и в большинстве русских крестьянских домов, имелись

подполы или расположенные рядом с домом подвалы, русские предпочитали прятаться в этих норах и почти не выходили оттуда.

Но если в центре города местных жителей вообще не было видно, на окраине все-таки иногда можно было встретить кого-нибудь из русских, чаще всего женщин. Закутанные в огромные темные платки, они несли от колодцев тяжелые ведра или куда-то спешили по своим делам. Иногда с ними были дети, тоже закутанные в платки. Глядя на несчастных женщин и обездоленных детей, наши сердца сжимались от жалости.

Наше новое жилище состояло из трех комнат, две из них обогревались, третья, с деревянными стенами, служила прихожей и тоже немного защищала от холода.

Здесь уже были солдаты из 30-й бригады.

В первый день мы старались устроиться поудобнее. Но уже на второй день я решительно выставил оставшуюся в теплых комнатах мебель в прихожую, чтобы стало просторнее. Остались лишь три металлические кровати для офицеров и набитые соломой тюфяки для солдат. Затем я составил список проживающих и повесил его на входную дверь. Еще я получил одну на всех продовольственную карточку.

Система выдачи продуктов в городе была полностью реорганизована. Как я уже говорил, его разделили на секторы и подсекторы. В каждом воинском подразделении назначался офицер, получавший продукты на всех и распределявший их по домам в своем секторе. Мы, солдаты 30-й бригады, получали провизию из рук капитана Варенны, который тоже перебрался к нам.

Система оказалась достаточно хорошо продуманной и работала четко, но продуктов становилось с каждым разом все меньше. Генерал распорядился урезать наши пайки с таким расчетом, чтобы продержаться до конца февраля. Иногда на человека в день выдавалось несколько галет, полбанки консервов и горсть макарон. Вино, которое мы получали ранее (солдаты ходили за ним с мешочками, поскольку выдавалось оно неровно нарубленными кусками льда), давно стало воспоминанием.

* * *

В ближайшем колодце вода почему-то имела странный солоноватый вкус, поэтому, чтобы получить воду для питья, мы обычно растапливали снег. Иногда мы посылали кого-нибудь принести воды из колодца возле госпиталя. Она всегда была мутной и зеленоватого цвета, но на вкус казалась менее противной, чем в нашем колодце. Мы тогда не подозревали, что на дне того колодца на глубине трех-четырех метров лежат трупы

двоих русских. Позже мне рассказали, что в госпитале об этом прекрасно знали, но все равно воду пили только оттуда.

В нашей избе жила большая семья местных жителей. Спали они в подполе, но еду готовили на печи в избе, поэтому мы часто встречались. Среди них был семидесятишестилетний дед, бабка, мужчина лет сорока, две или три женщины, маленький мальчик и грудной младенец. Мужчина, как мы узнали, в мирное время служил управляющим на одной из городских фабрик. Он немного говорил по-немецки.

Мы часто обменивались продуктами, иногда вели беседы. Переводчиком у нас служил Марио Беллини, успевший летом весьма неплохо выучить русский язык.

Один из наших солдат, Симонетто, рисовал простенькие картинки, которые очень нравились русским. Особенно они восхищались морскими пейзажами.

Русских людей понять очень сложно, тем более в таких непростых условиях. Они - дети природы и действуют импульсивно, не рассуждая. Это можно сравнить лишь с разгулом бушующей стихии на необъятных просторах их бескрайней страны - неуправляемым, неудержимым. Причем положительные и отрицательные порывы в них до поры до времени мирно сосуществуют, и никогда не известно, какие одержат верх. Все как в природе.

Мы к ним неплохо относились, но заметили, что всем им в большей или меньшей степени свойственен фатализм, покорность судьбе и как следствие инертность и беспечность. А привитая им идеология материализма делала их то благородными, то жестокими.

По этой земле прошел коммунизм, систематически подстрекавший русских к ненависти и взаимному уничтожению. Мы очень страшились плена только потому, что автоматически получали клеймо врагов коммунизма.

Вместе с тем простых русских людей вряд ли можно назвать поборниками идей коммунизма. Они скорее его жертвы, в особенности крестьяне.

И вот теперь по прихоти судьбы мы оказались вместе, под одной крышей.

Нельзя не отметить удивительную доброту русских женщин, их способность к состраданию. Где бы мы ни встречались с ними, они никогда не отказывали в помощи. Мы отлично понимали, что во время нашего безумного марша многие наши соотечественники были спасены от обморожения, а значит, и от смерти простыми русскими крестьянками, молчаливыми и неулыбчивыми.

Когда рядом с нашей избой взрывался снаряд, женщины лишь поспешно крестились и что-то тихо шептали.

* * *

Некоторые мои vecchi, ветераны 2-й батареи, были расквартированы в двух избах по соседству с нашей: капрал Борги, Педролло, Каттурегли, Гола и другие. Я часто ходил к ним в гости и всегда находил самый радушный прием. Однажды они угостили меня полуобгоревшим куском сотового меда, который Педролло ухитрился вытащить из горящего немецкого склада. Иногда они приходили к нам в дом и внимательно слушали разговоры, которые велись между офицерами.

Было удивительно приятно осознавать, что они все еще мне доверяют.

Совершенно неожиданно я повстречался в Черткове с младшим лейтенантом Монтрезором, начальником моего отделения в офицерской школе в Монкальери. Он до колен замотал частично обмороженные ноги кусками одеял, поверх которых приладил мешковину. Со стороны казалось, что он носит такие необычные сапоги.

Однажды вечером, когда я был у него, в нашем секторе раздалось подряд несколько взрывов. Изба Монтрезора находилась в другом секторе. Обеспокоенный, я поспешил к своим. К счастью, никто не пострадал. От взрывов остались только глубокие черные воронки.

* * *

В эти дни до нас дошло известие о смерти моего старого знакомого, заведующего пищеблоком Калифано. В свое время он подарил мне два носовых платка, которыми я до сих пор пользовался. Он был убит взрывом гранаты, когда выполнял свои прямые обязанности - готовил пищу для солдат. Это произошло неподалеку от того места, где был похоронен Занотти.

Друзья уходили один за другим...

* * *

Начиная с 10 января обстановка изменилась. Русские прекратили обстрелы.

Дни сменяли друг друга, а враг не предпринимал никаких действий. Даже немцы, несмотря на свою всегдашнюю невозмутимость, были озадачены. Немецкий офицер связи, говоривший по-итальянски, рассказал мне, что, скорее всего, русские готовят для нас какой-нибудь неприятный сюрприз.

Мы, итальянцы, расценили непонятное поведение русских совершенно иначе. В наших сердцах возродилась надежда! Ходили слухи, что русские, переправившиеся через Дон, сами оказались под угрозой окружения, поэтому спешно отводят свои

силы в северо-восточном направлении.

Генерал Х, проявлявший неизменную сдержанность на совещаниях старших офицеров, на этот раз был весел и настроен весьма оптимистично. Начали даже называть сроки, когда к нам подойдут свежие силы и освободят дорогу: через семь дней... через пять дней.

Я начал верить в будущее. Тем более, что звуки далекого боя где-то на западе постепенно приближались, становились все слышнее.

В том уголке наших душ, который пока еще был жив, снова поселилась надежда.

* * *

Однажды утром к нам в избу заглянул карабинер, охраняющий склады. Он сказал, что во время своего дежурства видел длинную колонну вражеской техники, пересекающую железную дорогу и движущуюся на север. Неужели русские действительно отступают?

Немецкие противотанковые орудия открыли огонь по безмолвной колонне.

Карабинер, приятель одного из наших солдат, рассказал странную историю, которая приключилась с ним в Арбузове. Он стоял на улице в группе из пяти или шести солдат, когда вокруг них начали взрываться снаряды "катюши". Его друзья попадали на землю, а он сам остался на ногах. Когда дым рассеялся, карабинер с ужасом убедился, что его спутники в полном смысле этого слова разорваны в клочья. У одного из солдат осколками разворотило грудь, так что можно было рассмотреть все внутренние органы сердце, легкие, желудок. По выражению рассказчика, снаряд "открыл человека, как книгу". Между тем карабинер не получил ни одной царапины.

Из-за страшного шока у него помутился рассудок, и он поверил, что тоже умер. Он решил, что жива только его душа. В этом убеждении он провел несколько дней. Он несколько раз ходил в атаки, старался всячески поддержать своих товарищей, но сам не стрелял и не укрывался от вражеских пуль, считая, что мертвого человека нельзя убить дважды. И лишь после того, как раздобыл еду и немного восстановил силы, карабинер с искренним удивлением понял, что пока жив.

* * *

Валорци вместе со своим взводом вернулся в наш старый дом. Дыры в стенах наскоро заделали, оконные проемы затянули мешковиной.

Я часто навещал его, Конти и Балестра неизменно составляли мне компанию. Иногда мы втроем ходили в госпиталь к Канделе

и Лугареци.

Хотя мы уже многое повидали и ничего не боялись, тем не менее для нас было очень тяжело находиться в комнате Лугареци. От его соседа справа, который не вставал с кровати, исходило такое зловоние, что дышать рядом с ним можно было только с большим трудом. Лугареци был ранен в грудь и, на мой взгляд, уже пересек черту, отделяющую живого человека от мертвого. Я часто вспоминаю его изможденное лицо, где жили только глаза. Он внимательно смотрел на нас, прислушивался к оживленному разговору, который мы вели, поминутно обращаясь и к нему тоже, но кто знает, понимал ли он хоть что-нибудь.

После 10 января итальянцев перестали использовать для работ на немецких позициях. Теперь этим занималось русское гражданское население и пленные. Мы часто видели немецких солдат, высматривающих на улицах русских. Они хватали всех, невзирая на возраст, гнали на работы даже семидесятилетних стариков. Однажды я спас пожилого хозяина нашей избы от совершенно озверевшего немца, который явился, чтобы забрать его на работу. Ночь была очень холодной, мне показалось, что у несчастного старика нет шансов дожить до рассвета. Позже, когда стало ясно, что русских слишком мало, немцы снова начали привлекать итальянцев, причем обращались с нами ничуть не лучше, чем с пленными.

По запросу немецкого командования в разных полках формировались рабочие смены, которые являлись в штаб, откуда отправлялись к немцам. Каждый вечер немцам требовалось 300-400 человек. Они копали траншеи, ходы сообщения, сооружали укрытия и строили доты.

Дважды я лично сопровождал группы по 40 человек в штаб, где их с нетерпением ждали немецкие офицеры. Не стану утверждать, что нам следовало отказаться от этих работ, но это было очень унизительно.

* * *

11 января 30-я бригада получила приказ сформировать четыре вооруженных взвода по 15 человек в каждом.

Старые смешанные centurie к этому времени были расформированы. Родилась идея создания новых, состоящих из солдат одного и того же ранее существовавшего полка. Беллини, Антонини, Регацони из 60-го батальона и я получили приказ подобрать себе людей.

Я отправился в избу, где, насколько мне было известно, разместились 20 солдат и сержант по имени Марчелло Мартано. Я назначил его своим заместителем и, кроме него, отобрал еще 14 человек. После этого я разбил взвод на два отделения, в

каждом из которых назначил командира и его заместителя.

Из этих людей я раньше знал только артиллериста Каррари, служившего на 1-й батарее моего батальона. В отличие от остальных офицеров я предпочел набрать незнакомых мне солдат. Скорее всего, мне придется вести их на передовую, вероятно, даже на смерть. Я решил избавить себя от мыслей о том, что я поведу жалкие остатки большой семьи людей, с которыми я за долгие месяцы успел сродниться, навстречу гибели. Пусть лучше поживут спокойно, пока можно.

Я вооружил своих людей винтовками и пистолетами, отобранными у тех, кто пока не собирался воевать, а также позаботился, чтобы у каждого были шлемы. Во вверенном мне взводе я установил настоящую военную дисциплину: при моем появлении сержант командовал "смирно!" и каждые два часа посылал ко мне человека узнать, какие будут приказы.

* * *

Шли часы. Сменяли друг друга дни. Мы жили в постоянном ожидании какого-то события, которое никак не происходило. Я старался поддерживать моральный дух солдат и сообщал им все хорошие новости, которые мне удавалось разузнать.

Но мы находились в "котле" уже почти месяц, слишком много обещаний осталось невыполненными, слишком много надежд - обманутыми.

Всех нас угнетала мысль, что множество людей погибло или пропало без вести. А оставшиеся в живых продолжали умирать каждый день на наших глазах.

Думаю, что очень немногие еще, как и я, пытались надеяться на спасение.

* * *

Наступило утро. Воздух был чист, свеж и удивительно прозрачен. На белом снегу темнели избы, из печных труб в небо поднимался черный дым. Именно таким я и сейчас часто вспоминаю Чертково. Выйдя из дома, я всякий раз натыкался взглядом на лошадей, стоящих у соседней избы. Их заиндевевшие шкуры слегка поблескивали, освещенные первыми лучами зимнего солнца. Их никто не привязывал, никто не кормил. Но они все равно стояли на одном и том же месте, понуро опустив свои большие головы.

Должно быть, эти животные спасли кому-то жизнь, доставив на себе в город. Но теперь они устали, замерзли и ослабели без пищи, их туловища тоже были покрыты ранами, но люди, которым они когда-то помогли, бросили их на произвол судьбы. Каждый раз, открывая дверь, я надеялся, что больше не увижу эти понурые фигуры - немой укор человечеству. Я верил, что кто-

нибудь отведет их куда-то подальше. В конце концов я сам решил найти для бедных животных какое-нибудь укрытие, но опоздал. Они уже умерли.

Их мясо ели все.

Мы проводили большую часть дня сидя или лежа на тюфяках. Нашим основным занятием стал внимательный осмотр грязного нижнего белья на предмет обнаружения зловреднейших вшей. Время шло. Ничего не происходило.

В избе, где жили мои vecchi из 2-й батареи, неожиданно заболел тосканец Каттурегли. Он лежал на тюфяке и трясся в лихорадке. Что мы могли сделать? Чем помочь? Оставалось только ждать. Человек должен был выкарабкаться сам или умереть.

* * *

Нас очень волновала судьба пациентов госпиталя, число которых достигло уже двух тысяч. Один из трех работавших здесь докторов, падающий с ног от усталости, как-то сказал мне, нимало не заботясь о том, что его слышат пациенты, что, если за неделю ничего не изменится, половина этих несчастных отправится на тот свет. Он мрачно развел руками, покачал головой и снова вернулся к работе.

Он и капитан Руокко работали в нечеловеческих условиях. Иногда им приходилось ампутировать гангренозные конечности с помощью кухонных ножей и опасных бритв.

В главном корпусе положение стало угрожающим. Ступеньки лестниц и полы в неотапливаемых коридорах покрывала тонкая корка льда (главным образом замерзшая моча), поэтому передвигаться по ним трудно и опасно. Войдя в любую комнату, прежде всего мы видели густой туман, спускающийся с потолка и слегка рассеивающийся примерно в метре над полом. Под этим туманом на соломе, брошенной на пол, лежали раненые, остатки одежды которых шевелились от вшей. Многие лежали так неделями. Смерть со своей косой была в этих мрачных помещениях частой гостьей. Каждое утро раненые провожали взглядами своих умерших ночью товарищей, которых выносили специально назначенные для этого солдаты.

Я хорошо помню лицо солдата с густой рыжей бородой. Он был родом из деревни, расположенной рядом с моей. Его поместили вместе с Канделой, и всегда, приходя навещать друга, я непременно перебрасывался с ним несколькими словами. В последний раз, когда я его видел, он лежал на соломе, дрожал и плакал. Он тщетно умолял о помощи. Соседи сказали, что у него сильная лихорадка.

* * *

Я запомнил еще одного солдата, хотя до сих пор не знаю его имени. Мучимый жаждой, он вышел из госпиталя, не обращая внимания на адскую боль в отмороженных и уже охваченных гангреной ногах, и пошел к колодцу, откуда и солдаты, и гражданское население брали питьевую воду (к тому самому колодцу, на дне которого лежало два трупа). Почувствовав, что не в силах идти дальше, он сел на землю и разразился злыми слезами, потрясая пустой немецкой фляжкой, которую так и не сумел наполнить. Я подошел и всмотрелся в характерное лицо южанина. Бедные итальянские пехотинцы!

У меня не оказалось с собой ничего, чем можно было достать воду, поэтому я на несколько минут позаимствовал ведро у подошедшей к колодцу девушки. Краем глаза я заметил, что она, наполнив ведро, почти бежит от колодца.

12 января Марио Беллини вместе с Регацони ушел на совместную операцию с немцами. Он отбыл с сотней солдат и двумя сержантами - Брайдой и Пиллоне. Беллини выглядел встревоженным. Никто из нас не знал, что означает "совместная операция с немцами".

Кто мог предположить, что мы снова встретимся только много лет спустя в Италии?

* * *

Его место в избе немедленно занял артиллерийский капитан Магальди. Этот молодой офицер (ему было в то время двадцать пять или двадцать шесть лет) был в хорошей физической форме, но обладал очень хрупким телосложением.

Он устроился на кровати Беллини, стоявшей возле стены, за которой находилась печь. Ночью она отапливала помещение, а днем русские женщины готовили на ней еду. Для Магальди это место оказалось слишком жарким. Утром он чувствовал себя плохо, жаловался на головную боль и озноб. Пришлось срочно переставлять мебель в комнате так, чтобы передвинуть его кровать поближе к окну.

Вместе с капитаном к нам вселился его ординарец Белладженте. Малому не повезло. Он попал в окружение всего за несколько дней до своего возвращения в Италию. Поэтому он, как и некоторые другие, оказавшиеся в подобном положении, не получил зимнего обмундирования и начал отступление в летней, полотняной форме. Он с успехом заменил Марио Беллини в роли переводчика, поскольку весьма бойко тараторил по-русски.

* * *

Наступило 15 января.

В последнее время русские не давали о себе знать. Мы думали, что вокруг Черткова осталось лишь несколько

подразделений, прикрывающих отход основных сил русских к Дону.

От Черткова до наших позиций

Глава 28.

15 января

В 6 часов вечера 15 января поступил срочный приказ подготовиться к уходу из города через два часа.

Было уже совсем темно, когда меня послали к капитану Варение, ведавшему выдачей продовольствия. Он приказал получить двухдневный паек и сразу же идти к майору У, который в срочном порядке собирает офицеров.

Я побывал у майора, затем вернулся к Варенне, чтобы узнать детали. Все итальянцы, которые были в состоянии ходить, должны были построиться и приготовиться к маршу не позднее восьми часов. Немцы решили предпринять попытку прорвать кольцо окружения. Когда дорога будет свободна, мы пойдем по направлению к Беловодску, то есть на запад. Перед Беловодском, до которого примерно 60 километров, расположены немецкие позиции. Никто не знал, как далеко эти новые немецкие позиции от Черткова. Быть может, 20 или 30 километров... Ну, уж во всяком случае, не восемь километров, как недавно хвастались немцы.

Итак, долгожданное подкрепление снова не пришло. И вообще, существовали ли эти новые немецкие позиции к западу от Черткова в действительности? Мы больше ни во что не верили. Все наши надежды основывались на звуках далекого боя, которые уж точно были чем-то реальным. Не могут же уши обмануть одновременно всех! Но вдруг это такой же окруженный гарнизон, как и наш, пытается вырваться из кольца? Подобную возможность тоже нельзя осбрасывать со счетов. И еще одна мысль в большей или меньшей степени тревожила каждого. Мы собирались спасти свои собственные жизни, иными словами, жалкие остатки того, что не так давно было отличным армейским корпусом CSIR. Но как быть с двумя тысячами раненых и обмороженных, которые не могли ходить, а значит, были вынуждены остаться в Черткове - в госпитале, в лазарете и в многочисленных избах, разбросанных по всему городу?..

Мы с ними жили одной жизнью. Они испытывали те же надежды и терзались теми же страхами, что и мы, они сражались вместе с нами и, как и мы, страдали от убийственного климата, а теперь мы покидали их, оставляли в руках врага? Я старался не думать об этом.

* * *

Варенна приказал мне обойти все без исключения избы, в

которых расквартированы солдаты из 30-й бригады, приказать людям срочно получить двухдневный паек и предупредить тех, кто может ходить, чтобы они были готовы "идти работать на позиции на несколько дней". Сбор назначался напротив дома Варенны. Из всех изб каждые два часа к нам должен был приходить посыльный, чтобы поддерживать связь.

Несколькими днями раньше мы составили подробный план нашей зоны, поэтому у меня не было никаких трудностей с обходом изб. Меня сопровождал сержант Мартано, заместитель командира моего взвода. Он как-то рассказал мне, что ему приснился странный сон, из которого становилось ясно, что 16 января произойдет важное событие. Теперь он вспоминал об этом и никак не мог успокоиться.

В некоторых избах солдаты 30-й бригады жили вместе с бойцами из других подразделений, и там уже знали новости. Все обсуждали наш уход из города, причем без добавления фразы "для работы на немецких позициях". С ее помощью Варенна хотел уберечь тех, кто не мог ходить, от отчаяния.

В последнем или предпоследнем доме я увидел Caporalino, маленького связиста из 2-й батареи, которому я помог в "Долине смерти". Он радостно приветствовал меня и тут же сообщил:

- Я не могу идти на работы, signor tenente, я ранен, вы же знаете.

- Послушай, - нахмурился я, - речь идет не о работах. Это совсем другое. Собирайся и выходи вместе со всеми. Можешь считать это приказом.

- Да, сэр. Как скажете.

Больше я его не видел, но точно знаю, что он вернулся в Италию.

Закончив обход изб, мы вернулись к себе.

* * *

Мартано, которого послали в штаб узнать новости, вернулся и доложил, что там вовсю идет подготовка к отъезду. Если после разговора с Варенной я еще не был до конца уверен, что тревога не окажется ложной, то теперь тоже начал собираться. Один из солдат, который ушел вместе с Беллини, вернулся и рассказал, что в тот вечер немцы расстались со старой формой и облачились в новую.

* * *

Мы плотно поели и прочитали вечерние молитвы, благодаря которым (в этом я абсолютно убежден) наш дом остался невредимым, в то время как все соседние, в большей или меньшей степени, пострадали от обстрелов.

Затем мы натерли ноги мазью против обморожения и тепло

оделись. У меня теперь имелась пара новых носков и отличная пара верхних теплых чулок гамаш, подарок от Валорци. Мучившая меня раньше проблема промокших ног была решена раз и навсегда. Еще у меня появилась пара армейских рукавиц, которые, если я их не надевал, по немецкой моде болтались на шнурке на шее.

Последние часы в избе мы провели спокойно лежа на тюфяках. Ординарцы затеяли приготовление макарон, но не успели завершить начатое: пора было уходить. Макароны остались русским.

Капитан Магальди, которого продолжала терзать головная боль, решил идти вместе со всеми.

* * *

Часы показывали начало восьмого. Я приказал своим людям одеваться и выходить строиться на дорогу перед избой. Что ждет нас теперь? Сумеем ли мы получить долгожданную свободу, которая все время маячила впереди, но в последний момент ускользала? Я мысленно попросил помощи у Господа.

Реджинато, мой ординарец, в Черткове всегда носил мой фотоаппарат на шее. Сейчас, увидев, что я сам взял аппарат, он с горечью проговорил:

- Вы решили нести его сами, signor tenente, потому что понимаете: мне не дойти... - и он указал на свои обмороженные ноги.

- Что за чепуха! - воскликнул я и протянул ему фотоаппарат. - С чего ты взял, что не сумеешь дойти? Неси его, пожалуйста, если хочешь. Хотя нет, с какой стати я должен потакать глупостям? Я сам понесу аппарат.

Судя по его растерянному, грустному взгляду, я не убедил его.

И Реджинато действительно не дошел.

* * *

Когда люди построились, Антонини и я заняли место во главе колонны, и мы тронулись в путь. Снег громко скрипел под ногами. Мороз не стал долго ждать и немедленно принялся усердно трудиться над своими пленниками, проникая под одежду, кусая и щипая нас со всех сторон.

Капитан Магальди шел одним из последних, почти повиснув на руке своего ординарца Белладженте. Неожиданно он потребовал, чтобы его отвели обратно в дом. Он заявил, что не сможет идти. Как мы ни старались, было невозможно уговорить его сделать над собой усилие. Белладженте бегом вернулся в избу и заручился обещанием русского хозяина дома, что тот на следующий день доставит больного в госпиталь{16}.

В соседней избе остался младший лейтенант Сальвадор, уроженец Триеста, служивший в 62-м батальоне.

* * *

Возле жилища майора У собралось много людей. Все ждали. Солдаты находили в толпе знакомые лица, заводили оживленные беседы. Я присоединился к моему взводу.

Так прошло больше часа. Мы видели, что дорога, ведущая к центру города, постепенно заполняется людьми. Общая колонна вполне разместилась на улице маленького провинциального городка. Нам было далеко до бесконечного потока людей, который двигался по заснеженным дорогам в первые дни отступления. Мы немного походили между домами, затем присоединились к общей колонне. В конце концов двинулись вперед: сначала - дивизия Торино, вслед за ней - Пасубио, затем - остальные армейские подразделения. Будучи артиллерийской бригадой армейского корпуса, мы замыкали шествие.

Немцы шли впереди вместе с несколькими итальянскими частями, которые должны были оказать помощь во время прорыва. Очень медленно, постоянно останавливаясь, мы пересекли небольшую площадь, где стояли танки, затем прошли через центр города. Даже не верилось, что мы видим эти места в последний раз. Я старался все запомнить как можно точнее.

Когда мы подходили к железной дороге, с проезжавших мимо саней меня окликнул офицер. Это был Триосси, с которым мы неоднократно встречались в госпитале. Я сразу же спросил у него о Канделе и получил обнадеживающий ответ. Оказалось, что он где-то впереди тоже едет на санях.

Остановки следовали одна за другой. Некоторые длились вечность...

Часто до нашего слуха доносились автоматные очереди. Очевидно, русские нервничали.

Над нашими позициями, к которым мы шли, не было видно даже вспышек. Возможно, они уже давно покинуты.

Время тянулось бесконечно, мы все еще находились в черте города. Главную опасность в ту ночь для нас представлял мороз. Температура, судя по моим ощущениям, опустилась ниже 30 градусов, и мы переносили ее с большим трудом. Люди все чаще с тоской поглядывали на стоящие вдоль дороги дома. Они выглядели невероятно привлекательными. В конце концов солдаты начали группами отделяться от колонны и заходить в дома. С трудом наведенный порядок нарушился. С каждым часом организованное воинское подразделение начинало все больше походить на толпу. В итоге от колонны почти ничего не осталось.

В компании Антонини и Мартано я тоже зашел в дом. Там

уже были немцы. Тогда мы заглянули в один из подвалов. В нем мы обнаружили солдата, который лишился части ноги. Но он все равно намеревался попытать счастья и хотел идти, опираясь на длинную сучковатую палку, которую приспособил для этой цели.

Выбравшись из подвала, мы сделали несколько шагов и наткнулись на пять или шесть трупов, лежащих посередине темной дороги. Похоже, снаряд упал прямо на колонну.

Второй дом был уже покинут немцами. Мы разыскали огарок свечи и зажгли его. На столе стояли тарелки с остатками пищи - масло, мед, яблоки. Здесь я заметил одну странность: рядом лежала горка пуговиц с выбитыми номерами. Все они были перевернуты так, чтобы цифр не было видно. И лишь одна пуговица лежала цифрой вверх, причем это была цифра 13.

Снова на улицу. Мороз, казалось, усиливался с каждой минутой. На снегу чернели брошенные немецкие грузовики. Дорога пошла вверх, и вскоре город остался позади. У дороги стояла только одинокая изба или хлев. Мы решили, что вышли из города на юг или юго-восток.

В хлеву было темно и холодно.

Дальше простиралась бескрайняя степь.

Мы провели здесь много часов. В помещение набилось столько народу, что невозможно было пройти, чтобы не наступить на кого-нибудь. Приходилось часто подходить к двери, чтобы удостовериться, что мы не отстали от колонны. Привалившись к стене, я засыпал стоя. Потом я услышал, что кто-то зовет меня по имени. Хотя я пребывал в состоянии полусна, но тем не менее почувствовал: что-то не так.

Это был лейтенант Маэстри, командир 30-й бригады. Сильный холод вызвал у него сердечный приступ. Ему было очень плохо. Когда его люди сказали, что видели меня, он попросил меня подойти. Мне показалось, что он уже одной ногой на том свете. Антонини и я сели рядом с ним на землю. Больной лежал вытянувшись во весь рост на соломе.

Пламя горящих свечей лишь немного рассеивало темноту. Маэстри не шевелился, только тяжело и неровно дышал. Он жаловался на У, который всегда требовал от него невозможного, из-за этого он и надорвался. Он понимал, что останется здесь, на соломе, предоставленный собственной судьбе. Но надеялся, что, если остановка затянется, он успеет прийти в себя.

Его ординарец, молча приткнувшийся в сторонке, казался совершенно ошарашенным. Он никак не мог взять в толк, что командир настаивает, чтобы его здесь бросили. Но, к счастью для Маэстри, остановка затянулась на три или даже четыре часа, и ему стало легче.

В очередной раз выглянув на улицу, мы обнаружили, что хвост колонны уже в доброй сотне метров впереди. Пора было выходить на улицу.

Терпеть жгучий холод становилось все труднее. Сколько мы еще сможем выдержать, если после каждых двух шагов - часовая остановка? Сзади мы видели огромное красное зарево. Это горели немецкие склады. Наши склады никто не поджигал. Врач, оставшийся в госпитале (сам тоже многократно раненный), который немного говорил по-русски, получил задание объяснить врагу, что мы сохранили склады специально для наших раненых. Что с ними будет? Мысль о несчастных заставляла меня содрогнуться. Возможно, русские уже в городе...

Как медленно ползет время! Господи, помоги нам встретить рассвет!

* * *

Холод доставлял немыслимые страдания. Глядя на скрючившиеся, согнутые фигуры, я мало-помалу начал чувствовать, что перестал быть разумным и независимым человеческим существом. Я стал мельчайшим атомом страдающего человечества, крошечной частичкой вселенской боли и скорби. Позже я много раз думал об испытанном мной тогда чувстве, но так и не смог четко выразить его словами. Мы все индивидуалисты, и невозможно описать, что в какой-то момент собственное "я" становится не важным, растворяется в чем-то несоизмеримо огромном. Мы все возносили молитвы об искуплении грехов наших.

Когда наконец мы пошли быстрее, уже занимался рассвет. Я все время боялся, что придется снова останавливаться, но мы не снижали темпа. Очень часто на дороге попадались брошенные грузовики, засыпанные снегом. Прошел слух, что немцы держали нас так долго, чтобы использовать в качестве своеобразного щита, пока они пытались вдохнуть жизнь в эти машины. Основная часть немецкой колонны была далеко впереди.

Глава 29.

16 января

День еще не начался, когда мы пересекли оставленные позиции русских. Повсюду: в орудийных котлованах, на дороге - в общем, куда ни глянь, лежали тела русских солдат. Они уже успели застыть, превратиться в глыбы льда. Некоторые были в весьма странных позах. У одного, к примеру, были согнуты ноги, словно он стоял на коленях, а его руки вытянуты так, будто он целился в кого-то из ружья. Но только он лежал на боку и не имел в руках никакого оружия. Со всех сторон на снегу виднелись следы, оставленные гусеницами тяжелых танков.

* * *

Дорога пошла под гору. Этот участок мы преодолели почти бегом. В брошенном немецком грузовике лежал раненый немец: крупный, светловолосый и голубоглазый ариец. Он внимательно разглядывал всех, кто, пробегая, заглядывал в грузовик. На парне была новая белая форма. Кто знает, с каким настроением он облачался в это одеяние не далее как сегодня утром? А теперь не пройдет и нескольких часов, как оно станет его саваном.

* * *

Двигаться! Все время двигаться! Мороз снова усилился. Было не меньше 40 градусов. Наши лица облепил снег. На шлемах около ноздрей застыли корочки льда.

Дорога пошла вверх. Впереди слышались выстрелы, где-то неподалеку шел бой.

Время близилось к полудню. Дорога перевалила через небольшой пригорок и снова пошла под уклон. Вверх-вниз, вверх-вниз. Это напоминало американские горки. Такой рельеф местности должен был сохраниться до самого Беловодска.

* * *

Было видно, что далеко внизу деревенские хижины прижались с двух сторон к дороге. Ближайшие к ней горели. Между ними был установлен русский гранатомет, который обстреливал колонну на противоположном склоне - там сейчас находились немцы и дивизия Торино. Из колонны вели ответный огонь.

Нам придется пройти через эту деревню.

Мы прислушивались к очередям русских автоматов. Почти все итальянцы, имевшие оружие, шли в голове колонны. Немцы обещали поставить два батальона в арьергарде, но не сделали этого. Хотя, возможно, у них не хватило людей.

Антонини и я шли во главе дивизии Пасубио. Сначала старшие внимательно следили, чтобы солдаты Пасубио не смешивались с солдатами Торино. Но когда по нашей части колонны открыли огонь из автоматов, никто уже не мог удержать солдат, и они бросились сломя голову вниз по склону: кто бегал быстрее, тот вырвался вперед. Теперь вся колонна бежала, и пытаться установить порядок было бессмысленно.

Мы с Антонини старались держаться вместе.

* * *

Внизу все было покрыто густым дымом. Огонь вели русские "катюши". Снаряды взрывались по обе стороны дороги, но, что удивительно, ни один не упал на нее, поэтому люди не пострадали. Через некоторое время,мы снова услышали знакомый звук, за которым последовала серия взрывов, на этот раз справа

от дороги. Недолет! Больше всего я боялся, что "проклятая ведьма Катюша" подойдет к колонне сзади и прочешет ее огнем. Вот тогда уж точно никому мало не покажется.

Очередной снаряд угодил прямо в грузовик, затормозивший у подножия холма. Несколько человек упали на землю.

В нашей части колонны почти ни у кого не было оружия. Не хватало нам и дисциплины. Между домами могли прятаться только жалкие остатки русских, которые сумели ускользнуть от немцев. Но для нас, тысячи невооруженных людей, они представляли серьезнейшую угрозу.

Панику преодолеть невозможно. Страх - нормальное выражение человеческого инстинкта самосохранения. В зависимости от характера конкретного индивида, он может подчиниться доводам рассудка, иногда его может подавить чувство долга. Но только не паника. Охваченный паникой человек перестает быть хозяином самому себе, он не способен управлять своими поступками: препятствия, которые в иной обстановке он преодолел бы с легкостью, становятся для него непреодолимыми.

Многие из нас когда-то проявляли доблесть в боях, справлялись с любыми трудностями, показав себя с лучшей стороны. Но в тот момент об этом никто не думал. Даже те, у кого было в руках оружие, были не способны принять разумное решение и попытаться оказать сопротивление явно немногочисленному врагу. Люди в панике бежали сломя голову и не разбирая дороги. Катастрофа!

Когда мы входили в деревню, передние ряды колонны остановились. Все сгрудились на дороге, не решаясь пройти последний ряд домов, за которыми колонна простреливалась врагами. Неужели они не понимали, что промедление смерти подобно?! Что может быть проще, чем расстрелять бестолковую толпу? Я заорал во весь голос: "Вперед! А то будет поздно!" Мало-помалу люди двинулись вперед.

Мы шли по белому заснеженному склону. Со всех сторон нигде не было видно ни пятнышка. Моим единственным желанием в тот момент было побыстрее убраться отсюда. Здесь мы представляли собой идеальную мишень. Каждую секунду я ждал смерти.

По дороге мы увидели нескольких убитых и раненых. Жертвами одного снаряда стали и немцы, и итальянцы. Раненый немец стоял на коленях, тяжело опираясь одной рукой на снег. Вторую он протягивал к нам, словно призывая кого-нибудь взять его за руку и повести за собой. Лежащий на снегу итальянец тоже смотрел на нас перепуганными, расширенными от боли глазами. Дрожащим голосом он все время повторял: "Signur... Signur..."

* * *

Через некоторое время мы вступили на участок дороги, буквально заваленный телами русских{17}. Тут же были разбросаны обломки саней. Очевидно, эти люди пытались уйти от погони, но немецкий танк оказался быстрее. Чуть в стороне лежало тело русского офицера.

На белой дороге я заметил небольшой черный предмет. При ближайшем рассмотрении это оказался маленький молитвенник, наверняка утерянный одним из моих соотечественников. Я подобрал книжечку и опустил ее в карман. Пусть останется на память.

Надо идти вперед.

Антонини шел даже быстрее меня. Я несколько раз предупреждал его, чтобы он не тратил зря силы. Впереди еще 50 километров пути.

Колонна сильно растянулась. Сзади нас она была черного цвета, впереди - черно-белая.

Мы начали догонять немцев. На обочине дороги стояли брошенные немецкие грузовики.

Обернувшись назад и сверху посмотрев на деревню, через которую все еще проходила колонна, можно было увидеть, что слева за домами двигались маленькие фигурки людей, одетых в хаки. Их было не больше двадцати. Это были русские, должно быть с немалым удивлением следившие за нашим бегством.

Мы прошли мимо немцев, отошедших к копне сена возле дороги, чтобы справить нужду. Потом обогнали пожилого немецкого солдата, который очень старался не отстать от остальных, но у него это плохо получалось.

* * *

А со стороны деревни все еще иногда слышались звуки автоматных очередей.

Кажется, все, а не только Антонини и я, постоянно ждали, что над нашими головами снова засвистят снаряды. Поэтому в какой-то момент колонна самопроизвольно сместилась влево и протоптала довольно широкую дорогу, идущую параллельно главной. Через несколько километров обе дороги слились в одну.

Мы прошли мимо двух немцев, которые тянули за собой санки в форме лодки, на которых лежал их раненый товарищ, возможно чей-то брат. Было ясно, что им очень тяжело. Время от времени они обращались к кому-нибудь с просьбой о помощи, но всякий раз напрасно.

"Катюши" больше не стреляли. Мы вздохнули свободнее. Но продолжали быстро идти вперед. Снег стал глубоким. Чтобы не проваливаться, мы старались двигаться по оставленной танками

колее. Мы преодолели еще две "горки" в полной тишине. Был слышен только скрип снега под ногами.

День был солнечным и ясным. По обеим сторонам дороги тянулась бесконечная заснеженная степь. И нигде ни хижины, ни намека на жилье.

Сильные порывы ветра изредка швыряли в людей снежные заряды. Мы чувствовали себя одинокими и потерянными в бескрайней белой пустыне. Теперь колонна двигалась почти без остановок. Мне казалось, что природе абсолютно безразличны все наши жалкие попытки выжить. Что мы представляем собой в сравнении с ней? Жалкую кучку бестолково копошащихся муравьев. Иными словами, ничто. Она столь же неизмеримо велика, сколь мы ничтожно малы. Мне больше никогда не доводилось испытывать это неприятнейшее чувство.

И тогда я понял, почему русские строят такие ненадежные дома и кладбища, с годами исчезающие с лица земли. Они подчиняются воле природы и не желают ни в чем идти против нее.

* * *

Далеко впереди в небе появились бесшумные самолеты и принялись описывать круги. Русские? Немцы? Судя по манере полета с частым переходом в крутое пике, это были немцы. Вскоре их окружили красные облачка, оставленные взрывами противовоздушных снарядов.

Вперед, только вперед.

В одном месте дорога проходила по небольшому мостику, переброшенному над балкой. Внизу мы увидели огромный немецкий танк. Брошенный. Рядом валялась окровавленная форма танкиста. На обочине у моста стояло немецкое противотанковое ружье, уставившееся своим грозным дулом на танк. Возле него никого не было видно. Очевидно, его использовали русские, чтобы подбить танк. Но где же тогда стрелки?

Снова вперед.

* * *

Мы стали замечать явные признаки паники среди возглавляющих колонну немцев: на дороге все чаще виднелась брошенная техника, разбитые ящики с боеприпасами, пулеметные ленты, которые обычно немцы носят на шее. Что-то случилось?

Надо идти. Мы с Антонини старались двигаться как можно быстрее. Следовало во что бы то ни стало добраться до немецкой части колонны и выяснить, что там происходит.

* * *

Время от времени мы гадали, чем закончилось дело в той

деревне за Чертковом, где колонна подверглась нападению. И только позже узнали, что русским - а их там было около тридцати - в конце концов удалось разделить колонну на две части. Сначала они ее обстреляли издалека, нанеся серьезный ущерб и посеяв панику, вслед за тем они установили два орудия прямо на дороге и перерезали колонну.

Свидетели рассказывали, что 400-500 наших соотечественников, в основном раненые и обмороженные, которые не могли идти быстро и плелись в хвосте, попали в плен к русским. Их разогнали по избам, возле каждой поставили часового. Некоторым итальянцам удалось ускользнуть, и они позже догнали нас. Еще я слышал, что между избами стоял неподвижный русский танк, из которого вел огонь один-единственный пулеметчик.

* * *

С востока дул постепенно усиливающийся холодный ветер. Периодически он швырял на дорогу снежные заряды. Мороз становился невыносимым. За период нашего пребывания в Черткове таких морозных дней было немного.

Незадолго до второй остановки Антонини попросил меня идти помедленнее.

Впереди, у подножия очередного склона, показалась деревня. Мы решили остановиться там, чтобы попить воды.

* * *

Сжимая в руках пистолеты, мы вошли в избу. Там было тепло и очень душно, как это обычно бывает в русских избах, где окна не открываются. Не говоря ни слова, женщина подала нам кружку с водой.

Снова вперед. В колонне явно происходило что-то странное. Немцы сформировали взвод, который не пропускал итальянцев вперед. И пройти мимо них не было никакой возможности.

К нам присоединился Белладженте, ординарец капитана Магальди.

* * *

Мы подошли к подножию широкого, пологого и очень длинного склона. Остановка. Колонна, растянувшаяся по всему склону (передние ряды уже достигли вершины, а задние только подошли к подножию), стояла неподвижно. Наверное, где-то впереди шел бой.

Наступил полдень. В чистом, бледно-голубом небе летали самолеты. Воздух дрожал от рева сирен. Мы молча наблюдали, как крылатые машины входили в пике, затем быстро набирали высоту. Мы видели, как вниз летели темные бочонки бомб и затем взрывались, взметнув в воздух гигантские столбы черного

дыма. Грохот взрывов, должно быть, разносился очень далеко по заснеженной пустыне. Колонна сбилась в кучу неподалеку от вершины склона. Небольшая возвышенность, поднимавшаяся слева от дороги, скрывала от нас долину. Именно туда направлялись небольшие группы одетых в белое немцев. Они устанавливали пулеметы. Одни белые фигуры стояли неподвижно, вглядываясь куда-то перед собой, другие суетились около орудий.

Над долиной тоже летали самолеты. Они ныряли в смертоносные пике, сбрасывали бомбы, улетали. Им на смену тут же появлялись следующие. В небе постоянно кружилось пять или шесть "птиц".

* * *

Сюда, на новую линию укреплений, образовавшуюся совсем недавно, русские, обнаружив, что мы покинули Чертково, перебросили значительные силы. Кроме того, они спрятали между избами четыре танка ("Т-34", тогда считавшиеся лучшими в мире) и бронеавтомобиль. Когда авангардные силы немцев уже прошли большую часть деревни и открыли огонь в надежде прорвать линию укреплений, русские танки появились из своих укрытий и понеслись прямо на колонну, сметая все на своем пути.

Немецкие войска сначала рассеялись, но очень скоро весть об атаке распространилась по всей колонне, и четыре танка (из них два маленьких) немедленно вернулись. Подминая под себя и собственную пехоту (тех, кто не успевал увернуться), они ринулись на русских. Последовала молниеносная схватка. Все русские танки были подбиты, бронеавтомобиль попытался скрыться, но был настигнут огнем немецкого танка. Один из русских танков взяли на буксир в качестве военного трофея{18}.

Колонна снова тронулась в путь.

Мне рассказали, что те самые самолеты, пикирующие над долиной, впоследствии долго преследовали остальные вражеские танки, не давая им обойти нас и напасть сзади.

Я не слишком хорошо знаю людей, от которых это услышал, поэтому не могу поручиться за точность информации. Но полагаю, что она вполне достоверна{19}.

* * *

Теперь по склону вверх неслась людская толпа. Итальянская колонна в очередной раз перестала быть воинским подразделением. Она превратилась в сборище перепуганных, не способных контролировать свои поступки людей.

Медленно кружащиеся снежинки блестели и переливались под зимним солнцем.

Неожиданно в людское море посыпались снаряды. Стрелял всего лишь один миномет, причем небольшого калибра. Но когда снаряд попадает в плотную толпу, каждый осколок непременно отыщет свою жертву.

Я сам видел летящую в воздухе верхнюю половину человеческой головы с развевающимися на ветру волосами.

Самолеты засекли русский миномет. Два пике, четыре бомбы... И лощина, где он был спрятан, оказалась разворочена взрывами.

* * *

Много лет спустя младший лейтенант УУ рассказал, что одним из осколков его солдату аккуратно отрезало яйца. Невезучий малый туго перевязал рану, подобрал валявшиеся на снегу яйца, положил их в карман и пошел дальше. В Беловодске он подошел к УУ, показал ему продолжавшую кровоточить рану и лежащие на ладони среди крошек бисквита сморщенные и потемневшие яички. Беднягу очень интересовало, смогут ли ему пришить их в госпитале.

* * *

Наконец и мы добрались до вершины склона и получили возможность видеть деревню, где шел бой. Антонини немного приободрился и теперь шел достаточно быстро, придерживаясь за упряжь шагающей рядом лошади. Я очень устал, но старался не снижать скорости. Я очень опасался, что незащищенный арьергард может в любой момент подвергнуться нападению русских танков.

И вот перед нами первые избы.

На снегу - мертвые немцы. Рядом - сгоревшие вражеские танки.

Чуть впереди - зарывшийся в снег русский танк. Он увяз так глубоко, что над сугробом виднелась только верхушка орудийной башни. За ним и спрятался тот самый зловредный миномет, который вел огонь по колонне.

Несколько изб горело. Их стены лизали красные языки пламени, казавшиеся удивительно яркими на фоне белого снега.

На обочине дороги русский старик с длинной белой бородой упорно пытался залить водой свой горящий дом. Не понимая бесполезности своих действий, он снова и снова таскал воду из колодца и выплескивал ее на пожарище. Очевидно, ему необходимо было что-то делать, чтобы не сойти с ума.

А высоко в небе натужно ревели самолеты, совершая свои головокружительные пике.

* * *

В конце деревни мы увидели множество тел русских солдат.

На одном из них был итальянский меховой полушубок.

Мы прошли мимо лейтенанта Маэстри, который уже полностью пришел в себя. Он шагал вместе с небольшой группой офицеров, возглавляемой майором У. Я хотел присоединиться к ним, но Антонини не согласился.

* * *

В этой деревне пала лошадь, которая везла лейтенанта Занетти. Убедившись в тщетности попыток идти на пораженных гангреной йогах, Занетти попросил кого-то из солдат отвести его в ближайшую избу и оставить там.

Но он не смог спокойно дожидаться смерти. Через некоторое время он вышел из избы и двинулся вслед за колонной на четвереньках! Забегая вперед, скажу, что он выжил, но лишился обеих ног.

Позже я узнал, что Канделе тоже пришлось большую часть пути преодолеть пешком и он серьезно обморозился. А Лугареци об руку со своим верным ординарцем Боцца, оба серьезно обмороженные, шли вслед за колонной в течение бесконечно долгих часов. Их окружала только бескрайняя заснеженная равнина и тишина, изредка нарушаемая зловещим завыванием ветра.

* * *

Оставив позади деревню, мы попали в длинную, неглубокую балку. В ней тоже часто попадались тела погибших русских солдат. Снег здесь перепахали немецкие танки.

Неожиданно справа показалось три самолета. Они явно держали курс на головную часть колонны, скрытую от нас высокой растительностью. Это были русские? Или немцы? Издалека невозможно было разобрать.

Вскоре мы получили исчерпывающий ответ на свой вопрос. Самолеты полетели над колонной, поливая ее сверху пулеметным огнем. Люди попрятались кто где мог. Я упал на землю и отполз в сторону с дороги. Когда самолеты пролетели над нашими головами, мы с Антонини встали на ноги.

Нам повезло, что русские были (не знаю, может быть, сейчас положение изменилось) совершенно бездарными авиаторами. Стреляя по безоружной колонне, они сумели убить лишь одного человека.

* * *

Длительная остановка.

Темнело. Ветер, который в течение дня все время то слабел, то снова усиливался и постоянно менял направление, теперь дул с юга, но не стал от этого более теплым и пробирал до костей. Я без устали топал ногами, подпрыгивал, иногда принимался бегать

на месте, чтобы окончательно не замерзнуть.

Следовало воспользоваться остановкой, чтобы немного подкрепиться - у меня были с собой галеты и мясные консервы. Но мясо превратилось в кусок льда, от которого я с помощью перочинного ножика сумел отколоть только несколько маленьких осколков.

Затем мы попытались навести в колонне хотя бы какое-то подобие порядка и снова разделить сбившихся в кучу людей на Торино и Пасубио. Но быстро поняли, что это бесполезно.

* * *

К нам присоединился младший лейтенант Конти, с которым мы жили в Черткове в одной избе. Спасаясь от холода, мы, как и многие вокруг, сели тесно прижавшись друг к другу и накрылись сверху моим одеялом. Это не слишком помогало.

Неподалеку я услышал незнакомый голос, говоривший на старо-миланском диалекте. Я едва мог поверить своим ушам. Было так странно слышать в этом ужасном месте мамин говор, когда она пела нам колыбельные, а мы были еще детьми. Мне стало очень грустно, на глаза навернулись слезы.

Нет! Нельзя расслабляться! Сейчас не время!

Почему же остановка так затянулась?

Долго ли нам еще идти?

И правда ли, что нам предстоит добраться до окруженного немецкого гарнизона и помочь ему прорвать кольцо?

Мороз становился непереносимым. Хотя мы едва держались на ногах от усталости, все равно были вынуждены постоянно находиться в движении. Надежды постепенно покидали нас.

Мы снова тронулись в путь, когда небо впереди приобрело угрожающий фиолетовый оттенок.

Самолеты сделали прощальные круги над колонной и скрылись из виду. Мы свернули направо и теперь двигались прямо на север. Почему именно туда? Наш маршрут пролегал через заросли очень высокой мертвой травы. Создавалось впечатление, что мы идем по длинному коридору между двумя стенами. И лишь иногда издалека доносился звук выстрела.

* * *

Мы сделали еще несколько коротких остановок, но в целом колонна снова пошла быстрее. Удалось даже навести относительный порядок. Несколько сержантов из берсальеров все-таки разделили людей на Торино и Пасубио и теперь бдительно следили за тем, чтобы ряды вновь не смешались. Для этого им приходилось беспрерывно покрикивать на не желающих подчиняться дисциплине солдат, иногда они в ярости даже палили в воздух.

* * *

Трава кончилась. Перед нами опять была ровная, заснеженная низина. Мы шли и все время поглядывали на запад, ожидая в любую минуту увидеть свои линии укреплений. Но вместо этого нас в очередной раз приветствовали знаменитые русские "катюши". Их снаряды падали в снег немного в стороне от нас, окутывая колонну клубами золотистого дыма. Значит, и здесь нас поджидает враг!

Надо идти вперед. И стараться ни о чем не думать.

Мы с Антонини как-то незаметно перешли демаркационную линию между Торино и Пасубио. Я увидел нескольких устало шагавших знакомых офицеров. Стемнело.

Мы свернули налево. Теперь наш курс снова лежал на запад.

Колонна сильно растянулась, "похудела", и в итоге распалась на несколько изолированных групп. Во главе шли немцы и часть итальянцев, затем, в некотором отдалении, Пасубио, в хвосте колонны тянулась неорганизованная толпа итальянцев. Причем группы разделяло довольно большое расстояние. Если хвост колонны, состоящий сплошь из невооруженных людей, подвергнется нападению противника, нетрудно предположить, чем кончится дело.

Мы вошли в деревню. Думаю, это была Стрельцовка.

Теперь, пожалуй, мы все, не исключая немцев, были похожи на заезженных кляч.

Я попросил Антонини остаться на некоторое время с Белладженте и немного перевести дух. Я же намеревался добраться до начала итальянской колонны и попытаться прояснить обстановку. Мои нервы были настолько напряжены, что я не мог идти медленно.

В темноте я заметил расположившихся между избами немцев. Возможно, они занимали позиции?{20}

Антонини взорвался: "Значит, ты хочешь меня бросить! Тоже мне друг называется!"

Я молча рванулся вперед, мысленно оправдываясь, что не обязан сносить вспышки раздражения и гнева даже самых лучших друзей. Но при желании можно найти оправдание любому поведению, даже самому недостойному. А правда заключалась в том, что я больше не владел собой.

Прошло совсем немного времени, и я услышал голос Аитонини, окликающий меня по имени. Я не ответил. Я бросил своего друга.

(Несколькими днями позже мы встретились, уже вырвавшись из "котла". Антонини ни словом не упрекнул меня, только крепко сжал в своих объятиях.)

Глава 30.

16 января

Теперь я был один.

На деревню обрушились "катюши". Немцы лежали прижавшись к земле и даже не пытались открыть ответный огонь. Яркие вспышки взрывов освещали скорчившиеся на снегу фигуры. Кажется, никто не пострадал.

Вперед!

Мы уже подошли к последним домам, когда рядом взорвалось еще несколько снарядов.

Впереди начинался очередной пологий склон, которому не было видно конца. Единая колонна теперь разбилась на две, двигающиеся параллельно. С левой стороны двигался транспорт, в том числе и немногочисленный итальянский, в полутора или двух километрах справа змеилась кажущаяся бесконечной цепочка людей.

Перед началом подъема я сунулся было в ближайшую избу, чтобы немного передохнуть в теплом помещении. Выяснив, что там для меня не найдется места, я устало присел рядом с незнакомыми солдатами прямо на снег, привалившись спиной к стене какого-то полуразрушенного строения.

Мороз, видимо, решил испытать на нас всю свою богатырскую силушку. Еще несколько минут в неподвижности - и я уже никогда бы не смог встать.

* * *

Я начал подъем в колонне транспорта. В ней попадались сани с итальянцами. Я понадеялся, что Антонини сумел найти на них место, и решил его поискать. Но мои долгие блуждания в темноте между санями и громкие крики не дали результата. Тогда я приказал себе больше не думать о друге. Мне необходимо было сконцентрировать всю свою энергию на том, чтобы идти дальше. Сколько я еще выдержу?

* * *

Немецкие грузовики, выплевывая клубы дыма, тянулись вверх по склону. Их колеса казались удивительно черными на фоне белого снега. Тощие лошади с неимоверными усилиями тянули наверх перегруженные сани. От выносливости этих неприхотливых животных сейчас зависели жизни множества людей.

А ветер словно решил сдуть нас с этого света. С маниакальным упорством он старался проникнуть под одежду и выдуть остатки жизни из наших измученных тел.

Как о величайшем наслаждении, мы мечтали полежать несколько часов на полу какой-нибудь хотя бы самой плохонькой

лачуги. Пусть даже нетопленой о таком чуде, как тепло, мы даже не мечтали. Главное, чтобы были стены, защищающие от пронизывающего ветра.

* * *

Я шел и думал о наших правителях, ввязавшихся в войну. Сейчас они находились в далеком Риме, в привычной неге своих роскошных жилищ, спали на мягких постелях...

При этом они послали своих солдат воевать в этот убийственный климат, даже не позаботившись о соответствующей одежде! Как их можно назвать? Негодяи! Сукины дети! И это еще мягко сказано.

Хотя теперь я считаю, что они тоже, как и мы все, были не более чем орудиями в руках Провидения.

Очевидно, в той или иной степени то же самое чувствовал каждый из нас. Поэтому в тяжелые минуты мы значительно реже обсуждали наших правителей или роптали, чем когда дела шли нормально.

Нам казалось невероятным, что те ужасные события, в которые мы оказались вовлечены, зависели от воли нескольких мелких людишек{21}.

Эти люди - наше наказание.

А только один Бог может наказывать человечество{22}.

Иначе войну нельзя объяснить.

Даже если мы пройдем через нее и найдем способ донести до остальных, особенно до непосредственных виновников, настоящий смысл войны, в будущем войны все равно будут продолжаться, вопреки человеческой логике.

Да и в прошлом человек никогда не желал войны. Но чтобы действительно их предотвратить, необходимы совместные усилия всего человечества. Люди должны перестать делать войны неизбежными, продолжая ежедневно и ежечасно грешить. Человеческие грехи имеют свойство накапливаться и в итоге становятся неуправляемой лавиной, которая начинает двигаться, сокрушая все на своем пути, калеча и убивая.

* * *

Я заметил на проезжавших мимо меня санях артиллерийского капитана Тривулци, высунувшего голову из-под одеяла, которым он укрывался. Увидев меня, он моментально скрылся под одеялом, словно боялся моего дурного глаза. Сделав вид, что не понял намека, я устремился за санями и довольно долго шел за ними с упорством автомата, как привязанный. Вскоре колонна остановилась, и я устало присел на краешек саней. Капитан начал смотреть на меня откровенно враждебно, и до меня наконец дошло, что мне лучше убраться восвояси.

Я попытался забраться на другие сани, которые счел итальянскими, но там оказались немцы, которые моментально меня согнали. Пришлось идти дальше.

* * *

Дорога продолжала подниматься вверх, она была ровной, широкой и белой. Я на секунду забыл о лютом морозе и свирепом ветре и посмотрел вокруг. Справа от нас простиралась заснеженная степь, где-то у линии горизонта заканчивающаяся лесом. Слева тянулась такая же белая пустыня, которую перерезала лишь темная змейка колонны. Огромность окружающих нас пространств ошеломляла и подавляла.

В конце концов подъем закончился. Я снова вышел на равнину.

* * *

Мы прошли мимо нескольких огневых точек с установленными там немецкими орудиями. Я хорошо помню, что перед ними лежало множество трупов русских солдат. Один из них, судя по всему азиат, остался поперек дороги. Я обратил внимание на его толстый, добротный шлем, хорошо защищавший лицо. И решил его снять. Это оказалось нелегко, потому что уши мертвеца застыли, превратившись в куски льда. Но я справился с этим делом и только тогда обнаружил, что шлем покрыт кровяной коркой. На широком лице мертвого солдата тоже застыла кровавая маска.

Я натянул шлем поверх моего. Вскоре он согрелся и начал издавать странный запах. "Запах сибиряка", - подумал я. Зато теперь у меня не было необходимости укрывать голову одеялом.

Разные события происходили на том склоне. О некоторых даже не хочется вспоминать. Стыдно.

Один итальянский офицер предложил немцам тысячу марок (7600 лир) за то, что ему позволят десять минут посидеть на санях. Немцы согласились, но через три минуты, прикарманив деньги, выкинули его в снег. Итальянец был уже одной ногой в могиле и не мог себя защитить.

Другой за аналогичную "услугу" отдал свои золотые часы. Люди, умирающие от усталости, предлагали немцам свои пистолеты, которые пользовались среди них большой популярностью.

* * *

Немецкий сержант, шагающий вдоль дороги с группой своих товарищей, весьма приветливо сказал мне по-французски, что мы уже находимся на своей территории. Кажется, в тот момент я еще не осознал всей важности этой информации. Но мало-помалу до меня все-таки дошло: мы вышли из "котла"! Немец также

сообщил, что в 20 километрах впереди находится город Беловодск, недалеко от которого нас ждут итальянские и немецкие грузовики, которые отвезут нас в город. У меня мелькнула горькая мысль, что немецкие грузовики там, конечно, будут, а вот итальянских мы вряд ли дождемся.

И я оказался прав.

* * *

Мы выбрались на отличную дорогу с установленными на обочине указателями. Со всех сторон виднелись знакомые земляные насыпи, откуда торчали весело дымящие трубы. Я снова вспомнил наши обжитые землянки на Дону. Ошибки не было. Мы действительно вышли из "котла". И я больше не должен вечно бежать, спасаясь, как загнанный зверь, чувствуя, что смерть дышит мне в затылок. Я снова увижу мою семью, мой дом, мою Италию.

Я должен был кричать, смеяться, плясать от счастья? Наверное, должен.

Я склонил голову и вознес молитву Мадонне, сохранившей мою жизнь. Я машинально продолжал идти, только теперь думал о тех, кто остался там, на холодных дорогах от Дона до Беловодска. Хотелось надеяться, что многие из них живы, хотя и попали в руки врага. А быть может, их всех уже убили?

Друг мой Цорци!

Последний раз его видели, когда он бежал в атаку. "Он кричал и смеялся, а кровь ручьем лилась из рваной раны на его ноге", - сказал Монтрезор. Сейчас мне казалось, что Цорци смотрит на меня, причем его лицо хранило то же выражение, которое я запомнил, глядя на друга в "Долине смерти".

А где теперь солдаты моего батальона? Преданные, верные товарищи, с которыми я прожил душа в душу много месяцев. Они очень старались спасти себя, но не сумели, отстали... "Нас тоже дома ждут матери, signor tenente, но... (в этом месте они бы развели руками) теперь мы к ним уже не вернемся".

Сколько же людей осталось на той дороге мертвыми, причем не только итальянцев, русских там было не меньше. Нельзя забывать и о немцах, в первую очередь о тех, кто погиб, стараясь расчистить для нас дорогу.

И я принялся истово молиться о мертвых.

По нашим расчетам, из 30 тысяч итальянцев, служивших в 35-м армейском корпусе, которые были окружены на Дону, около восьми тысяч добрались до Черткова. Вечером 15 января мы производили подсчет войск. Получилось около семи тысяч. Примерно пять тысяч человек ушло из Черткова. Из "котла" выбралось не более четырех тысяч. Из них, как минимум, три

тысячи были ранены или серьезно обморожены. Но и среди уцелевших не было здоровых: нервные расстройства, болезни... Проведя месяц в окружении, весьма неплохой армейский корпус превратился в горстку измученных калек, которые едва могли держаться на ногах. Это были даже не люди, а их тени... жалкое подобие бывших солдат.

* * *

На больших деревянных дорожных указателях было написано: "Беловодск", "Старобельск". Я снова шел один, потому что любезный немецкий сержант по дороге отстал.

Наступила ночь, ветер еще больше усилился и теперь дул с тупым упорством, достойным лучшего применения. Наши лица вновь покрыли ледяные маски, причем мне показалось, что на моей физиономии эта маска плотнее, чем когда бы то ни было. (Позже Беллини сказал, что в ту ночь видел на одном из домов Беловодска термометр, который показывал минус 45 градусов по Цельсию.){23}

Еще 20 километров, если верить немцу... Через час я уже сомневался, что смогу одолеть это расстояние. И я снова вознес горячую молитву Мадонне. Только она могла помочь мне добраться до Беловодска.

На дороге действительно ждали немецкие грузовики, хотя их было немного. Они теперь ездили взад-вперед между Беловодском и деревней, где я оставил Антонини (Стрельцовка?), в которой до утра оставался немецкий гарнизон.

И ни одного итальянского грузовика.

Позже я узнал, что один из наших конвоев, подготовленный в Беловодске для перевозки выходящих из окружения солдат, был отправлен немцами куда-то в другое место.

В ту ночь, когда немецкие грузовики завершили перевозку своих солдат, они все-таки начали перевозить итальянцев. Но немецкие водители проявляли удивительное нетерпение, и те солдаты, которых не успевали погрузить на грузовики в установленные немцами сроки, оставались брошенными на снегу.

* * *

На обочинах дороги виднелись многочисленные огневые точки, но теперь без орудий. Я попробовал догадаться, для какой цели их здесь устанавливали, но не смог. Мой мозг был утомлен не меньше, чем я.

Колонна значительно уменьшилась в размерах, распавшись на маленькие, изолированные группы людей. Временами я оказывался на дороге один, ни впереди, ни сзади не было ни единой живой души.

* * *

Я увидел итальянскую санитарную машину и подошел, намереваясь попросить, чтобы меня взяли. Скорее всего, мне бы не отказали, но я подумал о людях, все еще бредущих по дороге в значительно худшем состоянии, чем я, и отошел.

Теперь дорога шла под уклон. В самом конце ее виднелись огни. Судя по всему, это был Беловодск. Но как же до него далеко! Чем дальше я шел, тем яснее понимал, что мне до города не добраться.

Плотнее закутавшись в одеяло, я шел... шел... шел... стараясь не замечать ветра. А тот словно с цепи сорвался: он яростно трепал мое одеяло, рвал полы шинели. Ни одно живое существо не может выжить в таком климате! В вечном холоде нормально себя чувствуют лишь холодные звезды, сверкающие в вышине.

И только великий Бог правит всеми нами, мириадами мерцающих звезд и холодом тоже.

* * *

Мимо меня проехали еще три немецкие машины. Я подтянулся и попробовал забраться на последнюю. Сил не хватило, и я повис, навалившись животом на борт, в то время как ноги болтались снаружи. Боль в животе оказалась настолько сильной, что пришлось отказаться от такого способа передвижения.

И снова я шел по дороге один. Меня не покидало чувство, что очень скоро я просто не смогу переставлять ноги. Тогда я тихо лягу на снег и замерзну. Но разве это справедливо? Разве такое возможно? После того как я преодолел пешком столько километров, ночи напролет спал прямо на снегу, голодал?! И теперь, когда спасение так близко, неужели я сдамся?

* * *

За три или четыре километра до Беловодска я увидел медленно едущие по дороге сани. Их тянули две едва переставляющие ноги измученные клячи. В санях были два обмороженных итальянца и какие-то ящики. Я подошел к вознице, объяснил, что я - артиллерийский офицер, и попросил освободить для меня немного места, поскольку идти больше не могу. Возница ответил, что лошади вот-вот падут от усталости и, если сани хотя бы немного догрузить, они не смогут сдвинуть их с места.

Не слушая ворчания возницы, я залез на сани, закутался в одеяло и приготовился проделать оставшийся путь на санях (предварительно пообещав хорошую плату). Через несколько минут я уже дрожал так сильно, что тряслись ящики, к которым я привалился, а громкий стук моих зубов, думаю, был слышен на много метров вокруг.

* * *

Как меня трясло!

Нам несколько раз приходилось останавливаться, поскольку груз вываливался на дорогу. Неподалеку от дороги я увидел лачугу, которую солдаты подожгли специально, чтобы согреться.

И наконец мы въехали в город. Показалась заброшенная фабрика. Возница решительно направил туда сани и въехал в раскрытые ворота. Первым делом он распряг животных. Мы вошли в замечательно мрачную и грязную комнату, где не было ни окон, ни дверей и по которой ледяной ветер гонял прутики замороженной соломы. Вероятно, где-то рядом можно было найти и теплое помещение, но я решил не требовать от жизни слишком многого.

Я сжевал последние крошки галет, которые нашел в кармане, и растянулся на соломе, укрывшись одеялом. Мои случайные попутчики проявили удивительное благородство и принесли для меня с саней еще несколько одеял. Они же разожгли огонь. Дрожа от холода и высокой температуры, я провалился в сон.

Была ночь 17 января.

Из окружения

Глава 31

Мы вышли из окружения. На этом заканчивается мой дневник. Но наши испытания еще не закончились. Следующее утро было холодным и ясным. С северо-востока доносились звуки орудийного огня. Возле входа в нашу промерзшую комнату билась в предсмертной агонии заезженная кляча. Не знаю, эта лошадь привезла меня в город или она притащила какие-то другие сани. Я сквозь сон слышал, что их подъезжало довольно много. Я прекратил мучения несчастного животного выстрелом в голову и пешком потащился искать штаб.

Я узнал, почему приказ покинуть Чертково был отдан столь внезапно. 19-я бронетанковая дивизия немцев (правда, бронетанковой она была только по названию, поскольку к тому времени танков в ней уже не осталось), которая совместно с несколькими батальонами М несколько недель старалась пробиться к осажденному городу, больше не могла сопротивляться превосходящим силам противника. Ее отступление было вопросом даже не дней, а часов.

50 километров от Беловодска до Старобельска, где разместилось командование 8-й армией, я преодолел на грузовике. Вскоре после моего отъезда Беловодск подвергся массированной бомбардировке русскими самолетами, значительно уменьшившей число счастливцев, вышедших из окружения.

Вечером того же дня, 17 января, штаб спешно покинул Беловодск, не дождавшись, чтобы все вышедшие из окружения были перевезены в Старобельск. Многие из них потом уходили вместе с немцами, но кое-кто не успел и попал в плен к русским.

* * *

В Старобельском штабе мы встретились с группой уцелевших солдат из Кантемировки. Мы узнали, что Кантемировка{24} и Миллерово были оставлены одновременно с Чертковом. Причем в первом случае использовались самолеты, которые в определенный момент уже не могли приземляться, поскольку последние немецкие войска, защищавшие аэродром, разгромили русские, а из Миллерова люди выходили по "коридору", удерживаемому для них бронетанковыми силами на вражеской территории.

На полпути между Старобельском и Ворошиловградом мы на сутки застряли в деревне Новый Дар из-за снежных заносов. Сохранялась опасность снова оказаться в окружении. Одной мысли об этом было достаточно, чтобы свести с ума даже более сильных духом людей, чем мы.

* * *

Я покинул Ворошиловград и на попутном транспорте добрался до станицы Ясиноватой на Донце - пункта сбора оставшихся в живых однополчан. Отсюда на специально оборудованном санитарном поезде мы отбыли в Леопол (Польша).

Путешествие в поезде трудно было назвать приятным. На каждом спальном месте разместилось по два человека, нас постоянно терзал голод и мучили вши. К тому же мы постоянно находились в смрадной атмосфере гниющих гангренозных конечностей. Мы беспрерывно останавливались и по неизвестным причинам часами стояли на станциях, полустанках, а иногда и просто в чистом поле. Многие умерли уже в поезде, в том числе Скотта, которого я встретил в госпитале в Черткове.

Далеко не все желающие попали на этот "специально оборудованный" поезд, многие были вынуждены выбираться с Донца иначе. На перегоне между Сталином и Крисином 15 человек из 100, составлявших личный состав батареи под командованием Конти, замерзли насмерть на открытой платформе поезда, предназначенной для перевозки угля.

Многие умерли в госпитале в Леополе (я провел там семь дней и успел насмотреться на всякое) и в поездах, которые везли нас из Польши в Италию. Так и не увидели Италии Монтрезор, мой верный ординарец Реджинато, а также служившие у Беллини сержанты Пиллоне и Брайда. Брайда, сам обмороженный, в

последний день нашего пребывания в Черткове где-то достал лошадь, отдал ее Занетти и тем самым спас последнему жизнь.

Уже в Италии (я провел двадцать три дня в военном госпитале в Мерано с ревматическими болями и лихорадкой) тоже каждый день кто-нибудь умирал.

* * *

Еще мне пришлось пережить страшную пытку письмами, которые приходили от бесчисленных матерей, отцов и других родственников, ожидавших известий о тех, кто не вернулся. Эти письма были способны разбить даже самое черствое сердце.

Только очень немногие из наших соотечественников, попавших в русский плен, сумели сообщить своим семьям, что живы. Можно себе представить жестокие страдания бесчисленных итальянских семей, долгие месяцы ничего не знавших о судьбах своих близких. Что ж, таковы нравы большевиков.

* * *

В марте я отправился в Мирамар ди Римини навестить Канделу, который находился там в госпитале. Я застал его в постели. Обе его ноги были ампутированы немного ниже колен. Кроме того, он лишился части носа и большинства пальцев на руках. Сразу ставший маленьким, он лежал на спине и с грустью смотрел по сторонам. Обе культи были приподняты вверх и постоянно подергивались, словно он все еще пытался идти.

Послесловие

Я начал эти записки в середине февраля 1943 года, находясь в военном госпитале в Мерано. Я разбирал и систематизировал записи, сделанные мною на всевозможных бланках, открытках, в общем, на любых клочках бумаги, которые попадали мне в руки во время осады Черткова. Я старался аккуратно брать на карандаш все события в хронологической последовательности, ничего не пропуская. Работа была завершена 8 мая во время отпуска, предоставленного мне, как выздоравливающему. Таким образом, со времени последнего описываемого мной эпизода прошло менее четырех месяцев.

Получилось около трехсот страниц воспоминаний. Но в том виде они представляли интерес только лично для меня. Они давали уверенность, что я никогда не забуду трагический опыт, полученный мной на русском фронте. Уходя в армию, я оставил свои записи дома.

8 сентября 1943 года было заключено перемирие и большая часть Италии оказалась в руках фашистов. В то время я служил в Неттунии. Но наши приключения там - это уже другая история.

Я снова увидел родной дом лишь в 1945 году, после того как прошел через весь полуостров с Corpo Italiano di Lfberazione

(Итальянский освободительный корпус). Получилось, что теперь мы союзники большевиков. Это мне не нравилось, так же как и в России меня вовсе не вдохновляла мысль о том, что нашими союзниками были нацисты.

Поскольку существовала опасность обыска немцами любого итальянского дома, мои записки, в соответствии с данными мной инструкциями, были завернуты в непромокаемую пленку и закопаны в землю в укромном месте. Когда в сентябре я наконец попал домой, то первым делом откопал драгоценные бумаги. Записи были в ужасном состоянии, равно как и я сам. Но тем не менее я сумел привести их в порядок, воспользовавшись помощью одной из моих сестер. Мы снова все переписали, стараясь не упустить ничего или почти ничего.

Я занимался этой работой и одновременно готовился к экзаменам в университете (пора было возвращаться к нормальной жизни). Мне очень хотелось опубликовать свои заметки. Зачем? Чтобы рассказать правду. Я хотел написать не только в целом истинную книгу, но чтобы чистейшей правдой было в ней каждое предложение. Я записывал мельчайшие детали, свои мысли, ощущения. Мне казалось, что если я что-нибудь пропущу, то уже не сумею воспроизвести ситуацию в точности в том виде, как я ее видел и ощущал. В то же время я не писал о том, чего не мог вспомнить совершенно точно.

В тексте почти нет диалогов. Я воспроизводил только те, которые мог припомнить с максимальной точностью. Таким образом, меня можно обвинить в чем угодно, но только не в искажении действительности.

На этих страницах абсолютно правдиво изложена моя личная сага.

Иначе писать я не умею. Но я верю, что сумел дать общее представление о некоторых вещах не в ущерб точности.

* * *

Уезжая на русский фронт, я искренне верил, что итальянские солдаты лучшие из лучших. И хотя я хорошо понимаю, что человек рождается не для войны, тем не менее мне было горько лишиться этой веры. В период военных действий на территории Италии я убедился, что англичане и их союзники (я не видел американцев в действии) были во многом не лучше нас, но это - слабое утешение.

Пока писал книгу, я неоднократно подвергался искушению остановиться и бросить это дело. Мне было стыдно и больно писать правду о нас, итальянцах, как о солдатах.

И лишь мысль о том, что невежество в любом случае недопустимо, заставила меня продолжить работу. Чтобы

исправлять ошибки, их необходимо прежде всего признать.

Обстоятельства заставили меня увидеть многое из того, чего не замечали другие. И я решил донести свои наблюдения до широкой аудитории.

Я должен с гордостью отметить, что в Альпийской дивизии дела обстояли совершенно не так, как у нас. Из достойных доверия источников известно, что, очутившись в окружении, итальянцы проявили себя с самой лучшей стороны и наглядно доказали, что являются великолепными солдатами, зачастую более умелыми и доблестными, чем немцы. Их отступление, не в пример нашему, состояло из сплошной череды героических поступков.

* * *

Еще несколько слов я должен сказать о датах. Как я уже упоминал в тексте, через несколько дней после начала отступления мы потеряли счет дням.

В соответствии с весьма схематичным планом, который я набросал по прибытии в Чертково, мы вошли в город 28 декабря. Но в штабе считали, что это произошло 27-го.

Мнения совпали лишь в одном: отступление началось 19 декабря. Откуда у меня появился лишний день? Не думаю, что я сбился со счета во время марша. Скорее всего, ошибка произошла в период ожидания в "Долине смерти". По моим подсчетам, мы там провели четыре дня, в то же время все остальные утверждают, что три. Но как я ни пытался, я не сумел объединить два дня в один. В моих воспоминаниях все равно присутствуют все четыре дня. Я могу вспомнить каждый. Поэтому я и сейчас продолжаю считать, что в "Долине смерти" мы провели четверо суток. Но в тексте я не указывал даты.

Это небольшое затруднение с датами добавляет лишний штрих к пониманию того состояния, в котором мы тогда находились.

Примечания автора

{1} Правда заключалась в том, что без нашего ведома, то есть без ведома солдат, находящихся на передовой, была проведена своеобразная реорганизация, в результате которой оказалось, что в 35-й армейский корпус вошли только две дивизии: 298-я немецкая и Пасубио. Его командование целиком состояло из немцев, поэтому приказ начать отступление был отдан Пасубио немцами.

{2} Pattugliere или иначе ufficiale capo pattuglia OC (Osservazione e Collegamento) - главный офицер наблюдения и связи. Что касается функции наблюдения, это был своеобразный "передовой глаз" артиллерии. Офицер со своими людьми

находился на переднем крае вместе с пехотинцами и мог вести огонь, просматривая вражескую территорию (в отличие от обычных артиллерийских батарей, которые не видят противника). Pattugliere был связующим звеном между любым пехотным командиром и своим артиллерийским подразделением, которому он передавал приказ открыть огонь.

Люди, входившие в группы наблюдения и связи, считались в своих батальонах отчаянными смельчаками. В качестве pattugliere я всегда осуществлял связь со своим собственным батальоном, поэтому в своих записках я говорю о друзьях и знакомых - артиллеристах и пехотинцах.

{3} Дезертирство было обычным явлением, особенно когда на фронте появлялись новые воинские подразделения, еще не прошедшие боевое крещение. Русское командование решало эту проблему по-своему: они внедряли в ряды потенциальных перебежчиков своих людей, пользующихся особым доверием. Оказавшись за линией фронта, такие индивидуумы становились партизанами. Немецкое командование отдало приказ всех дезертиров и перебежчиков считать обычными пленными. Когда эта новость стала известной, поток дезертиров постепенно иссяк.

{4} В итальянском тексте я использовал то написание названий населенных пунктов, которое встречалось на топографических картах (а они были в основном немецкими) и на дорожных указателях. В настоящем издании орфографические транслитерации приведены в соответствии с рекомендациями Американского совета по географическим названиям (American BGN - American Board of Geographical Names) и Британского постоянного комитета по географическим названиям (British PCGN - British Permanent Committee on Geographical Names).

{5} В ноябре и начале декабря в 35-м армейском корпусе (бывший CSIR) все солдаты, которые предыдущую зиму провели в России, были репатриированы и заменены свежими силами. Из ветеранов остались только те, кто, как и я, прибыли после 31 декабря 1941 года. В моем подразделении таких было менее четверти от общего состава.

{6} Только значительно позже я сумел в точности воссоздать все события. Для этого я использовал труды Ufficio Storico dello Stato Maggiore (Исторический отдел генерального штаба), где была детально, хотя, на мой взгляд, не всегда точно, изложена вся информация о происшедших в те времена событиях. Для своих исследований Ufficio Storico использовал не только итальянские материалы, к которым никто, кроме них, не имел доступа, но и советские исторические материалы, ставшие доступными в послевоенный период.

Из упомянутых публикаций я узнал, что вражеские силы, прорвавшиеся к западу от нас, были значительно более многочисленными, чем мы тогда считали. Там было две русские армии: 1-я танковая, в которой насчитывалось 754 танка, и 6-я общевойсковая, в которую входило 10 дивизий и 4 моторизованные бригады. Их целью были: Кантемировка, Миллерово, Татинская и Морозовск. А это означало, что они продвигались на юг и юго-восток, а вовсе не на запад и юго-запад, как Мы ошибочно считали. В то же самое время другая русская армия шла на Морозовск с востока, чтобы захватить противника в клещи. Это была 3-я гвардейская армия, имевшая такую же численность, как 6-я общевойсковая.

(Под Сталинградом 6-я немецкая армия, имевшая в своем составе несколько подразделений 4-й армии, оказалась окруженной не менее чем семью русскими армиями.)

{7} 21 мая 1948 года я был награжден медалью.

{8} Это был P.K.W. IV или P.K.W. V ("пантера"), но точно не P.K.W. VI ("тигр"), которые в то время еще не появились.

{9} После отступления стало известно, что в нашей колонне множество итальянских политических эмигрантов, состоявших на службе в Красной армии. Их цель - шпионаж и саботаж. В первых изданиях этой книги я приводил довольно длительное отступление, в более поздних изданиях, включая настоящее, я даю только краткое примечание.

Вот что мне рассказал лейтенант Пирелли, адъютант минометного батальона Пасубио, с которым мы месяцем позже встретились в военном госпитале в Леополе.

Когда мы находились в "Долине смерти", к нему подошел один из солдат с заявлением, что обнаружил предателей на одном из пунктов первой помощи раненым. (Я не знаю, о каком из перевязочных пунктов шла речь и упоминал ли я о нем в тексте. Судя по описаниям Пирелли, он помещался в небольшой лачуге, рядом с которой стоял стог сена.)

Сюда в течение нескольких дней подряд перевозили раненых из других перевязочных пунктов, где по утрам находили людей, убитых выстрелами в голову.

Солдат Пирелли сказал, что в помещении он заметил четырех итальянских солдат, появившихся на закате. Они быстро завоевали всеобщее расположение тем, что принесли с собой котелок горячего супа, тут же раздав его раненым, и остались ночевать.

Солдат заметил, что под одеялом они спрятали итальянский автомат, удивился, но никому ничего не сказал.

Ночью, когда неподалеку начали рваться снаряды, один из

четверки вытащил автомат и застрелил нескольких лежащих поблизости раненых. Затем кто-то из ходячих раненых вышел на улицу по нужде. За ним следом пошел один из странной четверки с автоматом. Послышалось несколько выстрелов. Тот, что был с автоматом, сразу же вернулся, пряча оружие под шинелью. А раненого, вышедшего по нужде, утром нашли на улице убитым.

Солдат, который рассказал это все Пирелли, клятвенно утверждал, что большинство раненых были в курсе происходящего, но в условиях всеобщей паники и неразберихи на их жалобы никто не обращал внимания.

Пирелли решил немедленно разобраться во всем на месте. Правда, рассказавший ему эту страшную историю солдат был настолько перепуган, что лишь под пистолетом согласился идти вместе с Пирелли, чтобы опознать предателей. Троих арестовали. После короткого допроса было решено отправить их под конвоем к генералу Х. Четвертый засел в доме и не подпускал к себе никого, открывая огонь из автомата в любого, кто приближался.

Вооруженный только пистолетом, Пирелли ничего не мог сделать и пошел узнать, какова судьба троих арестованных, которые отказались отвечать на вопросы Пирелли.

Оказалось, что, хотя один из них и признался, что является предателем, по приказу генерала Х всех отпустили. С одним из троих, эмигрантом из Милана, Пирелли снова столкнулся совершенно случайно. Миланец был одет очень колоритно: отдельные предметы одежды были из гардероба русского офицера, другие - часть военной формы итальянского лейтенанта. Когда его задержали, он нагло заявил, что накануне вечером лично возглавил атаку русских на одном из склонов.

Пирелли не присутствовал на допросе пленных генералом Х и не знал, по какой причине тот их отпустил.

А действительно, почему генерал Х отдал столь странный приказ? Возможно, в тех страшных условиях у всех наблюдались в большей или меньшей степени проблемы с рассудком... Честно говоря, мне не хочется высказывать свое мнение по этому вопросу.

Я слышал еще одну неприятную историю, вполне возможно, речь в ней шла именно об измене. Мне ее рассказал лейтенант из 82-го пехотного полка Торино. Он случайно отстал от колонны. Его догнали несколько итальянцев (один из которых сообщил, что тоже прибыл из Палермо, как и сам лейтенант) и попытались его убить. Не ожидавшему нападения лейтенанту спастись удалось по чистой случайности. Вероятно, это были изменники... Хотя не исключено, что обычные грабители.

{10} Я был не прав. В конце 1942 года русские уже не

убивали священнослужителей, которые попадали к ним в плен. В конце 1942 года из всех пленных они систематически убивали только немцев. Что же касается итальянцев, венгров и румын, независимо от того, были они священнослужителями или нет, убивали лишь тех, кто не мог идти, поскольку остальных гнали пешком на сборные пункты на берегах Дона.

В подтверждение тезиса о систематических убийствах русскими тех пленных, которые не могли самостоятельно идти, я располагаю свидетельством Марио Педрони, младшего лейтенанта 81-го пехотного полка. Он был взят в плен вместе со 111-м полевым госпиталем дивизии Торино, куда был помещен из-за ранения.

"19 декабря 1942 года. В течение нескольких часов колонна транспортных средств, перевозящих раненых из 111-го полевого госпиталя дивизии Пасубио, безуспешно пыталась пробиться в западном направлении. Русские танки перерезали все главные дороги. Вечером колонна остановилась в небольшой деревне. Требовалось дать небольшую передышку измученным раненым. Двумя часами позже русская пехота в сопровождении танков ворвалась в деревню. Мы находились в таком состоянии, что нечего было и думать об организации отпора многократно превосходящим силам противника. К тому же этим мы только навредили бы сами себе, поскольку находились под защитой Красного Креста, а значит, и международных законов. Но русским, скорее всего, было наплевать на существование международных законов и конвенций. Прежде всего, нас самым тщательным образом обыскали и отобрали кое-какие предметы одежды, без которых невозможно было обойтись в здешнем климате. Затем тяжелораненых отделили от остальных (их было около 150 человек), отвели к стене какой-то хибары и расстреляли. После чего мощные гусеницы "Т-34" завершили это богопротивное деяние, вдавив еще недавно живую плоть в землю. Все произошло очень быстро и буднично. Мы стояли рядом и безмолвно взирали на это зверство, не в силах осознать случившееся. Сразу после этого произошел еще один эпизод, после которого у нас уже не оставалось сомнений в том, в чьи руки мы попали. Около 30 офицеров и солдат, которые продолжали лежать в избе, поскольку не могли стоять на ногах, были безжалостно убиты, а избу подожгли. Очевидно, русские автоматчики пристрелили не всех, потому что, когда пламя охватило строение, оттуда еще долго слышались леденящие душу крики несчастных.

Когда с массовой бойней было покончено, русские построили остальных пленных в колонны и погнали в концентрационный

лагерь. Мы шагали через степь в течение четырнадцати дней, причем за это время лишь однажды нам выдали по небольшому кусочку замерзшего хлеба. После этого нас еще восемь дней везли в поезде. На протяжении этого времени наши конвоиры не упускали ни единой возможности продемонстрировать свою жестокость. Десятки пленных, которые больше не могли идти, были расстреляны на месте, а их трупы оставляли на обочине дороги, отмечая таким образом скорбный путь нашей колонны. Путешествие в поезде оказалось отнюдь не легче. В вагоны набивали такое количество людей, что мы могли лишь стоять. Единственной пищей, которую мы ежедневно получали, был крошечный ломтик хлеба. Воды нам не давали вообще. В вагонах стоял адский холод, люди замерзали, гибли от гангрены. Вагоны открывали только один раз в сутки, чтобы выгрузить умерших, которых бросали тут же возле железнодорожной колеи..."

{11} В первых изданиях я утверждал: только 10 процентов итальянцев, попавших в русский плен, вернулись домой. Дело в том, что из-за отсутствия другой информации мы безоговорочно верили заявлениям московского радио о том, что в плен взято 100 тысяч итальянцев. Наш личный опыт подтверждал невиданные масштабы бедствия. И лишь в 1977 году, после публикаций Исторического отдела генерального штаба (Ufficio Storico dello Stato Maggiore), стало очевидно, что речь идет о 55-60 тысячах трудоспособных итальянцев, попавших в плен к русским. В конце войны 10030 человек были репатриированы. Что касается остальных, мы располагаем только заявлениями самих пленных, согласно которым около 40 процентов от общего количества людей умерли от голода и холода или были убиты еще во время переходов на сборные пункты. Из оставшихся в живых 40 процентов (25 процентов от общего количества людей, попавших в плен) умерли в холодных поездах, перевозивших пленных в концентрационные лагеря. 40 процентов от оставшихся в живых (15 процентов от первоначального числа пленных) умерли в лагерях в течение первых четырех месяцев плена от голода и болезней.

{12} Несколькими месяцами позже я узнал, что единственным генералом, который вместе с X оставался с нами до выхода из окружения, был Капицци из Равенны.

{13} Рассматривая наше далекое от совершенства с военной точки зрения поведение, я бы хотел указать на весьма любопытную деталь, замеченную мной значительно позже. Когда много лет спустя мне пришлось читать описание разгрома афинской армии у стен Сиракуз, я был буквально потрясен удивительным сходством. Если можно так выразиться,

существовала несомненная виртуальная взаимозаменяемость между поведением афинян и нашим собственным. Довольно любопытно сравнить поведение афинян и дарианцев - этих немцев греческого мира. Не буду подробно останавливаться на этом вопросе, но рекомендую всем, кто интересуется военной историей, обратить внимание на отмеченные мною факты. Причем я вовсе не ищу для нас оправданий в истории. Наоборот, именно военная немощь Афин привела к упадку и потере независимости городом, а в дальнейшем - к закату греческой цивилизации, явившемуся невосполнимой потерей для всего человечества.

{14} Только трое раненых остались на борту. Они погибли всего лишь через несколько минут... или через несколько десятков минут. Это был тот самый самолет, на котором к нам прилетели, а потом улетели генерал Пецци и полковник медицинской службы Бочетти.

{15} Что касается направления перемещения вражеских войск, см. примечание 6.

Следует упомянуть об одном драматическом эпизоде, о котором мы в то время не знали. В Старобельске, где с октября находилось командование ARMIR, сталинские приспешники совершили массовую бойню, аналогичную событиям в Хатыни. Произошло следующее: польские офицеры и капелланы, захваченные в плен русскими во время вторжения в Польшу в 1939 году, были уничтожены все до единого. Не пощадили и низших чинов. Было это в трех лагерях - Козельск, Остахов и Старобельск. Всего там было убито около 15 тысяч человек. Для мировой общественности начиная с весны 1940 года следы этих пленных терялись. После нашей отправки на родину немцы обнаружили в окрестных лесах массовые захоронения, а в апреле 1943 года в присутствии представителей Международного Красного Креста были эксгумированы тела тех, кто погиб в концентрационном лагере Козельска. Всего было извлечено 4413 трупов. У всех руки были связаны металлической проволокой, и каждый был застрелен пулей в затылок. Судя по обрывкам газет, найденным в карманах убитых, они были застрелены в апреле 1940 года. Тела погибших в Старобельском и Остаховском лагерях не найдены до сих пор. (См. "Великий террор" Роберта Конкеста и другие источники.)

{16} Много лет спустя я узнал от Магальди, что русский выполнил свое обещание. Опасаясь, что его заметят в компании вражеского офицера, он отвел юношу в госпиталь ранним утром, когда на улице было еще совсем темно.

{17} Некоторые из солдат, при жизни выглядевшие тупыми и

злобными, после смерти приобретали удивительно доброе и благородное выражение лица. Я это замечал неоднократно. В то время я еще не осознавал, что эти люди сами являются жертвами коммунистической системы, под гнетом которой они существовали много лет.

{18} Я не хочу создать впечатление, что русские - посредственные солдаты. Как раз наоборот. Они являлись отличными бойцами, в любой момент готовыми к самопожертвованию. Я считаю их самыми лучшими из всех "союзнических" солдат. Они во многом превосходят немцев, особенно когда дело касается владения техникой.

{19} Много лет спустя, изучая свидетельства очевидцев, я понял, что сильно недооценивал число русских танков, а также размах и важность этого сражения. Оно было непродолжительным, но яростным. Читатели, которые хотели бы узнать о нем больше, могут обратиться к мемуарам Марио Беллини.

{20} Если мы действительно находились в Стрельцовке, очень вероятно, что эти немецкие подразделения были не из нашей колонны. Думаю, это были части 19-й бронетанковой дивизии, которая долго и безуспешно пыталась пробиться к Черткову. В любом случае в Стрельцовке мы уже находились за пределами "котла", но пока еще об этом не знали.

{21} Поскольку этот вывод представляется мне крайне важным, думаю, здесь будет уместно привести высказывание одного из самых просвещенных военных деятелей нашего века - маршала Фоша, которое попалось мне на глаза значительно позже. Он писал: "Когда в переломные исторические моменты мы неожиданно полностью овладеваем ситуацией и к нам приходят решения, которые могут иметь важнейшие последствия (так было у меня на Марне), мы обязаны понимать, что находимся в руках высшей силы, которой обязаны этими судьбоносными решениями, а вовсе не себе. Человек никогда не принимает великих решений".

{22} Письмо моему другу Джорджио Бруно Баррези.

"Дорогой Джорджио,

ты просишь меня объяснить поточнее, что именно я имел в виду, выдвинув тезис о войне, как каре Господней, поскольку считаешь, что он может быть неверно истолкован.

Мое мнение следующее.

Первое: Бог (абсолютное Добро) не может желать войны (которая есть зло), поскольку иначе он был бы не Богом, а весьма противоречивым существом, как любое другое.

Только человек может хотеть и (в определенных пределах, увы, довольно широких) творить зло.

Кара Господня заключается в том, что Он позволяет человеку следовать по пути зла, который тем самым все более отдаляется от Него, или, иначе говоря, противопоставляет себя Ему.

Почему Бог это позволяет? Он вынужден. Иначе он должен лишить человека, которого сам же создал свободным, воли. Свобода, которой обладает человек - и это отличает его от всех прочих живых существ, - это свобода выбора между добром и злом. Человек сам выбирает, на чьей он стороне, с Богом или против Него. Если Господь лишит его этой свободы выбора, человек перестанет быть тем, что он есть, и уподобится животному.

Второе: как известно, зло тоже может породить добро. Осознав ужасающие плоды своего отдаления от Господа, человек тем самым получает стимул понять свои ошибки (а значит, снова повернуться к добру).

Третье: Господь в своей любви хотя и не ограничивает человеческую свободу, но не оставляет без внимания решающие моменты в человеческой истории (как отдельной личности, так и общества), помогая человеку спасти свою душу. Любой, даже самый ничтожный человек, имеет возможность получить Его помощь ("постучите - и дверь откроется").

Но тем не менее Бог не может удержать человека или группы людей, если они решительно настроены противопоставить себя Ему и исключить Его из своей жизни. Иными словами, если они захотят выбрать зло. Таким образом, он не мог помешать человечеству развязать войну.

Совершенно ясно, что, даже когда война уже развязана, Бог продолжает ее не желать, потому что она есть зло.

Ты можешь спросить меня, почему в своем дневнике я преподношу проблему так, словно Бог сам наслал на нас войну в качестве наказания.

Ответить на этот вопрос несложно. У того, кто постоянно ощущает присутствие всемогущего Господа в человеческой жизни, Его вынужденные уступки пагубным страстям человека действительно могут создать такое впечатление. Оно возникло не только у меня. В моем дневнике я писал одну лишь правду о событиях, чувствах и мыслях, не исключая и самые сокровенные.

Конечно, даже в то время, когда я находился в самой гуще событий, под вражеским огнем, я понимал, что это не Бог своей рукой послал нам смерть и страдания. Если бы в те дни кто-нибудь поинтересовался моим мнением, я бы ответил, что Он не вмешивается и предоставляет людям (нацистам и коммунистам) возможность разобраться между собой.

Но в то же время что я мог? Что могли мы все желать?

Понятно, что нам, страждущим, больше всего хотелось, чтобы всемогущий Господь напрямую вмешался в происходящие кошмарные события, чтобы Он запретил (конкретным людям в определенном месте) творить зло. Поскольку Он этого не сделал, мы тогда были способны видеть только одно: Он от нас отвернулся. А значит, те страдания, которые мы испытываем, вызваны именно Его невмешательством? Иными словами, это Он послал нам наказание?

И четвертое: нельзя забывать и о том, как страдал невинный Христос, который был распят! Человек страдает не зря. Понимаешь, как это важно?

Кажется, мое письмо слишком длинное.

Как ты знаешь, я сейчас работаю над романом, в котором все перечисленные концепции будут освещены более подробно. Думаю, что роман будет назван "Кони пророчества". (Кстати, как ты думаешь, я был прав, считая, что святой Джон, когда ему являлись пророческие видения, чувствовал то же, что мы тогда в России? По-моему, кое-что в его словах на это указывает. Или ты не согласен?)

Твой друг Эудженио".

{23} Такая же температура была зафиксирована солдатами Альпийской дивизии: минус 42 градуса - в канун Рождества и 46 градусов - ночью 17 января.

{24} Если быть точным, это была не Кантемировка, а другая деревушка, к югу от нее, под названием Гартмищевка. Там тоже была железнодорожная станция.

* * *

В первых итальянских изданиях настоящей книги за примечаниями автора следовало приложение, где было указано, кто из упоминавшихся в тексте лиц пережил плен и впоследствии вернулся на родину. Это капрал Тамбурини, лейтенанты Корреале и Маккарио, сержант Пиллоне, артиллерист Каттурегли, капитан Магальди, младший лейтенант Сальвадор.

Приложение включало также шесть писем, написанных репатриантами, с описанием их жизни в плену. Я счел необходимым включить их в первые издания своей книги, потому что в те времена (первое издание вышло в 1947 году) не существовало почти никаких свидетельств пребывания итальянцев в русском плену, то есть у нашего народа не имелось информации по этому вопросу.

Впоследствии появилось довольно много публикаций, описывающих ужасную жизнь в лагерях (включая свидетельства о случаях каннибализма), поэтому я решил включить в настоящее издание только два отрывка из писем, написанных рядовым К. П.

Из них вы узнаете, что происходило в Черткове после нашего ухода.

"22.01.1947

Ты спрашиваешь меня, когда русские пришли в Церково (так!). Было 7 часов утра 16 января, когда я услышал первые выстрелы. Я находился в той же избе, где ты меня оставил. Стало ясно, что скоро мы окажемся в руках врага. Так и случилось. В 8 часов утра в дверях появился партизан с шашкой и пистолетом. Я думал, что он нас немедленно пристрелит. Но он только обыскал нас, отобрал все, что ему понравилось, после чего отвел туда, где собирали пленных итальянцев. Там были все - раненые, больные, обмороженные. Затем нас развели по пустым избам и оставили в них, приставив по одному или два охранника. Но те не слишком старательно выполняли свои обязанности. Достаточно было дать им какую-нибудь итальянскую мелочь, и они отпускали нас ходить по деревне. Те из нас, кто чувствовал себя лучше, бродили по домам и выпрашивали еду для себя и тех, кто двигаться не мог. Через 13 дней нас немного покормили и собрали в школе. Выяснилось, что нас осталось всего 2500 человек, поскольку люди умирали каждый день. Через несколько дней к нам присоединились 250 человек, которые оказались отрезанными от вашей колонны. Через 40 дней, 28 февраля, пришел приказ, и нас отправили за Урал. Из 2700 человек к тому времени осталось 1225. Мне повезло. Русские выбрали 42 человека, которые еще могли работать, в том числе и меня. Мы остались в Церкове и работали там до 25 апреля. Затем нас отвели на станцию, погрузили в вагон, в котором мы ехали 22 дня".

"01.02.1947

Ты спрашиваешь о немцах, которые остались в Церкове. Эти кончили плохо. Их сразу же собрали и безжалостно расстреляли. Позже пришел приказ Сталина, что нет необходимости убивать всех пленных. Тогда среди нас стали появляться немецкие и румынские пленные. Их больше не убивали, но не мешали им умирать от голода, холода и болезней. Думаю, они страдали бы меньше, если бы их пристрелили сразу. Но они медленно умирали в руках русских варваров, а ведь где-то далеко их ждали матери, еще не зная, что ждут напрасно".

Подстрочные примечания

{*1} См.: Вайнберг Г.Л. Мир в войне: История Второй мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета.

{*2} См.: Шоу Д. Возрождение Красной армии. - Александрия: Изд-во Time-life Books. Многие обитатели лагерей, которые сумели пережить голод, умерли от воспаления легких и туберкулеза.

{*3} Вайнберг Г.Л. Мир в войне: История Второй мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета.

{*4} См.: Д'Эстэ К. Паттон: гений войны. - Нью-Йорк: Изд-во Harper Collins.

{*5} Armata Italiana in Russia (ARMIR).

{*6} Corpo di Spedizione Italiano in Russia (CSIR).

{*7} Здесь и далее цифрами обозначены затекстовые примечания автора.

{*8} Форма обращения младшего по званию к лейтенантам (старшим и младшим). Автор был младшим лейтенантом.

{*9} Батальоны М - отборные силы итальянских фашистов. М - первая буква имени Муссолини.

{*10} "Савойя!" - боевой клич итальянцев, аналогичный русскому "Ура!". В бою итальянцы вспоминают о королевском доме Савойи.

{*11} В настоящих записках упоминаются два человека, носившие одинаковые имена: приятель автора - младший лейтенант Марио Беллини и его командир.

{*12} Автор ссылается на римскую католическую практику, которая в наши дни стала очень редкой. Имеется в виду обет искупления. Для его выполнения автор должен был совершить что-то во искупление, если бы Цорци вернулся. Причем вместе с Цорци.